

Татьяна Мажорина

Дорогами строк

Дорогами строк

Татьяна Мажорина

ISBN 978-5-91951-555-5

9 785919 515555

Татьяна Мажорина

Дорогами строк

Очерки, эссе, статьи, рецензии

*Альтаир
Ростов-на-Дону
2019*

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

М 13

Книга выпущена при поддержке министерства культуры
Российской Федерации.

Автор благодарит Российский союз профессиональных
литераторов за оказанную материальную помощь
в издании книги.

Мажорина Т. А.

М 13 **Дорогами строк.** Очерки, эссе, статьи, рецензии. –
Ростов-на-Дону: Альтаир, 2019. – 288 с.

«Дорогами строк» – третья книга художественно-публицистических очерков, эссе и рецензий о поэтах и поэзии, написанных автором. Материал расположен в хронологическом порядке, начиная от Гавриила Державина и до известных донских поэтов, членов СПР, таких как Александр Рогачёв, Анатолий Ансимов, Анатолий Гриценко, Борис Примеров. В конце книги размещено несколько авторских зарисовок, в том числе автобиографического характера. Первая из книг – «Служение слову», выпущена ООО Издательством «Донской писатель» (Ростов-на-Дону, 2017). В ней отсчёт ведётся от Данте Алигьери. Вторая – «Мои союзники» – о творчестве современных авторов, чьи произведения представлены на сайте издательства «Союз писателей» и в одноимённом журнале (Новокузнецк, 2018). Сборник опубликован по итогам премии журнала «Союз писателей» за 2017 г.

12+

ISBN 978-5-91951-555-5

© Мажорина Т. А., 2019

© Оформление ООО «Альтаир», 2019

Об авторе

Татьяна Александровна Мажорина – поэт, публицист, председатель Регионального отделения Российского Союза профессиональных литераторов (с центром в Волгодонске). Автор книг: «Кому это надо?» (басни – 2008), «Надежда в сердце моём» (стихи – 2010), «Мне бы выплеснуть душу» (стихи – 2013), «Просто – шутка» (басни, каламбуры, лимерики – 2015), «И плавился рассвет» (стихи – 2016), «Служение слову» (очерки, эссе, рецензии – 2017), «Мои союзники» (очерки, эссе, рецензии 2018). «Мастерам рисунка и кисти посвящается» стихи – 2019).

Публиковалась в литературных альманахах и журналах: «Многоголосье струн сердечных», «Эхо победной весны», «Наше Слово» (Волгодонск), «Феникс» (Белая Калитва), «Пролог» (Новочеркасск), «Эхо шахтинских прогулок» (Шахты), «Дон и Кубань», «Дон новый», «Донской литературный альманах» (Ростов-на-Дону), «Южная звезда» (Ставрополь), «Лири» (Южноуральск), «Искры юмора и смеха», «Патриот России» (Калуга), «Параллели» (Самара), «Родине поклонитесь» (Орёл), «Под небом рязанским» (Рязань), «Российский литератор» (Нижний Новгород), «Литера» (Тверь), «По волнам классики», «Союз писателей», «Откровение», «Золотой томик стихов-3» (Новокузнецк), «Эолова арфа», «Звезда полей», «Крымский мост» (Москва), «Славянская лира» (Минск).

Член Союза писателей России с 2017 г. В Волгодонске проживает с 1976 года.

«Кто вёл его на Геликон»

Гавриил Романович Державин
1743 – 1816

(К 275-летию со дня рождения Г.Р. Державина)

*Кто вёл его на Геликон
И управлял его шаги?
Не школ витийственных содом, –
Природа, нýжда и враги.*

1

Согласно мифологии, Геликон – гора в Греции, на вершине которой находится священный источник, забивший от удара копытом крылатого коня Пегаса. Для муз он был источником вдохновения. «Природа, нýжда и враги» – три основных составляющих, от которых всегда отталкивался в своём творчестве Гавриил Романович Державин и которые привели его к вершине стихотворчества. Подтверждением этого факта служат его строки из письма к Д.И. Хвостову от 31 мая 1805 года по поводу этого стихотворения: «...объяснение четырёх сих строк составит историю моего стихотворства, причины оногo и необходимость».

Бытует мнение, что стихи не следует объяснять, однако Державин придерживался иной точки зрения, то есть очень хотел, чтобы его лирика была понятна и востребована следующими поколениями. Правда, желание это пришло не вдруг, а

после знакомства с Евгением Новгородским – викарием, который в ту пору трудился над составлением словаря о русских писателях. Не будучи знаком лично с Державиным, он обратился с письмом к приятелю поэта Д.И. Хвостову с просьбой сообщить ему некоторые подробности автобиографии писателя.

На тот момент Гавриил Романович Указом Александра I-го был отстранён от государственной службы и проживал в своей усадьбе Званка Новгородской области на высоком живописном правом берегу реки Волхов. Работа над «Объяснениями» и «Записками» стала последним делом Державина, делом подведения итогов, в которое он вложил всю свою душу. Сменилась эпоха, изменился стиль написания, а его «Объяснения» сегодня помогают нам лучше понять то время в свете исторических событий. Итак, коснёмся биографии писателя, которую он вёл в «Записках», якобы от третьего лица:

«Бывший статс-секретарь при императрице Екатерине Второй, сенатор и коммерц-коллегии президент, потом при императоре Павле член верховного совета и государственный казначей, а при императоре Александре министр юстиции, действительный тайный советник и разных орденов кавалер, Гавриил Романович Державин родился в Казани от благородных родителей, в 1743 году июля 3 числа».

Отец – из обедневшего рода Багрима мурзы, выехавшего из Золотой орды при царе Иване Васильевиче Тёмном. Заработав чахотку после конского удара, он был переведён в оренбургские полки премьер-майором. На время женитьбы имел 10 душ крестьян, а мать 50. Должного образования будущему поэту родители были не в состоянии обеспечить. К тому же, отец рано умер, оставив вдову с двумя сыновьями, годовалой дочерью и 15-ю рублями долгу. Соседи отобрали у них земли и, построив мельницы, затопили луга. Страдания матери от несправедливости навечно остались запечатлены в сердце мальчика.

В 1758 году в Казани открылась гимназия, подведомственная Московскому университету, куда поступили оба бра-

та Державины. Младший Андрей предпочитал точные науки, а Гавриил показал способности в рисовании и во всём, что касалось воображения. Получив задание исследовать и описать развалины древнего татарского или Золотой орды города Болгары, лежащего между Камой и Волгой, он более чем преуспел в этом.

В 1762 году получено горестное известие о кончине императрицы Елисаветы Петровны. Державин отбыл в Петербург для прохождения службы в Преображенском полку. Паспорт оказался просроченным, поскольку пролежал в канцелярии до вступления в должность Петра III, а потому, не имея покровителей, Гавриил был причислен рядовым в третью роту. По ночам читал книги, «марал стихи без всяких правил», наловчился писать письма родственникам сослуживцев, чем снижал их уважение.

Начало службы совпало с дворцовым переворотом, приведшим к власти императрицу Екатерину II, в котором Преображенский полк сыграл немаловажную роль. Юный новобранец толком и не понял, что произошло, но будучи убеждённым сторонником просвещённого абсолютизма, он с Екатериной связывал многие надежды и чаянья. В ранних стихах Державин подражал Ломоносову, восхищался его одическим слогом, но никак не мог совладать с ним. И неожиданно пришёл к выводу, что он не будет воспевать величие монаршей особы, «громоздя одну метафору на другую», а выразит то, что ощущает он сам и может почувствовать читатель. Примером новаторства может послужить его ранняя «Ода Екатерине», написанная в 1767 году:

*На что ж на горы горы ставить
И верх ступать как исполин?
Я солнцу свет могу ль прибавить,
Умножу ли хоть луч один?*

*Твои, монархиня, доброты,
Любовь, суд, милость и щедроты
Без украшения сияют!
Поди ты прочь, витийский гром!
А я, что Россы ощущают,
Лишь то пою моим стихом.*

«Витийский гром» – имеется в виду высокий стиль. Кроме того, поэт изучал творчество Тредиаковского, Кантемира, Козловского и Сумарокова (на последнего даже писал эпиграммы), но в конце концов выработал свой стиль. Первым стал писать о человеке, в том числе и о себе самом как о личности, причём не велеречиво и возвышенно, а весьма реалистично, опустив его с неба на землю.

Когда в 1773 году поползли слухи о появившемся в Оренбургской губернии разбойнике – Емельяне Пугачёве, Державин бросился на защиту интересов государыни. Поскольку он был беспокойным и со всеми слишком прямолинейным, то особых привилегий от командования ему не перепало. Военную карьеру пришлось оставить. В 1777 году путём унижительных хлопот удалось получить статус коллежского советника и 300 душ в Белоруссии. Спустя год, он женился по любви на 17-ти летней Бастидоновой Катарине Яковлевне – молочной сестре великого князя Павла Петровича – девице обаятельной и воспитанной.

В эти годы сложилось некое творческое общество, душой которого были его друзья: Н.А. Львов (архитектор, поэт, музыкант переводчик), В.В. Капнист (поэт и драматург), И.И. Хемницер (поэт и баснописец).

В 1779 году Гавриил Романович пишет оду «На смерть Мещерского». И снова новаторство! Он не ставит целью прославление и увековечивание какого-то важного лица, как требуют

законы классицизма, а просто пишет об одном из своих приятелей – «сыне роскоши и нег», акцентируя внимание на значительности скорбного события, одинаково горестного для любого человека, независимо от статуса и наличия богатства. Смерть всех уравнивает:

*Глядит на всех — и на царей,
Кому в державу тесны миры;
Глядит на пышных богачей,
Что в злате и серебре кумиры;
Глядит на прелесть и красы,
Глядит на разум возвышенный,
Глядит на силы дерзновенны
И точит лезвие косы.*

Анафора, то есть повторение в начале строки «Глядит на» создаёт ощущение неотвратимости, безысходности от взгляда Смерти, а образ её выписан очень детально, постепенно из строфы в строфу усиливается нагнетание эмоциональной напряжённости (градация): «зубами скрежет, как молния кося блещет, и дни мои как злак сечёт, без жалости разит, глотает царства алчна смерть» и т.д. Стихотворение состоит из одиннадцати октав, причём, мысль последней строки каждой октавы плавно «перетекает» – в начало следующей. Повторяющаяся мысль и образ есть не что иное, как лейтмотив. Например, вышеприведённая строфа оканчивается строкой: «И точит лезвие косы». Далее развивается та же мысль:

*Смерть, трепет естества и страх!
Мы – гордость с бедностью совместна;
Сегодня бог, а завтра прах;
Сегодня льстит надежда лестна,*

*А завтра: где ты, человек?
Едва часы протечь успели,
Хаоса в бездну улетели,
И весь, как сон, прошёл твой век.*

Но и этими художественными средствами стихотворение не ограничивается. Державин использует сочетание несочетаемого, то есть оксюморон, который передаёт крайнее волнение, противоречивость душевных переживаний: «приемлем с жизнью смерть свою; на то, чтоб умереть, родимся; здесь персть твоя, а духа нет; где стол был яств – там гроб стоит; сегодня бог, а завтра прах» и т.д. Торжественной эту оду назвать нельзя, но ода-размышление – очень даже уместно. Автор понимает, что жизнь скоротечна, а потому считает самым необходимым сохранить душу чистой:

*Сей день, иль завтра умереть,
Перфильев! должно нам конечно, —
Почто ж терзаться и скорбеть,
Что смертный друг твой жил не вечно?
Жизнь есть небес мгновенный дар;
Устрой её себе к покою,
И с чистою твоей душою
Благословляй судеб удар.*

2

Настоящее признание и известность сорокалетнему Державину принесла ода «Фелица», опубликованная подругой императрицы княгиней Дашковой на первой странице журнала «Собеседник Любителей Российского Слова» в 1783 году. Не стану останавливаться на том, каким путём ода, год лежащая в столе и читаемая только близкими друзьями, попала в печать. У него были причины осторожничать.

Не буду отдельно останавливаться на тропах, применяемых автором, а попробую сконцентрировать внимание только на исторической ценности и достоверности произведения. Ода, ставшая поэтическим триумфом Державина, снова посвящена императрице. Фелица – один из литературных псевдонимов Екатерины II, помимо необходимых законов и грамот, сочинявшей иногда оперы и сказки. С первых же слов чувствуется, что автор обожает свою государыню:

*Богopodobная цареvна
Киргиз-Кайсацкия орды!
Которой мудрость несравненна
Открыла верные следы
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высокоу гору,
Где роза без шипов растёт,
Где добродетель обитает, —
Она мой дух и ум пленяет,
Подай найти её совет.
Подай, Фелица! наставленьё:
Как пышно и правдиво жить,
Как укрощать страстей волненьё
И счастливим на свете быть?*

Принимая её за эталон мудрости и добродетели, он в то же время не отделяет её и от простой русской женщины:

*Мурзам твоим не подражая,
Почасту ходишь ты пешком,
И пицца самая простая
Бывает за твоим столом;
Не дорожа твоим покоем,
Читаешь, пишешь пред налоем*

*И всем из твоего пера
Блаженство смертным проливаешь;
Подобно в карты не играешь,
Как я, от утра до утра́.*

Под «мурзами» подразумеваются придворные вельможи, ведущие праздную жизнь. Высокий одический стиль, живая образная речь и тут же – насмешливые сопоставления и довольно смелые намёки на окружение государыни:

*А я, проспавши до полудни,
Курю табак и кофе пью;
Преображая в праздник будни,
Кружу в химерах мысль мою:
То плен от персов похищаю,
То стрелы к туркам обращаю;
То, возмечтав, что я султан,
Вселенну устрашаю взглядом;
То вдруг, прельщаяся нарядом,
Скачу к портному по кафтан.
Или в пиру я пребогатом,
Где праздник для меня дают,
Где блещет стол серебром и золотом,
Где тысячи различных блюд;
Там славный окорок вестфальской,
Там звенья рыбы астраханской,
Там плов и пироги стоят,
Шампанским вафли запиваю;
И всё на свете забываю
Средь вин, сластей и аромат.*

В этих строках мы узнаём Светлейшего князя, создателя Черноморского военного флота, генерала-фельдмаршала,

умножившего славу России, фаворита Екатерины II и, в то же время, любителя шикарных застолий и праздников Григория Потёмкина. А в строках, приведённых ниже, угадывается первый её фаворит, сыгравший едва ли не главную роль в восхождении её на престол, Григорий Орлов:

*Или великолепным цугом
В карете английской, златой,
С собакой, шутом или другом,
Или с красавицей какой
Я под качелями гуляю;
В шинки пить меду заезжаю;
Или, как то наскучит мне,
По склонности моей к премене,
Имея шапку набекрене,
Лечу на резвом бегуне.
Или музыкой и певцами,
Органом и волынкой вдруг,
Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой дух;*

Многих, очень многих придворных вельмож «одарил» своим вниманием наблюдательный и довольно талантливый автор. К примеру, строки, касающиеся П.И. Панина, любившего псовую охоту: «Или, о всех делах заботу/Оставя, езжу на охоту/И забавляюсь лаем псов». А здесь о егер-мейстере С.К. Нарышкине, который первым ввёл роговую музыку: «Или над невскими брегами / Я тешусь по ночам рогами / И греблей удалых гребцов». Досталось и князю Вяземскому – любителю романов: «То в книгах рыться я люблю, / Мой ум и сердце просвещаю, / Полкана и Бову́ читаю; / За библией, зевая, сплужу» и т.д.

Понятное дело, с одной стороны Державин очень хотел, чтобы оду прочла императрица, а с другой – опасался мести

придворных. Но в итоге всё сложилось благополучно. Прочитав оду, она была растрогана до слёз, прекрасно поняв все намеки и дальновидно рассудив, что придворные должны-таки не забывать своё место. И просто замечательно, что это делается не её собственными руками. И потом, как не растрогаться столь щедрой похвалой в свою честь:

*Тебе единой лишь пристойно,
Царевна! свет из тьмы творить;
Деля Хаос на сферы стройно,
Союзом целость их крепить;
Из разногласия согласие
И из страстей свирепых счастье
Ты можешь только созидать.
Так кормщик, через понт плывущий,
Ловя под парус ветр ревущий,
Умеет судном управлять.*

Кроме того, государыне льстило, что она, судя по тексту, читит закон, а вверенному ей народу, «И знать и мыслить позволяет, / И о себе не запрещает / И быль и небыль говорить». Во времена Анны Иоановны опасно было даже пошептаться с кем-то или не выпить бокал вина за здоровье царицы во время пиршества, или уронить монету, на которой был выгравирован её портрет. Провинившиеся – тут же попадали в тайную канцелярию. А если писарь что-то подправил или сделал перенос титула, не уместившегося на одной строке, это вообще считалось великим преступлением. При Екатерине II подобные страсти не приветствовались:

*Там свадеб шутовских не парят,
В ледовых банях их не жарят,
Не щелкают в усы вельмож;
Князя наседками не клохчут,*

*Любимцы въявь им не хохочут
И сажей не марают рож.
Фелицы слава, слава бога,
Который брани усмирил;
Который сира и убога
Покрыл, одел и накормил;*

Одический жанр автор изменил до неузнаваемости. По большому счёту строгого деления на жанры он вообще не придерживался. Похвальное и сатирическое, высокое и низкое одновременно, очень естественно уживались на его страницах, поскольку в этом заключалась правда жизни. Разумеется, Екатерина II, понимающая толк в литературе, не могла не заметить столь живого и яркого таланта. Гавриил Романович получил чин статс-секретаря при императрице. Кроме того, приблизив к себе Державина, она обнаружила в нём исключительно честного и добросовестного служащего, а потому частенько отправляла на различные ревизии. Правда, не всё так просто: факт назначения был очень ловко обыгран – ниже ещё вернёмся к нему.

Однажды, обедая у своего начальника – генерал-прокурора Вяземского, он получил бумажный свиток с надписью: «Из Оренбурга от Киргизской Царевны мурзе Державину». Удивившись, адресат распечатал содержимое и, чтобы его не уличили во взятках, тут же показал начальнику золотую табакерку, осыпанную бриллиантами и 500 червонных в ней, испрашивая разрешения, возможно ли принять. Вяземский, взглянув на табакерку модной французской работы, сразу догадался, что за «Киргизская Царевна» прислала подарок его подчинённому. Принять разрешил, но затаил ненависть и злобу на стихотворца и в течение двух лет вредил ему по возможности.

Не ужившись с Вяземским, Державин вынужден был оставить службу. Но... «нет худа без добра», как говорится, ведь

уже произошло активное приобщение поэта к большой литературе, в его окружении – много образованных, прогрессивно мыслящих людей. Автор продолжает создавать глубоко художественные, наполненные национальной тематикой, стихотворения самых различных жанров: «На взятие Измаила», «Водопад», «Вельможа», «Мой истукан», «Ласточка», «Приглашение к обеду», «На победы в Италии» и т.д. Начало стихотворения «Видение Музы», написанного вслед за одой «Фелица», завораживает живописной сочностью слога:

*На тёмно-голубом эфире
Златая плавала луна;
В серебряной своей порфире
Блистаючи с высот, она
Сквозь окна дом мой освещала
И палевым своим лучом
Златые стекла рисовала
На лаковом полу моём.
Сон томною своей рукою
Мечты различны рассыпал,*

Не будучи свидетелями тех событий, не всякий читатель способен правильно расставить акценты, а потому «Объяснения» автора оказывают неоценимую услугу, позволяя глубже понять эпоху. Поэта тревожил факт того что государыня, исподтишка прислав ему дорогой подарок, при дворе сделала важный вид, притворяясь, будто вовсе не понимала, что все похвалы в оде «Фелица» относятся именно к ней и удивляясь смелости автора:

*«Мурза! — она вещала мне, —
Ты быть себя счастливым чаешь,
Когда по дням и по ночам
На лире ты своей играешь*

*И песни лишь поёшь царям.
Вострепещи, мурза несчастный!
И страшны истины внемли,
Которым стихотворцы страстны
Едва ли верят на земли;*

Далее она предприняла ещё более хитрый ход, прилюдно пояснив, что «Поэзия не сумасбродство/Но вышний дар богов» и относиться к ней нужно взвешенно, а не использовать её в качестве лести правителям, потому как «Благотворителю прямому/В хвале нет нүжды никакой». Конечно, для человека, не раз битого критиками и обожествлявшего царицу, такое «трудно перенести»:

*Мой бог! мой ангел во плоти!..
Душа моя за ней стремилась;
Но я за ней не мог идти,
Подобно громом оглушённый,
Бесчувствен я, безгласен был.
Но, током слёзным орошённый,
Пришёл в себя и возгласил:
Возможно ль, кроткая царевна!
И ты к мурзе чтоб своему
Была сурова столь и гневна,
И стрелы к сердцу моему
И ты, и ты чтобы бросала,
И пламени души моей
К себе и ты не одобряла?
Довольно без тебя людей,
Довольно без тебя поэту,
За каждую мысль, за каждый стих,
Ответствовать лихому свету
И от сатир щититься злых!*

Что верно, то верно: ему довольно часто приходилось «от сатир щититься злых». Послужной список Гавриила Романовича постоянно расширялся, поскольку долго на одном месте удержаться не мог: должность в Сенате, губернатор Олонецка, затем Тамбова. Усердно берясь за любую работу, он всё переворачивал вверх дном, выявлял массу нарушений, именем закона пытался устанавливать справедливые порядки. В Тамбове он настолько «перегнул палку», что наместник края Гудович подал жадобу императрице на «самоуправство, не считающегося ни с чем губернатора». И хотя Сенатский суд по окончании разбирательств вынес оправдательный вердикт, расположение императрицы и должность при дворе он утратил.

3

Пришлось вновь прибегнуть к своему таланту, написав следующую оду – «Изображение Фелицы», которая начинается обращением к величайшему художнику эпохи Возрождения:

*Рафа́эль! живописец славный,
Творец искусством естества!
Рафа́эль чудный, бесприкладный,
Изобразитель божества!
Умел ты кистию свободной
Непостижимость написать —
Умей моей богоподобной
Царевны образ начертать.
Изобрази её мне точно
Осанку, возраст и черты,
Чтоб в них я видел и заочно
Её и сердца красоты,
И духа чувства возвышенны,
И разума её дела —
Фелица, ангел воплощенный!
В твоей картине бы жила.*

Разве можно женщине, пусть даже императрице, не откликнуться на эти слова?! Но дальше поэт прославляет все деяния на пользу империи российской и делает это весьма талантливо:

*Чтоб сей рекой благодеяний
Покрылась вся её страна;
Я зрел бы цепь пространных зданий,
Где пользует больных она,
Где бедных пищей насыщает,
Где брошенных берёт сирот,
Где их лелеет, возвращает,
Где просвещает свой народ.
Представь, сей славой возбуждённый,
Чтоб зреть её цари пришли,
И как бы древле, удивлённы,
В ней Соломона вновь нашли;
Народ счастливый и блаженный
Великой бы её нарек,
Поднёс бы титулы ей священны;
Она б рекла: «Я человек».*

И «лёд тронулся». Он снова в чести. Государыня принимает Державина по воскресеньям, господа придворные вновь расшаркиваются перед ним. Но потепление было недолгим. Он же не изменился: вновь подолгу и со всею честностью докладывает о злоупотреблениях чиновников, пишет трактат о том, как надлежит поправить положение. Столь ревностное исполнение службы порой вызывало досаду даже у императрицы, которая придерживалась правила «живи и жить давай другим». Общаясь с ней ближе, Гавриил Романович понял, что ничто человеческое ей не чуждо. Екатерина II управляла государством по своему разумению, исходя из политических пер-

спектив и выгод, но никак не по святой правде. Строптивец прямо говорил об этом, а потом снова переживал, что его не допускали ко двору, искал способы примирения.

По стихам и одам Державина можно смело изучать историю России. Важную, очень важную роль играют «Объяснения» поэта. Остановлюсь, пожалуй, на его знаменитой оде «Водопад», опубликованной в 1794 году. Поводом к написанию послужила внезапная смерть могущественного князя в октябре 1791 года на территории подвластной ему Тавриды, то есть Крыма. «Князь Потёмкин, проезжая из Ясс в Николаев, умер на дороге и оставался целую ночь лежащим в степи, покрытым простым плащом», – цитирую автора. Именно смерть выдающегося русского полководца и политического деятеля он сравнивает с бурным водопадом:

*Алмазна сыплется гора
С высот четыремя скалами,
Жемчугу бездна и сребра
Кипит внизу, бьёт вверх буграми;
От брызгов синий холм стоит,
Далече рёв в лесу гремит.*

Водопад Кивач в Олонецкой губернии, который стремится с высоты между четырёх гранитных скал, стал прообразом бушующей водной стихии, а четыре скалы – четыре времени года. Сюжет построен на аллегории. Поскольку Потёмкин ассоциируется с водопадом, то к нему подходят испить воды разные звери, то есть просители:

*Волк рыщет вокруг тебя и, страх
В ничто вменяя, становится;
Огонь горит в его глазах,
И шерсть на нём щетиной зрится;*

*Рождённый на кровавый бой,
Он воет, согласясь с тобой.
Лань идёт робко, чуть ступает,
Вняв вод твоих падающих рев,
Рога на спину приклоняет
И быстро мчится меж дерев;
Её страшит вокруг шум, бурь свист
И хрупкий под ногами лист.
Ретивый конь, осанку горду
Храня, к тебе порой идёт;
Крутую гриву, жарку морду
Подняв, храпит, ушми прядёт,
И, подстрекаем быв, бодрится,
Отважно в хлябь твою стремится.*

Волк олицетворяет непримиримого врага, лань – простой народ, который нуждается в защите князя, но настолько кроток и послушен, что опасается быть просителем в присутствии сильных мира сего. Конь – образ собирательный – являет собой доблестное русское воинство, которое «отважно в хлябь твою стремится», то есть готовое до конца идти за князем, не жалея живота своего. Но в оде отчётливо просматривается образ старца, судя по тексту, не менее великого полководца:

*Под наклонённым кедром вниз,
При страшной сей красе Природы,
На утлом пне, который свис
С утёса гор на яры воды,
Я вижу, некий муж седой
Склонился на руку главой.
Копьё и меч, и щит великой,
Стена отечества всего,
И шлем, обвитый повиликой,
Лежат во мху у ног его.*

*В броне блистая златордяной,
Как вечер во заре румяной,
Сидит — и, взор вперя к водам,
В глубокой думе рассуждает:
«Не жизнь ли человеков нам
Сей водопад изображает? —
Он так же блеском струй своих
Поит надменных, кротких, злых.*

По строке «Как вечер во заре румяной», становится ясно, что старец – это никто иной, как фельдмаршал Румянцев. «Трава повилика – знак любви к отечеству». В обоих случаях автор прибегает к метонимии – сопоставление понятий, основанное на замене прямого названия другим по принципу смежности. Именно старец задаётся вопросом «Не жизнь ли человеков нам/Сей водопад изображает? — И читатель уже не сомневается, что водопад – точно образ великого полководца. Строка «Поит надменных, кротких, злых – позволяет понять широту души Потёмкина, а также, кого имел в виду автор под образами волка, лани и коня. Далее старец, то бишь фельдмаршал, размышляет, что как и водопад, низвергаясь с небывалой высоты, исчезает в тёмной бездне, так и все падут рано или поздно:

*Падут. — И не мечты прельщали,
Когда меня, в цветущий век,
Давно ли города встречали,
Как в лаврах я, в оливах тек?
Давно ль? — Но, ах! теперь во брани
Мои не мещут молний длани!
Ослабли силы, буря вдруг
Копьё из рук моих схватила;*

*Хотя и бодр ещё мой дух,
Судьба побед меня лишила».
Он рек — и тихим позабылся сном,
Морфей покрыл его крылом.*

Старец уснул, «и чудотворный сон являл ему мечты геройски»: Как победитель в первой турецкой войне и благоразумный правитель Малороссии, не так давно он был почитаем лаврами и оливами... Но в последнюю турецкую войну, «по проискам Потёмкина» (прим.автора), фелдмаршал отошёл от дел и жил недалеко от Ясс в маленькой деревеньке. Несмотря на то что он вполне ещё мог принести пользу отечеству, «буря вдруг копьё из рук его схватила». Ода насыщена олицетворениями. Буря здесь не что иное, как немилость императрицы. Далее в образе луны автор подразумевает Оттоманскую Порту, которая всегда страшилась Румянцева:

*Глядела и едва блистала,
Пред старцем преклонив рога,
Как бы с почтеньем познавала
В нём своего того врага,
Которого она страшилась,
Кому вселенная дивилась.
Он зрит одету в ризы чёрны
Крылату некую жену,
Власы имевшу распущённые,
Как смертну весть, или войну,
С косою в руках, с трубой стоящу,
И слышит он — проснись! — гласящу.*

Старец, увидев орла на шлеме женщины в чёрном, «Вздыхнул и, испустя слез дождь,/Вещал: «Знать, умер некий вождь!»

Державин через него даёт понять, насколько велики деяния полководца для укрепления мощи Российской империи:

*Покрыл понт Чёрный кораблями,
Потряс средо земли громами?
Не ты ль, который знал избрать
Достойный подвиг росской силе,
Стихии самые поправить
В Очакове и в Измаиле,
И твёрдой дерзостью такой
Быть дивом храбрости самой?*

Григория Потёмкина оплакивали солдаты, оплакивал народ и Екатерина II, настолько внезапна, убога, чудовищна и нелепа была смерть блистательного полководца. «И ты, о водопадов мать!/Река, на севере гремяща./О Суна! Коль с высот блистать/Ты можешь – и от зарь горяща,/Кипишь и сеешься дождём/Сафирным, пурпурным огнём», – Суна – река, протекающая в Олонецкой губернии, «она названа здесь матерью водопада; сие относится к императрице, которая делала водопады, то есть сильных людей и блистала через них военными делами или победами», – поясняет Гавриил Романович.

4

Летом 1794 года скончалась жена поэта – горячо любимая им Пленира, так называл он её в своих стихах. Свою тоску-печаль он запечатлел в стихах, похожих на народные причитания. Автор мастерски использует синтаксический параллелизм: «не ласточка сладкоголосая, не сияние луны бледное; нет моего друга верного, нет моей доброй жены, нет товарища бесценного» и т.д., что создаёт единый поэтический образ:

*Уж не ласточка сладкогласная
Домовитая со застрехи —*

*Ах! моя милая, прекрасная
Прочь отлетела, — с ней утечи.
... Роят псы землю, вокруг завывают,
Воет и ветер, воет и дом;
Мою милую не пробуждают;
Сердце моё сокрушает гром!*

Намеренно сравнивая жену с ласточкой – самым любимым образом в народных причитаниях и песнях, автор прекрасно осознаёт, что его ласточка уже никогда не одарит его любовью, не окутает теплом-заботой, ничто не в состоянии разбудить её «от крепкого сна», вернуть ему милую подругу. Как бы то ни было, а жизнь шла своим чередом. Частые неприятности по службе лишь усугубляли её течение. Поэта поддержала Дарья Алексеевна Дьякова, ставшая ему впоследствии второй супругой. «Он избрал её так же, как и первую, не по богатству и не по каким-либо светским расчётам, а по уважению её разума и добродетелей», – цитирую пояснение самого автора.

Несомненный интерес представляет ода «Властителям и судиям», которая является стихотворным переложением 81-го псалма ветхозаветного царя Давида. Державин собрал в нём все пороки абсолютной монархии конца XVIII-го века, с гневом обращаясь к правителям и чиновникам всякого рода, забывшим о своём прямом предназначении:

*Цари! Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья,
Но вы, как я подобно, страстны,
И так же смертны, как и я.*

*И вы подобно так падёте,
Как с древ увядший лист падёт!*

*И вы подобно так умрёте,
Как ваш последний раб умрёт!*

1787 год – год написания оды совпал с революцией во Франции, и якобинцы-революционеры этот псалом переложили на свой лад, а народ распевал его на улицах. Выглядело это, как упрёк правлению Людовика XVI. Державин в 1795 году дал посмотреть свою оду императрице, совершенно не подозревая о подобном переложении. И снова попал в немилость за столь дерзкие стихи. В последней строфе он даже не взывает к чести и совести «властителей и судией», потому что больше не верит им. Спасение народа видит лишь в справедливом божьем суде:

*Воскресни, боже! боже правых!
И их молению внимли:
Приди, суди, карай лукавых,
И будь един царем земли!*

В ноябре 1796 года скончалась Екатерина II. К власти пришёл император Павел. Державина государь принял милостиво, предложив пост правителя верховного совета и дозволив ему вход к себе в любое время. Гавриил Романович, поблагодарив его отозвался, «что он рад ему служить со всею ревностью, ежели его величеству угодно будет любить правду, как любил её Пётр Великий» (из «Записок» автора). На другой день обнаружил себя в списке «правители канцелярии Совета», а это две большие разницы. Потом Державин стал просить у государя инструкции и посетовал, что не знает, как себя вести: сидеть или стоять в Совете. Разгневавшись, Павел приказал: «Поди назад в Сенат и сиди у меня там смирно, а не то, я тебя проучу». И снова поэт в опале. Даже домашние пытались его вразумить. Пришлось прибегнуть к испытанно-

му ранее способу. Он написал оду «На Новый 1797 год» и через С.И. Плещеева передал императору. Ода возымела успех:

*Занёс последний шаг — и, в вечность
Ступя, сокрылся прошлый Год;
Пожрала мрачна неизвестность
Его стремленье, быстрый ход.
Где ризы светлы, златозарны,
Где взоры голубых очес?
Где век Екатерины славный?
Уж нет их! — В высоте небес
Явился Новый Год нам в мире
И Павел в блещущей порфире.*

Похвалы, отпускаемые правителю, нельзя в полной мере отнести к лести, поскольку в начале царствования Павел I пытался действовать по справедливости, проявляя великодушные, милосердие. «Он поднял скиптр — и пробежала/Струя с небес во мрак темниц», то есть освободил из тюрем многих заключённых в первую очередь тех, кто сидел за оскорбление Её Величества или не повиновался рекрутскому набору, приказал вернуть хлеб, забранный в казну из сельских магазинов. «Тогда же он кроме драгоценных вещей и нескольких миллионов денег роздал до трёх сот тысяч душ крестьян. Он тотчас принялся за устройство армии, ввёл строгую дисциплину, укомплектовал полки и сам подавал пример» (Из комментариев Я. Грота).

*Воссел на трон — и осветилась
Душа его огнём щедрот:
Седина почестями покрылась;
Собирают бедных, вдов, сирот;*

*Увечных воев награждают;
Прощенье недруги внимают,
Заслуги получают мзду.
Так Бог в величии, во славе,
Во благовременну чреду,
Льёт благодать своей державе
В зрях, в росах, в дождях, в лучах;
Все руки к небу воздевают
И от него все ожидают
Себе возможных твари благ.*

Следует сказать, что Державин не единственный, воздававший хвалу правлению Павла I. На заре правления Павла основным направлением внешней политики виделась борьба с революционной Францией. В 1798 году Россия вступила в антифранцузскую коалицию с Великобританией, Австрией, Турцией, Королевством Обеих Сицилий. По настоянию союзников главнокомандующим русскими войсками был назначен опальный Александр Суворов, отстранённый ранее Павлом и сосланный в глухое Кончаковское имение за то, что выступил против опруссачивания русской армии. В его ведение также передавались и австрийские войска. С 1799 года граф получил статус князя Итальянского. Поэт много произведений посвятил Александру Васильевичу, в том числе «На переход Альпийских гор»: «Чрез неприступны переправы, / На высоте ты новой славы / Явился, северный Орел!»:

*Ведёт под снегом, вихрем, градом.
Под ужасом природы всей;
Встречается спреди и рядом
На каждом шаге с тьмой смертей;
Отвсюду окружён врагами:
Водой, горами, небесами*

*И воинством противных сил.
Вблизи падут со треском холмы,
Вдали там гулы ропчут, громы,
Скрежещет бледный голод в тыл.*

Неимоверно трудный переход. Изнурённые, голодные, промокшие до костей солдаты, офицеры, генералы ценой своей жизни добыли славу русской короне. Снег, туман, пронизывающий холод, в двух шагах ничего не видно. Каждый неверный шаг стоил жизни. Но невыполнимых задач для Суворова не существовало. Прославленный полководец принимал участие и в подавлении пугачевского бунта, конвоируя Емельяна Пугачева в Симбирск. Умер А.В. Суворов в Санкт-Петербурге 6 мая 1800 г. На его смерть Державин откликнулся стихотворением «Снегирь». А натолкнул на это настоящий снегирь, живший у него в клетке и обученный петь одно колено военного марша. Вернувшись с похорон, поэт услышал, что снегирь встречает его военной песней. Слова пришли сразу же:

*Что ты заводишь песню военну
Флейте подобно, милый Снегирь?
С кем мы пойдем войной на Гиену?
Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?
Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Северны громы в гробе лежат.*

Стихотворение небольшое, состоит из 4-х секстин, но в нём удивительно органично сочетаются правда жизни и глубокие лирические переживания, что и заключает в себе поэтическое мастерство. А потому рассмотрим его более предметно. Умер генералиссимус – честь и доблесть Российской империи. Автор в крайнем волнении, в растерянности задаётся рядом вопросов (синтаксический параллелизм), на которые не знает ответа. Под Гиеной подразумевается революци-

онный дух Франции (олицетворение), усмирить которой был послан Суворов. «Северны грома в гробе лежат» – сам Суворов (синекдоха – разновидность метонимии, заключающейся в замене единственного числа множественным).

*Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари;
В стуже и в зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысячи воинств, стен и затворов
С горстью россиян все побеждать?*

*Быть везде первым в мужестве строгом,
Шутками зависть, злобу штыком,
Рок низлагать молитвой и Богом,
Скиптры давая, зваться рабом,
Доблестей быв страдалец единых,
Жить для царей, себя изнурять?*

В этих двух строфах дана полная характеристика величайшему полководцу, человеку «с русским сгибом ума», которого уже никто и никогда не сможет заменить. Нет надобности описывать насколько близок он был простым солдатам, ни на йоту не отделяя себя в быту и превозмогая с ними все тяжести военных походов, то есть «жил для царей, себя изнуряя» и при этом дарил им скиптры. «Никто столько не отличался истинным мужеством, как он, и побеждал шутками зависть, потому что притворялся, нарочно делая разные проказы, чтобы над ним смеялись и, считая его дураком, менее бы ему завидовали» (Г.Д). В бою он был жесток с неприятелем, потому что считал, что наведя на врага ужас, он скорее покорится, и победа достанется куда меньшим кровопролитием, нежели затяжная война с постоянными уступками.

*Нет теперь мужа в свете столь славна:
Полно петь песню военну, Снегирь!
Бранна музыка днесь не забавна,*

*Слышен отвсяду томный вой лир;
Львиного сердца, крыльев орлиных
Нет уже с нами! Что воевать?*

«Полно петь песню военну, Снегирь!» Строка, которой заключено стихотворение. Всё. Круг замкнулся. Заключительная строфа возводит Суворова на пьедестал, потому что Державин не видит более славного мужа и потому что «Львиного сердца, крыльев орлиных/Нет уже с нами!» Стихотворение заканчивается простым и щемящим вопросом, проникающим в душу читателя: «Что воевать?»

12 марта 1801 года на престол вступил Александр, сын убитого Павла и внук Екатерины (Фелицы). В первом же своём манифесте он торжественно обещал царствовать по закону и по сердцу Екатерины. Государь приказал Державину написать организацию или устройство Сената, правила третейского совестного суда, которые принял с восторгом, но так и не воспользовался ими. Поскольку поэт очень любил посвящать правителям ряд своих произведений, то и юного Александра он без внимания не оставил, отозвавшись на сказку, некогда написанную Екатериной, где имя царевича было Хлор. А у Державина получилась ода «К царевичу Хлору» и тоже в иносказательной форме:

*Прекрасный Хлор! Фелицын внук,
Сын матери премилосердной,
Сестёр и братьев нежный друг,
Супруг супруге милый, верный —
О ты! чей рост, и взор, и стан*

*Есть витязя породы царской,
Который больше друг, чем хан
Орды, страны своей татарской!*

*Послушай, неба серафим,
Ниспосланный счастливить смертных,
Что пишет солнцев сын, брамин,
Желая благ тебе несметных!*

Державину очень по душе было то, что император не сорил деньгами, а во всём предпочитал умеренность. Летом в основном жил в небольшом доме на Каменном острове. И сам и супруга ездили четверней с одним лакеем. Подражая ему, многие вельможи цугов совсем не использовали. Однажды, заседая в министерском комитете, членом которого был и автор, государь отказал в оплате расходов одному из просителей, не считая их первостепенными и обоснованными:

*И будто ты, увидя раз
Лису иль волка в агнчей коже,
Вмиг от своих сгоняешь глаз,
Хотя б их зрел в каком вельможе.
А наконец, хотя и хан,
Но так ты чудно, странно мыслишь,
Что будто на себе кафтан
Народу подлежащим числишь;
Пиров богатых не даёшь,
Убранство, роскошь презираешь,
В чертогах низменных живёшь,
Царицу четверней катаешь;
И ходя иногда пешком,
Ты по садам цветы срываешь,
Но злата не соришь мешком;*

*Торопишься в делах не скоро,
Так шьёшь, чтоб после не пороть;
Мнишь, не доходом в доме споро,
А где умеренный расход.*

Как-то императору поступили сведения о крайних злоупотреблениях в Калуге, и он отправил туда Державина с ревизией. Результат не заставил себя ждать: список недоброжелателей расширился. Были и другие «нестыковки». Ему было предложено написать прошение об увольнении с должности министра юстиции, но остаться в Совете и Сенате и даже при министерском жаловании, на что Гавриил Романович не мог согласиться и в конце концов подал просьбу о полном увольнении. Так 8 октября 1803 года «беспокойный» поэт оставил кресло генерал-прокурора, годом раньше пожалованное ему государем.

Его вторая жена – Дарья Дьякова, имевшая многочисленную родню, любила устраивать шикарные обеды. Державин ничего не имел против, к тому же, и ранее довольно красочно описывал застолья. В исследовательской литературе о нём существует даже определение «державинский натюрморт». Приведу пример из стихотворения «Евгению. Жизнь Званская»:

*Багряна ветчина, зелёны щи с желтком,
Румяно-жёлт пирог, сыр белый, раки красны,
Что смоль – янтарь-икра, и с голубым пером
Там щука пёстрая – прекрасны!*

Находясь у себя в имении в состоянии вынужденного «покая», он полностью отдался творчеству, а потому предложение викария – Евгения Новгородского о написании биографии попало в благодатную почву. Так родились его «Объяснения» и

«Записки», а для нас – читателей будущей эпохи, уникальная возможность сопоставить в свете исторических событий самостоятельную жизнь стихов с авторской трактовкой:

*Блажен, кто менее зависит от людей,
Свободен от долгов и от хлопот приказных,
Не ищет при дворе ни злата, ни честей
И чужд сует разнообразных.*

8 июля (20 по новому стилю) не стало поэта, драматурга, большого государственного деятеля Гавриила Романовича Державина. Детей ни от первого ни от второго брака у него не было. В 1800 году, по смерти своего друга, Петра Гавриловича Лазарева, принял на попечение детей его, в числе которых был и Михаил Петрович Лазарев — выдающийся адмирал, открыватель Антарктиды, губернатор Севастополя. Кроме того, в доме воспитывались осиротевшие племянницы Дарьи Дьяковой – дети её сестры Марии и поэта Николая Львова: Елизавета, Вера и Прасковья. Дневник Прасковьи содержит интересные подробности о семье Державина.

Использованные материалы:

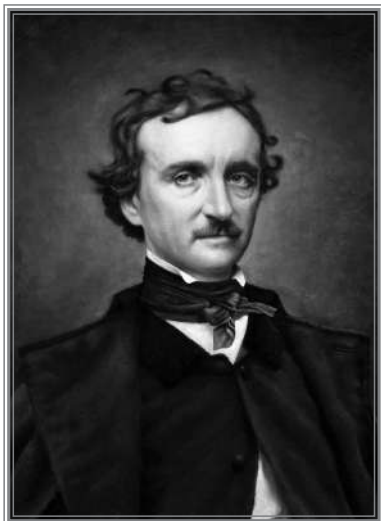
Г. Р. Державин. – Сочинения. – Москва, издательство «Правда» 1985 г.

*Интернет-ресурсы: Википедия и комментарии Я. Грота
<http://derzhavin.lit-info.ru/derzhavin/stihi/stih-378.htm>*

02.05. 2018.

«Правда всякой выдумки странней»

Эдгар Аллан По
1809 – 1849

«Правда всякой выдумки странней» – строка из байроновского «Дон Жуана», которую очень любил повторять американский писатель, неисправимый поэт-романтик, великий мистификатор Эдгар Аллан По. Именно о нём и его творчестве пойдёт речь далее. Питая страсть к логике, в юности я по несколько раз перечитывала новеллы автора о Дюпене, умевшем быстро отыскивать ключик ко всякого рода запутанным делам. Истинный

аналитик, указавший, что в расследовании преступлений куда продуктивнее отталкиваться не от правил игры, а от того, что как раз-таки им противоречит, вызывало интерес. Пыталась предугадывать по ходу чтения, в редких случаях что-то удавалось)) Не этот ли принцип позже будут использовать знаменитые сыщики: Шерлок Холмс, Эркюль Пуаро, миссис Марпл?.. Но это преамбула, если можно так сказать...

Значительно позже, когда прочла его «Ворона», захотелось перечитать всю лирику и, по возможности, больше узнать о личности автора. Как можно было написать такое многослойно-глубокое произведение, пока не укладывалось в голове... «Ворон и другие стихи» – самая значительная прижизненная книга писателя, ставшая вершиной романти-

ческой лирики и, что особенно важно, в ней наиболее ощутимо слились в единое целое музыка звука и музыка слова. События происходят в комнате лирического героя, который потерял любимую:

*Как-то в полночь, в час угрюмый, полный тягостною думой,
Над старинными томами я склонялся в полусне,
Грёзам странным отдавался, – вдруг неясный звук раздался,
Будто кто-то постучался – постучался в дверь ко мне.
Ясно помню... Ожиданье... Поздней осени рыданья...
И в камине очертанья тускло тлеющих углей...
О, как жаждал я рассвета, как я тщетно ждал ответа
На страданье без привета, на вопрос о ней, о ней –
О Леноре, что блистала ярче всех земных огней, –
О светиле прежних дней.
И завес пурпурных трепет издавал как будто лепет,
Трепет, лепет, наполнявший тёмным чувством сердце мне.*

Безысходность, грусть и меланхолия сквозит в каждой строке. Эпитеты и метафоры, используемые в тексте, ещё более нагнетают удручающее состояние человека, скорбящего о невозполнимой утрате. Мрачная обстановка не только в комнате, но и за её пределами. Ненастная декабрьская полночь, пронизывающий ветер, конец года – финал, можно сказать:

*Я толкнул окно с решёткой, – тотчас важною походкой
Из-за ставней вышел Ворон, гордый Ворон старых дней,
Не склонился он учтиво, но, как лорд, вошёл спесиво
И, взмахнув крылом лениво, в пышной важности своей
Он взлетел на бюст Паллады, что над дверью был моей,
Он взлетел – и сел над ней.
От печали я очнулся и невольно усмехнулся,
Видя важность этой птицы, жившей долгие года.*

*«Твой хохол ощипан славно, и глядишь ты презабавно, –
Я промолвил, – но скажи мне:*

*в царстве тьмы, где ночь всегда,
Как ты звался, гордый Ворон, там, где ночь царит всегда?»
Молвил Ворон: «Никогда».*

Ворон выбран не случайно. Спутник смерти и в тоже время символ мудрости и пророчества. Зная о том, он уселся на бюст Паллады – древнегреческой богини мудрости над дверью. Рассказчик пытается унять волнение, взять себя в руки и, даже несколько подтрунивая над птицей, пытается узнать имя Ворона. Услышав слово – «Nevermore», состоящее из двух наречий («никогда больше»), удивился и стал задавать ещё ряд вопросов относительно того, сможет ли он преодолеть своё горе и встретится ли своей Lenore, то есть возлюбленной хотя бы не в этой жизни. На все вопросы – ответ один:

Каркнул Ворон: «Никогда».

*И воскликнул я, вставая: «Прочь отсюда, птица злая!
Ты из царства тьмы и бури, – уходи опять туда,
Не хочу я лжи позорной, лжи, как эти перья, чёрной,
Удались же, дух упорный! Быть хочу – один всегда!
Вынь свой жёсткий клюв из сердца моего,
где скорбь – всегда!»*

Каркнул Ворон: «Никогда».

*И сидит, сидит зловещий Ворон чёрный, Ворон вещий,
С бюста бледного Паллады не умчится никуда.
Он глядит, уединённый, точно Демон полусонный,
Свет струится, тень ложится, – на полу дрожит всегда.
И душа моя из тени, что волнуется всегда.
Не восстанет – никогда!*

Рефреном проходящее «Никогда», в разы усиливает смысл неотвратимости и безысходности смерти и приводит лирического героя к мысли о том, что он никогда не сможет забыть о трагедии (Ворон как её олицетворение никогда не собирается покидать его) и встретиться с Ленорой ни в этой жизни (её голова никогда не прикинется к алой бархатной подушке), ни в райской. Рассказчик испытывает внутренний конфликт, мечется между желанием забыть и желанием помнить о своей умершей возлюбленной. Это осознанный акт самобичевания, лишь обостряющий чувство глубокой потери. Заслуживает внимания эссе Эдгара По «Философия творчества», где он делится с читателем главным принципом работы над произведением.

Литераторы, как это часто случается, приняли книгу далеко неоднозначно. Одних привлекали светозвук и многомерность метафор, других – наоборот раздражали неясность и неуловимость содержания. Руфус Грисуолд – бывший священник и друг Эдгара, доверявшего ему беспредельно, годами собирал компромат на писателя и в посмертном некрологе представил его, как «пьяного дебошира и скандалиста, одержимого демоном честолюбия». Спасибо ещё, что признавал несомненный творческий дар, вложенный в него Природой, но «который был явно недостоин, выпавшему ему жребия художника». Наветы мнимого друга долго принимались обществом за правдивые свидетельства, правда, все по-разному это воспринимали. К примеру, Малларме утверждал от имени младшего поколения символистов, что Эдгар По – несомненный их лидер и даже объявили его своим Предтечей. Бодлер в течение 17-ти лет кропотливо изучал творчество и биографию писателя, обнаружившего в нём невероятно родственную душу.

Существует расхождение в восприятии некоторых произведений и среди наших классиков. Валерий Брюсов по прочтении «Лигеи» охарактеризовал её как «позорную коме-

дию, коей название «Червь-победитель», а поскольку она разыгрывается на сцене бытия, то к чему вообще жить» (Собр. соч. М 1977, Т. 6, с. 221). Александр Блок – напротив, относился с пониманием и глубоко ценил творчество писателя: «Эдгар По – воплощённый экстаз, «планета без орбиты» в изумрудном сиянии Люцифера, носивший в сердце безмерную остроту и сложность, страдавший глубоко и погибший трагически». Ранний Блок многое почерпнул из художественных принципов По, к тому же, заметил некие ниточки, протянувшиеся от писателя к смелым фантазиям Жюль Верна и Герберта Уэлса. Достоевского также привлекали суть творческого замысла и сила воображения автора, дополняемая силой конкретики. Он даже опубликовал три рассказа в журнале «Время».

Жизнь Эдгара изначально связана с чередой невосполнимых потерь. Родился он в Бостоне 19 января 1809 г. Отец – Давид По – американец ирландского происхождения, забросив карьеру юриста, увлёкся драматургией, женился против воли родителей на английской актрисе Элизабет Арнольд. Гастролировали по стране с театром и тремя детьми, которые появились один за другим. Так случилось, что и Давид и Элизабет почти одновременно умерли от чахотки. Эдгару на тот момент было всего лишь два года. Его усыновил шотландский купец Джон Аллан, а сестру Розали – другой шотландец. Старшего сына Вильяма забрал дед по отцовской линии – генерал Давид По. Так дети, потерявшие родителей, оказались разлучены друг с другом. Сохранились воспоминание шотландцев, которые узнав о тяжёлой болезни красавицы Элизабет – любимицы публики, тут же решили навестить её. Картина была ужасающей: женщина умирала в полной нищете, на соломенной постели. В доме ни еды, ни денег, ни одежды, ни дров, чтоб согреться. Старуха, присматривающая за детьми, чтобы успокоить младшего Эдгара, накормила его хлебом, замоченным в джине....

Так будущий писатель оказался в богатой приёмной семье. Жена Аллана, убедившая мужа усыновить Эдгара, души в нём не чаяла. Да и приёмный отец поначалу гордился живым, сообразительным ребёнком, правда, будучи чрезмерно вспыльчив, частенько прибегал к наказаниям. Однажды малыш, попросив мать заступиться за него, понял, что она не может этого сделать. И выход был найден: он наломал в саду хорошую связку прутьев и смиренно преподнёс её мистеру Аллану. «Это зачем?» – спросил тот. «Чтобы меня высечь», – ответил пятилетний ребёнок, чем окончательно расположил его к себе. Эдгара одевали как принца, в его распоряжении были собственные собаки и пони для верховых прогулок. «Красивый баловень, маленький любимец, голос которого был законом в доме», а сам он «господином своих поступков», – напишет позже К. Бальмонт, занимаясь переводами произведений писателя на русский язык.

В июне 1815 года мистер Аллан вместе с семьёй ненадолго отправился по делам в Англию, но пришлось задержаться там на пять лет. Дальнейшее детство Эдгара – это закрытые лондонские пансионы, унылый, неукоснительно соблюдаемый распорядок дня, педантичные наставники. Но здесь он учился математике и языкам: английскому, французскому и латинскому. Неподалёку жили в то время гениальные юноши: Байрон, Шелли и Кит, покорявшие публику своими звонкими песнями. Старинные здания времён готической постройки зачаровывали ребёнка мрачной красотой, погружали в таинственные размышления, грёзы. Памятное морское путешествие и пятилетняя жизнь в строгой и чопорной Англии навсегда отложились в памяти наблюдательного ребёнка.

По истечении пяти лет семья снова вернулась на Юго-восточное побережье Атлантики в штат Виргиния. По приезду впечатлительный мальчик начал сочинять стихи. В 1822 году отец определил его в школу в Ричмонд – столицу Виргинии.

Юность писателя началась очень рано. Однажды, зайдя в дом к однокласснику, он познакомился с его матерью Джейн Стенард. «Эта леди взяла его за руку и сказала несколько ласковых слов, и эта ласка чужого человека до такой степени потрясла мальчика-юношу, что он онемел и был близок к потере сознания. Эта напряжённая чувствительность к чужой доброте по отношению к нему была одной из самых выдающихся черт характера Эдгара По за всю его жизнь», – пишет в своём очерке К. Бальмонт. Юноша стал посвящать ей стихи, обращаясь к ней как «К Елене» и считая это имя более поэтическим:

*По жестоким морям я блуждал, нелюдим,
Но классический лик твой, с загадкою грёз,
С красотой гиацинтовых нежных волос,
Весь твой облик Наяды — всю грусть, точно дым,
Разогнал — и меня уманила Наяда
К чарованью, что звалось — Эллада,
И к величью, что звалось — Рим.
Вот, я вижу, я вижу тебя вдалеке,
Ты как статуя в нише окна предо мной,
Ты с лампадой агатовой в нежной руке,
О, Психея, из стран, что целебны тоске
И зовутся Святою Землёй!*

Но снова потеря. Через несколько месяцев с Джейн случилась беда: она лишилась рассудка и вскоре умерла. Он очень переживал, по ночам ходил на могилу и, чем холоднее была ночь, тем дольше оставался на кладбище, чтобы покинувшей этот мир, было не так холодно под землёй. Не успев толком отойти от потрясения, судьба подготовила ему следующее. Эдгар влюбился в Сару Эльмиру Ройстер – дочь одного из компаньонов приёмного отца. Жениху на тот момент шёл семнадцатый год, а невеста – и того моложе. Любовь их продлилась до

поступления Эдгара в университет. О тайной помолвке узнали родители девочки, перехватив любовную записку. Разразился скандал. Мистер Аллан лишил приёмного сына наследства, а девочку выдали за стряпчего, имевшего немалый достаток и прочное положение в обществе.

В 1827 году в Бостоне Эдгар издаёт первый крохотный сборник «Тамерлан и другие стихотворения». Конечно же, он воспевает свою возвышенную любовь к Эльмире. Пока в стихах чувствуется некоторое восторженное подражание любимому им Байрону:

*Она любви достойна всей!
Любовь, как детство, – над гордыней.
Завидовали боги ей,
Она была моей святыней,
Моя надежда, разум мой,
Божественное озаренье.
По-детски чистый и прямой,
Как юность, щедрый – дар прозренья;
Так почему я призван тьмой –
Обратной стороной горенья.
... Я был честолюбив. Укор
Услышу ль от тебя, отец?
Свою державу я простёр
На полземли, но до сих пор
Мне тесен был судьбы венец.
Но, как в любой другой мечте,
Роса засохла от тепла.
В своей текучей красоте
Моя любимая ушла.
Минута, час иль день – вдвойне
Испепеляли разум мне.*

В университете он пристрастился к карточным играм, влез в долги. Отец отказался выручать своенравного и непокорного юношу. Положение становилось безвыходным. Книга также не принесла ни признания, ни денег. Спасла армия. Прослужил два года и год учился в американской военной академии в Вест-Пойнте. Служба проходила в живописных, безлюдных местах у берегов Южной Каролины, потом – в Виргинии. В 1829 году в Нью-Йорке вышел второй сборник поэта – «Аль-Аарааф». Согласно Корану, Аль-Аарааф – преддверие рая. На создание поэмы писателя вдохновило открытие датским астрономом Тихо Браге звезды в созвездии Кассиопеи, которая получила название Сверхновая Тихо. Именно на этой звезде и располагался арабский Аль Аарааф Эдгара По:

*Высоко, на эмалевой горе,
Средь исполинских воздымаясь пастбищ,
Громада возносилась колонн,
Не бременя собою светлый воздух,
Паросский мрамор, солнца свет приняв
Закатного, двойной светил улыбкой
На волны те, что йскрились внизу.
Из звёзд был пол, расплавленных, что пали
Чрез чёрный воздух, серебра свой путь,
Серебряный рождая в смерти саван,
Теперь же устелив дворец Небес.*

Аль Аараааф — это некий мир, или даже «антимир», в котором существует Вселенная Высшей Красоты, здесь нет ничего земного (поэма открывается словами «О, ничего земного»), всё подчиняется некой высшей воле. Самой необычной характеристикой этого фантастического и нереального мира является то, что воздух имеет цвет, а тишину можно услышать. Аль Аараааф должен был стать идеальным миром и сосредото-

точением чистых эстетических эмоций. То есть согласно задумке Эдгара По, Высшая красота может быть сосредоточена в одном месте и существовать без привязки к Человечеству, его историческому прошлому.

1831 год. Сокурсники, ценившие его эпиграммы-экспромты, собрали денег на новую книгу, но были разочарованы, не увидев в ней сатирических куплетов. Из Вест-Пойнта его изгнали за нарушение дисциплины. В Польше в это время случилось восстание и он, вдохновляясь примером Байрона, подал прошение, решив сражаться на стороне угнетённых. Но вместо Варшавы отец отправил его в Балтимор к своей сестре, которая имела семилетнюю дочь Виргинию. И надо же такому случиться, через эту девочку он передавал записки даме, за которой ухаживал, а лет через шесть-семь сам наконец влюбился в юное создание. Любовь оказалась взаимной и настолько сильной, что никакие препятствия не смогли её разрушить, а мировая лирика обогатилась невероятно мощными по силе эмоционального восприятия поэмами и стихотворениями. Они обвенчались тайно в Балтиморе, а расписались много позже, когда Виргиния была уже совершеннолетней. Мама девочки – тоже тепло относилась к молодому человеку и не препятствовала их браку.

Постепенно от стихов он перешёл к прозе и даже в 1833 году послал на конкурс, проводимый местным журналом, шесть своих новелл. «Рукопись, найденная в бутылке» заняла достойное первое место. Джон Кеннеди, входивший тогда в состав жюри, обратил внимание на талантливого паренька и пригласил его к себе в гости. Пришлось отказаться, поскольку не в чем было идти. Спустя два года, стараниями последнего, Эдгар получил должность редактора. С головой окунулся в работу, в разы увеличился тираж журнала, но в итоге всё кончилось скандалом, что и следовало ожидать, и очередным без-

денежьем. В 1840 году он выпустил единственное и сравнительно полное собрание новелл «Гротески и арабески».

Несмотря на неуёмную фантазию, Эдгар По в написании любого из произведений предпочитал конкретику и точность. Например, новелла «Король Чума», как и многие другие, родилась не на пустом месте. Она основана на наблюдениях за эпидемией холеры, случившейся в Балтиморе летом 1835 года. Кроме того, в прозе автор предпочитает краткость. Не случайно он написал всего одну повесть «Приключения Артура Гордона Пима» и, оставшись неудовлетворённым, вновь вернулся к короткому жанру. Сборник избранных рассказов писателя завершает новелла «Прыг-Скок» о королевском шуте, отплатившем за годы унижений крайне жестокой мезтью. Многие связывают этот образ с демонической натурой самого По, натурой обречённой, но не покорившейся своему жребию.

В 1845 году вышла самая значительная книга «Ворон и другие стихи». В неё, кроме «Ворона», входят необыкновенно-глубокие и ёмкие произведения, такие как «Аннабель Ли», «Улялюм», «Колокольчики и колокола» и т.д. Не случайно эти стихи вдохновили великих композиторов: Рахманинова, Равеля и Дебюсси. А жизнь по-прежнему подбрасывала писателю всё новые и новые беды. Недолго длилось его семейное счастье. Однажды, во время пения, у Виргинии порвался кровеносный сосуд. Не было никакой надежды, что она поправится. Юная красавица угасала на глазах, но всё-таки выкарабкалась. Борьба за выживание продолжалась в течении шести лет и сопровождалась тяжелейшими приступами. Муж просиживал ночи напролёт возле постели любимой, но от безысходности и неотвратимости беды и у него случались срывы.

«Я сделался безумным, с долгими промежутками ужасающего здравомыслия. Во время этих припадков абсолютной бессознательности я пил – один Бог знает, как часто и сколь-

ко именно», – опять же, читаю в «Очерке жизни Эдгара По» К. Бальмонта. Конечно, он поддавался сильным искушениям во время сильнейших стрессов, но нельзя назвать писателя «привычным пьяницей или привычным поедателем опиума». Отрицали этот факт люди, хорошо знавшие Эдгара, да и великое множество оставленных рукописей, исписанных чётким каллиграфическим почерком, не позволяло сделать столь нелицеприятный вывод. Прочитав отрывок из стихотворения «Аннабель Ли» о любви, которой завидовали даже ангелы:

*Это было давно, это было давно,
В королевстве приморской земли:
Там жила и цвела та, что звалась всегда,
Называлась Аннабель-Ли,
Я любил, был любим, мы любили вдвоём,
Только этим мы жить и могли.
И, любовью дыша, были оба детьми
В королевстве приморской земли.
Но любили мы больше, чем любят в любви, —
Я и нежная Аннабель-Ли,
И, взирая на нас, серафимы небес
Той любви нам простить не могли.
Половины такого блаженства узнать
Серафимы в раю не могли, —
Оттого и случилось (как ведомо всем
В королевстве приморской земли), —
Ветер ночью повеял холодный из туч
И убил мою Аннабель-Ли.*

Любовь к Прекрасной женщине проходит через всё творчество Эдгара По. Но во многих стихах его Красота, как олицетворение женщины, обречена на смерть. Вероятно, от того, что с самого раннего детства его преследовали потери близ-

ких людей. Будучи человеком крайне ранимым и впечатлительным, необычайно одарённым, он все свои переживания вложил в пронзительную лирику, которой мы, читатели, имеем возможность сопереживать и наслаждаться по сегодняшний день. Несомненный интерес у читателя вызовет «Эврика. Поэма в прозе (Опыт о вещественной и духовной Вселенной)», рождением которой он обязан поэтессе и критику Елене Уитман. Сам автор считал книгу величайшим откровением души и, парадоксально, но факт: в ней он чисто интуитивно предвосхитил открытие чёрных дыр. Однако я приведу здесь отрывок из стихотворения «К Анни», посвящённого очаровательной Энни Ричмонд, с которой его связывала идеальная любовь-дружба. Энни, будучи страстно влюблённой, поддерживала его после смерти Виргинии, но... была замужем:

*О, жажда, о, жажда
Проклятых страстей,
То горные смолы,
Кипучий ручей.
Но это утихло,
Испил я от вод,
Что гасят всю жажду: –
Та влага поёт,
Течёт колыбелью
Она под землёй,
Из тёмной пещеры,
Струёй ключевой,
Не очень далёко,
Вот тут под землёй.*

В конце своего жизненного пути он повстречал свою первую любовь, с которой его когда-то разлучили родители – овдовевшую к тому времени Эльмиру Ройстер. Он встретил её в Ричмонде, по пути в церковь, подошёл и... вскоре она ста-

ла его невестой и поделила с ним последние полгода жизни. Ричмондцы гордились своим великим земляком и, чтобы поддержать материально, уговорили его прочитать платную лекцию о «Поэтическом принципе». Он очаровал своих слушателей и мало того, получил приглашение в Нью-Йорк. Имея полторы тысячи долларов в кармане и грандиозные планы по выпуску нового журнала, Эдгар По вначале по реке Иакова прибыл в Балтимор.

По некоторым источникам – встретил друзей, задержался там на каких-то непредвиденных именинах. Выпил... Дальнейшие события покрыты тайной. Так или иначе, но кондуктор поезда, следовавшего в Филадельфию обнаружил его на полу в бессознательном состоянии. Пальто и чемодана у пассажира не оказалось. Встречным поездом его вернули в Балтимор. Где и как долго он блуждал – не известно, только подобрали его, совершенно беспомощного со скамейки и отвезли в больницу. В воскресное утро 7 октября 1849 года писателя не стало. Бессмертное стихотворение «Колокольчики и колокола», стоящее особняком в творчестве Эдгара По, благодаря необычности своей структуры и мелодике, явилось заупокойной службой по самому поэту:

*Похоронный слышен звон,
Долгий звон!
Горькой скорби слышны звуки, горькой жизни кончен сон.
Звук железный возвещает о печали похорон!
... Неизменно-монотонный,
Этот возглас отдалённый,
Похоронный тяжкий звон,
Точно стон,
Скорбный, гневный,
И плачевный,
Вырастает в долгий гул,
Возвещает, что страдалец непробудным сном уснул.*

В 1913 году Сергей Рахманинов создал на слова стихотворения Эдгара По неподражаемую вокально-симфоническую кантату «Колокола».

Использованные материалы:

Золотой фонд мировой классики – Эдгар Аллан По, «Стихотворения, Новеллы, Повесть о приключениях Артура Гордона Пима, Эссе», Москва, НФ Пушкинская библиотека, Издательство АСТ 2003

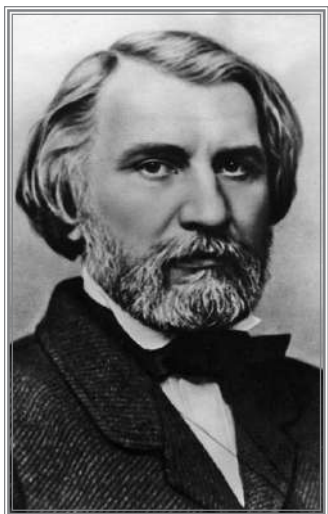
Интернет-ресурс – Википедия

06.09.2018.

Маленькие Большие истории Тургенева

Иван Сергеевич Тургенев
1818 – 1883

К 200-летию И.С. Тургенева

«Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

Всего пятьдесят слов... Но каких! Сколько в них силы, величия, любви и гордости за свой родной и могучий русский язык! Филологический этюд, написанный Иваном Сергеевичем Тургеневым, во-

лею судьбы на долгие годы оторванным от родины. Им заканчивается цикл «Стихотворений в прозе», опубликованных при жизни писателя в «Вестнике Европы» в декабре 1882 года. Попробую поделиться мыслями, относительно этого удивительного жанра. Миниатюры в написании, но довольно глубоки по содержанию, творческому наполнению, то есть использованию тропов и стилистических фигур. Тургеневу удалось максимально приблизить прозаическую речь к поэтическому слову, придать особый лиризм, а в некоторых случаях – и музыкальность своим произведениям, причём на самые разно-

образные темы: философские, социальные, психологические. По большому счёту – это итог жизни писателя, отражение самых сокровенных его мыслей, жизненной мудрости художника, накопленной годами.

Прочитую то, что пишет о стихотворениях в прозе Вера Сытник – филолог, автор проекта под названием «Художник слова», проводимого на сайте «Союз писателей» (Новокузнецк) и посвящённого 200-летию со дня рождения И.С. Тургенева: «Характеризуется автобиографичностью, исповедальностью и, как никакой другой жанр, раскрывает внутренний мир писателя, его философию и душевное настроение, его отношение к тем или иным явлениям, морально-нравственным ценностям».

Начну, пожалуй, со стихотворения «Нищий». Во время прогулки рассказчика, то есть автора, останавливает нищий старик. Внешний вид удручающий. При помощи ряда точных эпитетов Тургенев показывает крайне бедственное состояние человека: «дряхлый старик, воспалённые слезливые глаза, посинелые губы, шершавые лохмотья, нечистые раны, красная, опухшая, грязная рука», протянутая за подаванием и т.д. «О, как безобразно обглодала бедность это несчастное существо!» Точнее и не скажешь, по-моему. Рассказчик – тоже старик, обшарив карманы, понял, что ничем не может помочь, и, крайне смущаясь, крепко пожал протянутую дрожащую руку, извинившись и назвав просящего братом. И, что удивительно, нищий, слегка улыбнувшись посинелыми губами без какой-то озлобленности и даже без тени разочарования, ответил на рукопожатие, также назвав прохожего братом. Возраст и пустые карманы на какое-то время уравнили обоих, несмотря на разное социальное положение. Окончание стихотворения полностью раскрывает замысел писателя: «Я понял, что и я получил подавание от моего брата».

О том, как губительно на человека действует клевета и анонимки всякого рода, думаю, многие, особенно люди сколько-

нибудь известные, знают не понаслышке. Доставалось в этом смысле и Тургеневу. Рассмотрим стихотворение «Довольный человек», построенный на антитезе (резком контрасте образов). По сюжету молодой, бойкий человек, весело ухмыляясь, вприпрыжку мчится по улице. И ничего, что причина его радости кроется в следующем: «Он сочинил клевету на знакомого, распространил её тщательно, услышал её, эту самую клевету, из уст другого знакомого – и сам ей поверил. О, как доволен, как даже добр в эту минуту этот милый, многообещающий молодой человек!» И снова концовка, применяемая автором, просто блеск! Вся соль заключена именно в ней.

Не могу обойти вниманием стихотворение «Дурак», в котором налицо признаки сатиры. Живя припеваючи, дурак вдруг узнаёт, что его в обществе считают никчёмным человеком, хуже того – «безмозглым пошлецом». Опечалившись по этому поводу, он вдруг решает изменить стереотип поведения. Кого бы не хвалили в его присутствии, дурак тут же обливал грязью любой авторитет, называя рассказчика «отсталым человеком», поскольку тот не знал последних, тотчас выдуманных им, нелепых новостей. В конце концов его назначили руководить критическим отделом, несмотря на то, что он «Злюка! Желчевик!.. Но какая голова!» «Житьё дуракам между трусами» – фраза, которой автор заканчивает стихотворение. Правда, я думаю, не настолько он дурак, если смог изменить отношение к себе. А в отношении трусов – полностью согласна с автором. Кто же хочет слыть «отсталым человеком» в обществе?..

«Воробей» – миниатюра, затронувшая до глубины души. Самоотверженная, безграничная любовь воробья к своему желторотому птенцу, случайно вывалившемуся из гнезда во время ветра. Охотничья собака, повинувшись инстинкту, была настроена схватить незадачливого птенца, «как вдруг сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед самой её мордой – и весь взъерошенный, иска-

жённый с отчаянным и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой раскрытой пасти». Его крошечное тельце трепетало перед громадным чудовищем, каковым должна была выглядеть собака в его глазах, тем не менее, не раздумывая, бросился на защиту птенца. Пёс на мгновение смутился, не ожидая столь явного напора. Тургенев, отозвав его, был ошеломлён, потрясён силой родительской любви, героическим порывом столь мелкой птахи. Недаром стихотворение заканчивается словами: «Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь».

Тема истинного сострадания и чуткости, душевной тонкости и понимания, сочувствия и осуждения раскрывается в миниатюре «Щи». В центре сюжета две женщины из разных социальных слоёв, а потому и по-разному переживающие горе. Поведение их как-то соотносится с традициями, жизненным укладом. Барыня-помещица, узнав, что у бабы-вдовы умер двадцатилетний сын, решила навестить её прямо в день похорон. Каково же было её удивление увидеть, что баба, стоя посреди избы, медленно черпала пустые щи со дна закоптелого котелка. «Господи! – подумала барыня. – Она может есть в такую минуту... Какие, однако, у них у всех грубые чувства!» При том она совершенно не заметила потемневшего, осунувшегося лица, припухших, покрасневших глаз женщины. Ей вспомнилось своё поведение, которым она явно гордилась. Несколько лет назад, потеряв девятимесячную дочь, она прожила всё лето в городе, героически отказавшись нанять прекрасную дачу. Она решила, что Татьяна (именно так звали вдову) вовсе не любит своего сына, коли может спокойно есть в такой момент. Но... симпатии автора явно на стороне вдовы. Он даже имя не удосужился дать барыне, а это о чём-то говорит. И потом, чисто механическое, отрешённое доедание щей, подчёркивает глубокую, ни с чем не соизмеримую трагедию: вдова же для единственного сына варила щи, а потому они не должны были пропасть.

– Вася мой помер, – тихо проговорила баба, и наболевшие слёзы снова побежали по её впалым щекам. – Значит, и мой пришёл конец: с живой с меня сняли голову. А щам не пропадать же: ведь они посоленные». Так и не поняв трагедии бедной вдовы, «барыня вышла вон. Ей-то соль доставалась дешёво» – так автор заканчивает это стихотворение. Здесь мне вспоминаются слова Маршака, когда он, анализируя поэзию Некрасова, писал: «Суровая жизненная проза, полная глубокого драматизма, проза, питающая подлинную поэзию и отличающая её от поддельной». Здесь именно тот случай.

Стихотворение «Порог» носит остро социальный характер, поскольку навеяно было политическими процессами семидесятых годов, в частности над революционеркой Верой Засулич. Опубликовано оно было только после смерти писателя вместе с прокламацией народолюбцев, чьи взгляды разделял Иван Сергеевич. Композиционно миниатюра построена на диалоге. Русская (подчёркивает автор) девушка стоит перед высоким порогом громадного здания. Темно. Морозно. Из глубины здания доносится глухой, леденящий голос, предупреждающий девушку, что её ожидают холод, голод, болезни, ненависть (возможно, и родных), обида, презрение, безвестная смерть. И, тем не менее, она переступает этот злополучный порог. Тяжёлая завеса мгновенно опускается за ней. Всё. Исход очевиден. И как мастерски автор заканчивает стихотворение:

– Дура! – проскрежетал кто-то сзади. – Святая! – принеслось откуда-то в ответ.

Мороз по коже. Этими двумя словами всё сказано. В своих маленьких историях Тургенев поднимал большие общечеловеческие темы и делал это предельно искренне. Именно это и в сегодняшний день привлекает читателя. Лучшие стихотворения в прозе стали хрестоматийными, а многие выражения крылатыми.

28.03.2018.

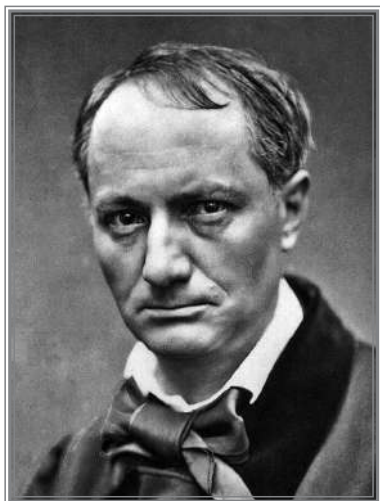
Сочетание несочетаемого

Шарль Пьер Бодлер

1821 – 1867

*Безумье, скарედность, и алчность, и разврат
И душу нам гнетут, и тело разъедают;
Нас угрызения, как пытка, услаждают,
Как насекомые, и жалят и язвят.*

*Упорен в нас порок, раскаянье – притворно;
За все сторицею себе воздать спеша,
Опять путём греха, смеясь, скользит душа,
Слезами трусости омыв свой путь позорный.*

1

С такого неутешительного (мягко сказано) «Вступления» в переводе Эллиса начинается книга «Цветы зла» известного французского поэта, публициста, искусствоведа Шарля Пьера Бодлера. Передо мной третье издание, выпущенное в Ростове-на-Дону в 1991 году. В него включены шесть разделов. В самом названии книги заведомо таится парадокс, то есть сочетание несочетаемого.

Горько-критический, осуждающий настрой стихотворения сразу создаёт довольно тревожную атмосферу окружающей действительности – эпоху Второй империи Наполеона III. Ко-

нечно же, читателю сразу вспоминается «Божественная комедия» Данте Алигьери, поскольку упоминается Ад и также акцентируется внимание на человеческих пороках:

*Сам Дьявол нас влечёт сетями преступленья
И, смело шествуя среди зловонной тьмы,
Мы к Аду близимся, но даже в бездне мы
Без дрожи ужаса хватаем наслажденья;*

*Как грудь, поблекшую от грязных ласк, грызёт
В вертепе нищенском иной гуляка праздный,
Мы новых сладостей и новой тайны грязной
Ища, сжимаем плоть, как перезрелый плод;*

*У нас в мозгу кишит рой демонов безумный.
Как бесконечный клуб змеящихся червей;
Вдохнёт ли воздух грудь – уж Смерть клокочет в ней
Вливаясь в легкие струей незримо-шумной.*

Поэт скрытен, внешне непроницаем, несколько демоничен, на самом же деле – глубоко раним и даже отдалённо чем-то схож с Лермонтовым, творчество которого хорошо знал и ценил. В стихотворении просматривается некий бунт против Бога, допуская само существование столь мерзких пороков в обществе, но самым коварным злом он представляет Скуку, которая «одним зевком» способна поглотить мир, раздираемый противоречиями. Интересной особенностью стиля письма Бодлера является то, что, ведя повествование, он вдруг обращается к читателю с вопросом, заставляя встрепенуться, задуматься: «Скажи, читатель-лжец, мой брат и мой двойник, ты знал чудовище, утонченное это?!» Также мрачно начинается и первая, самая объёмная часть книги «Сплин и

идеал». Её открывает стихотворение «Благословение» в переводе Эллиса:

*Лишь в мир тоскующий верховных сил веленьем
Явился вдруг поэт – не в силах слёз унять,
С безумным ужасом, с борьбой, с богохульнем
Простёрла длани ввысь его родная мать!*

Далее идут причитания якобы от лица собственной матери:

*«РодИла б лучше я гнездо ехидн презренных,
Чем это чудище смешное... С этих пор
Я проклинаю ночь, в огне страстей мгновенных
Во мне зачавшую возмездье за позор!*

*Лишь мне меж жёнами печаль и отвращенье
В того, кого люблю, дано судьбой вдохнуть;
О, почему в огонь не смею я швырнуть,
Как страстное письмо, своё же порожденье!*

*Но я отмщу за всё: проклятия небес
Я обращаю на их орудие слепое;
Я искалечу ствол, чтобы на нём исчез
Бесследно мерзкий плод, источенный чумою!»*

Очень болевое, грубое, жестокое и противоречивое стихотворение... Много, очень много произошло в жизни прежде, чем он написал эти обличительные стихи. Глубокое разочарование сквозит в них к самому близкому человеку – к матери. А было время, когда будущий поэт, с его же слов, был просто «ослеплён любовью к собственной матери». Сколько же тепла недополучил юный Бодлер, чтобы выплеснуть столь горькие строки?! Но... сложилось то, что сложилось:

*И не поняв того, что Высший Рок судил,
И пену ярости глотая в исступленьи,
Мать обрекла себя на вечное сожженье –
Ей материнский грех костёр соорудил!*

Начнём по порядку. Родился Шарль Пьер в Париже 9 апреля 1821 года в семье Франсуа Бодлера – революционера, выходца из крестьян Шампани, отказавшегося служить Бурбонам. На тот момент ему исполнилось 62 года, а жене – 28. Будучи художником, высокообразованным человеком эпохи Просвещения, отец частенько брал его с собой в мастерскую, водил в музеи, галереи, сумел и в сыне развить вкус к искусству. Правда, рано ушёл из жизни: Шарлю было около шести лет. Спустя год, мать вторично вышла замуж за Жана ОпИка, консервативного офицера, ставшего впоследствии сенатором. Отчим откровенно невзлюбил парнишку, настраивал мать против сына, подвергал частым муштровкам, пытаясь сделать из него солдафона. Вот что он пишет о своём детстве:

*А между тем дитя, резвяся, расцветает;
То – Ангел осенил дитя своим крылом.
Малютка нектар пьёт, амброзию вкушает,
И дышит солнечным живительным лучом;*

*Играет с ветерком, и с тучкой речь заводит,
И с песней по пути погибели идёт,
И Ангел крёстный путь за ним во след проходит,
И, щебетание услыша, слёзы льёт.*

*Дитя! Повсюду ждёт тебя одно страданье;
Всё изменяет вокруг, всё гибнет без следа,
И каждый, злобствуя на кроткое созданье,
Пытает детский ум и сердце без стыда!*

*В твоё вино и хлеб они золу мешают
И бешеной слюной твои уста язвят;
Они всего тебя с насмешкою лишают,
И даже самый след обходят и клеймят!*

Когда Шарлю исполнилось 11 лет, семья переехала в Лион. Мальчика отдали в пансион, а позже – в Лионский Королевский коллеж. Учился неровно. Страдал припадками тяжёлой меланхолии. Зачастую удивлял учителей то прилежанием и сообразительностью, то полной рассеянностью и ленью. Уже в столь раннем возрасте у него отчётливо проявилось влечение к литературе, в том числе и к поэзии, доходившее до страсти.

В 1836 году семья вернулась в Париж. Шарль поступил на курс по праву в коллеж Людовика Святого. С трудом закончив его и выдержав-таки экзамен на бакалавра права, молодой Шарль отверг карьеру юриста или дипломата, твёрдо заявив, что имеет пристрастие лишь к литературе. Родители не могли придумать ничего лучшего, как отправить его в по Атлантике и Индийскому океану с высадкой среди тропических чудес островов Маврикия и Реюньона, чтобы уберечь парня «от этого пагубного пути», а также «от дурного влияния Латинского квартала». Красоты тех мест навсегда запечатлелись в памяти юного Бодлера и, разумеется, вылились на бумагу, поскольку всегда манили «надзвёздные таинственные сферы»:

*О, трепетный мой дух, всегда стремишься ты,
Влекомый, как пловец, безмерностью пучины;
И с упоением ныряешь ты в глубины
Всепоглощающей бескрайней пустоты.*

*Беги же от земной болезнетворной гнили,
Свободу предпочтя уюту тесных гнёзд,*

*И пей, с восторгом пей огонь далёких звёзд,
Как сладостный нектар, что олимпийцы пили.*

Налицо творческое совершенство поэта. Именно в «Воспарении» (перевод В. Шора) он видел смысл полноценного существования:

*Блажен, кто, отряхнув земли унылый прах,
Оставив мир скорбей коснеть в тумане мгlistом,
Взмывает гордо ввысь, плывёт в эфире чистом
На мощных, широко раскинутых крылах;*

*Блажен мечтающий: как жаворонков стая,
Вспорхнув, его мечты взлетают к небу вмиг,
Весь мир ему открыт, и внятен тот язык,
Которым говорят цветок и вещь немая.*

В колониях служить он не стал. Уклонившись из-под опеки капитана, доносившего отчиму о резких и якобы вредных его высказываниях, Шарль спустя десять месяцев другим кораблём вернулся в Париж. В 1842 году он вступил в права наследования, получив в распоряжение довольно значительное состояние своего родного отца в 75000 франков. Два года жил в полной эйфории. Стал очень быстро спускать состояние, снискав в артистических кругах славу денди и бонвивана. Бодлер попал в круг отчаянных бунтарей-романтиков, где произносились дерзкие речи, высоко ценились произведения Жерара де Нервиля, Теофиля Готье и др. В кружке было модным поэтическое озорство, где ему не оказалось равных. Ближайшими друзьями на тот момент были поэт Теодор де Бонвиль и художник Эмиль Деруа, написавший его портрет.

В это же время знакомится со своей «Чёрной Венерой» – креолкой с Гаити, балериной Жанной Дюваль, которую боготворил и не мог забыть до конца дней своих, несмотря на то, что позже – имел кратковременные увлечения. Весёлые сорочковые – оказались роковыми для поэта. Он, как и его легкомысленная спутница, заразился венерической болезнью, которую в то время считали легко излечимой. Семья Бодлера не приняла Дюваль, последняя же, по словам матери «вытряхивала из него монеты до последней возможности». В череде скандалов он даже пытался покончить с собой:

*Смотри, и даже та, кого ты звал своею,
Средь уличной толпы кричит, над всем глумясь:
«Он пал передо мной, восторгом пламенея;
Над ним, как древний бог, я гордо вознеслась!*

*Окутана волной божественных курений,
Я вознеслась над ним, в мольбе склонённым ниц;
Я жажду от него коленопреклонений
И требую, смеясь, я жертвенных кошниц.*

И, что удивительно, Бодлер именно в страданье видел «путь один в обитель славы вечной» и верил в своё предназначение на земле:

*Страданье – путь один в обитель славы вечной,
Туда, где адских ков, земных скорбей конец;
Из всех веков и царств Вселенной бесконечной
Я для себя сплету мистический венец!*

*Пред тем венцом – ничто и блеск камней Пальмиры,
И блеск еще никем невиданных камней,
Пред тем венцом – ничто и перлы, и сапфиры,
Творец, твоей рукой встревоженных морей.*

*И будет он сплетён из чистого сиянья
Святого очага, горящего в веках,
И смертных всех очей неверное мерцанье
Померкнет перед ним, как отблеск в зеркалах!»*

2

Образу Жанны Дюваль в «Цветах зла» посвящён цикл стихотворений. Страдая от её цинизма, холодности и равнодушия, Шарль, тем не менее был искренне привязан к ней. Порой возносил до небес в стихах свою возлюбленную, а порой называл её и чудовищем, и вампиром, и змеей, но ничего не мог поделать со своей страстью. Приведу один из сонетов (перевод А. Эфрон), которым начинается этот цикл:

*В струении одежд мерцающих её,
В скольжении шагов – тугое колебанье
Танцующей змеи, когда факир своё
Священное над ней бормочет заклинанье.*

*Бесстрастию песков и бирюзы пустынь
Она сродни – что им и люди, и страданья?
Бесчувственной, чем зыбь, чем океанов синь,
Она плывёт из рук, холодное создание.*

*Блеск редкостных камней в разрезе этих глаз.
И в странном, неживом и баснословном мире,
Где сфинкс и серафим сливаются в эфире,*

*Где излучают свет сталь, золото, алмаз,
Горит сквозь тьму времён ненужною звездю
Бесплодной женщины величье ледяное.*

Стихотворение «Падаль», из этого же цикла, я даже не берусь подробно комментировать. Настолько реалистично-отвратительно представляется труп лошади, которая «Лежит, раскинув ноги, подобно девке площадной». Не стану вдаваться в биологические подробности процесса гниения – я не сторонник таких текстов, но вся суть в последних строфах, говорящих о бессмертной любви поэта к падшей, по сути, женщине:

*И вас, красавица, и вас коснётся тленье,
И вы сгниёте до костей,
Одетая в цветы под скорбные моленья,
Добыча гробовых гостей.*

*Скажите же червям, когда начнут, целуя,
Вас пожирать во тьме сырой,
Что тленной красоты – навеки сберегу я
И форму, и бессмертный строй.*

Мотовство поэта достигло апогея, и в 1844 году семья вынуждена была через суд установить над ним опеку. Деньги выделялись только на карманные расходы и ему, вкусившему прелести шикарной жизни, было очень сложно приспособиться. Иной раз буквально голодал, не было денег даже на почтовые марки, но литературную деятельность всегда ставил превыше всего. С 1844 по 1848 Бодлер посещал «Клуб гашишистов». По свидетельству Теофиля Готье, завсегдатая клуба, Шарль принимал давамеск (алжирскую разновидность гашиша) не более двух раз, ради эксперимента, чтобы точнее знать о воздействии психотропных продуктов из конопли на организм человека. Впоследствии пристрастился к опиуму, но смог преодолеть этот недуг. Позже написал сборник «Искусственный рай» http://bodlers.ru/iskustveniy_ray.html, состоящий из трёх статей о собственном психоделическом опыте. По

мнению Бодлера, «вино делает человека счастливым и общительным. Гашиш изолирует его. Вино превозносит волю, гашиш уничтожает её. Сонет «Разрушение» в переводе В. Левика очень наглядно отображает ситуацию:

*Мой Демон – близ меня, – повсюду, ночью, днём,
Неосязаемый, как воздух, недоступный,
Он плавает вокруг, он входит в грудь огнём,
Он жаждой мучает, извечной и преступной.*

*Он, зная страсть мою к Искусству, предстаёт
Мне в виде женщины, неслыханно прекрасной,
И, повод отыскав, вливает грубо в рот
Мне зелье мерзкое, напиток Зла ужасный.*

*И, заманив меня – так, чтоб не видел Бог, –
Усталого, без сил, скучнейшей из дорог
В безлюдье страшное, в пустыню Пресыщенья,*

*Бросает мне в глаза, сквозь морок, сквозь туман
Одежды грязные и кровь открытых ран, –
Весь мир, охваченный безумством Разрушенья.*

Представление о Шарле Бодлере будет неполным, если не коснуться публицистической стороны его творчества. К середине 40-х годов Бодлер был одним из лучших знатоков современной живописи, романтической поэзии, написал множество эссе и критических статей об искусстве, которые и по сегодняшнему дню считаются блистательной эстетикой Франции. В брошюре «Салон 1846 года» очень хорошо раскрыта связь живописи с современностью. А мы продолжаем говорить о поэзии, поскольку кроме статей, у Бодлера достаточно

и посвящений художникам. Возьмём, к примеру, сонет на картину «Тассо в темнице» Эжена Делакруа:

*Поэт в тюрьме, больной, небритый, измождённый,
Топча ногой листки поэмы нерождённой,
Следит в отчаянье, как в бездну, вся дрожа,
По страшной лестнице скользит его душа.*

*Кругом дразнящие, хохочущие лица,
В сознание дикое, нелепое роится,
Сверлит Сомнение мозг, и беспричинный Страх,
Уродлив, многолик, его гнетёт впотьмах.*

*И этот запертый в дыре тлетворной гений,
Среди кружащихся, глумящихся видений, -
Мечтатель, ужасом разбуженный от сна,*

*Чей потрясённый ум безумью отдаётся, -
Вот образ той Души, что в мрак погружена
И в четырёх стенах Действительности бьётся.*

В 1846 году Бодлер познакомился с творчеством американского писателя Эдгара По, причём настолько увлёкся, разглядев в нём «родственную душу», что в течение 17-ти лет кряду занимался переводами его произведений на французский язык, писал о нём статьи. Во время Французской революции 1848 года – Шарль на баррикадах вместе с повстанцами. Но он не только участник революции, он редактирует радикальную газету «Le Salut Public», пишет бунтарские стихи, которые позже войдут в книгу отдельной главой под названием «Мятеж». Стихотворение «Авель и Каин» (перевод В. Брюсова) из этого цикла звучит как гимн революции, особенно последние строки:

*Авеля дети! но вскоре! но вскоре!
Прахом своим вы удобрите поле!*

*Каина дети! кончается горе,
Время настало, чтоб быть вам на воле!*

*Авеля дети! теперь берегитесь!
Зов на последнюю битву я внемлю!*

*Каина дети! на небо взберитесь!
Сбросьте неправого бога на землю!*

Стихи, наполненные отчаянием, сознанием собственной греховности из-за того, что разуверился в Создателе, допуская столь бедственное, столь угнетённое положение парижских рабочих. Его волнуют люди обездоленные, с тяжёлой личной, социальной, вдовьей судьбой. Цикл «Парижские картины» состоит из 18-ти стихотворений – три из них – посвящены Виктору Гюго. Прочитую отрывок их стихотворения «Лебедь» (перевод В. Левика):

*Как-то вырвался лебедь из клетки постылой.
Перепончатой лапою скрёб он песок.
Клюв был жадно раскрыт, но, гигант белокрылый,
Он из высохшей лужи напиться не мог,*

*Бил крылами и, грязью себя обдавая,
Хрипло крикнул, в тоске по родимой волне:
«Гром, проснись же! Прелейся, струя дождевая!»
Как напомнил он строки Овидия мне,*

*Жизни пасынок, сходный с душою моею, –
Ввысь глядел он, в насмешливый синий простор,*

*Содрогаясь, в конвульсиях вытянув шею,
Словно богу бросал исступленный укор.*

«Жизни пасынок»... очень точная метафора. Поэт проводит аналогию с собою. Равнодушно такое не прочтёшь. Он вновь вспоминает бога, будто взывает о помощи. Но увы... Помощи нет, и потому – разделяет долю страдальцев, «чью сиротскую участь иссушила беда»:

*И душа моя с вами блуждает в тумане,
В рог трубит моя память, и плачет мой стих
О матросах, забытых в глухом океане,
О бездомных, о пленных, – о многих других...*

В разделе есть стихотворение «Служанка скромная с великою душой» (перевод П. Якубовича), посвящённое памяти старой служанки Мариетты, единственному чужому, но бесконечно близкому ему человеку в детские годы. Более верной любви он не встречал на своём веку. Бодлер в тяжёлые минуты частенько вспоминает о ней, сетует, что давно её нет с ним, и что друзья не принесут свежих венков на могилу, и что живёт он не так, и некому его слегка пожурить:

*Холодным декабрём, во мраке ночи синей,
Когда поют дрова, шипя, в моем камине, –
Увидевши её на креслах в уголку,
Тайком поднявшую могильную доску
И вновь пришедшую, чтоб материнским оком
Взглянуть на взрослое дитя своё с упрёком, –
Что я отвечу ей при виде слёз немых,
Тихонько каплющих из глаз её пустых?*

В таком ключе развивалось творчество Бодлера до государственного переворота Луи Бонапарта 2 декабря 1851 года. Поэт вновь вышел на баррикады, не раз попадал под пули и крайне был потрясён равнодушием многих парижан, не поддержавших сопротивление диктатуре. У него случилось полное отвращение к политике, наступили годы горького безвременья, беспросветного пессимизма. К тому времени его любимого автора – Эдгара По уже не было в живых. Всё своё время он посвящал переводам, ставшими во Франции классическими. В середине 50-х годов его вдохновительницей на какое-то время становится Апполония Сабатье, собиравшая у себя в небольшом салоне творческую элиту. Бодлер, истосковавшейся по женскому теплу, пишет ей цикл любовных стихотворений. Цитирую отрывок из «Искупления» в переводе И. Анненского:

*О ангел счастья, и радости, и света!
Бальзама нежных ласк и пламени ланит
Я не прошу у вас, как зябнувший Давид...
Но, если можете, молитесь за поэта
Вы, ангел счастья, и радости, и света!*

Но надежды на взаимную любовь не оправдались. Французская художница, модель, дама не особенно строгих нравов имела свои планы относительно поэта. В стихотворение «Исповедь» (перевод М. Аксёнова) Бодлер вложил всю боль и горечь разочарования к женщине, «чьей красотой, чьей юности плечами так восхищались зеркала». Резко заметен переход от высокого к низкому, от «Вы» к «ты»:

*Вы – светлый зов трубы, победно разносящий
В лучах зари рождение дня,
Вдруг нотой жалобной, нелепой, холодящей
Обескуражили меня.*

*Та нота вырвалась, как из клетей подвала
Вдруг вырывается урод,
Которого семья хранила и скрывала,
Боясь людей, за годом год.*

*О бедный ангел мой, та нота горько пела:
«Всё на земле обман и ложь!
И в задушевности, подделанной умело,
Один расчёт ты узнаёшь.*

3

С осени 1856 по весну 1857 Бодлер находит утешение с актрисой Мари Добрэн, с которой был знаком ранее. И, как водится у творческих личностей, опять появляется цикл стихов к избраннице. Открывает цикл стихотворение «Отрава» (перевод В. Левика):

*Раздвинет опиум пределы сновидений,
Бескрайностей края,
Расширит чувственность за грани бытия,
И вкус мертвящих наслаждений,
Прорвав свой кругозор, поймёт душа твоя.*

*И всё ж сильней всего отрава глаз зелёных,
Твоих отрава глаз,
Где, странно искажён, мой дух дрожал не раз,
Стремился к ним в мечтах бессонных
И в горькой глубине изнемогал и гас.*

Продолжает жить под опекой, несмотря на то, что умирает отчим. Пишет матери письмо с просьбой погасить его долги, но тщетно. Голодает. Мечтает уехать подальше от проблем.

Посвящает возлюбленной лирическое «Приглашение к путешествию» (перевод Д. Мережковского):

*Голубка моя,
Умчимся в края,
Где всё, как и ты, совершенство,
И будем мы там
Делить пополам
И жизнь, и любовь, и блаженство.*

25 июня 1857 года наконец выходит долгожданная книга Бодлера «Цветы Зла», открывшая поэту путь к мировой известности. Но... буквально через пару недель в «Фигаро» появляется злобная и, «видимо инспирированная сверху», статья Гюстава Бурдена, обвинявшего книгу в безнравственности. Эта статья и послужила первой ступенькой для развёртывания широкой кампании по привлечению автора к суду. А главное, это нарушило целостность композиции и существенно ударило по карману, поскольку тираж был изъят из продажи. Ни о каком гонораре не могло быть и речи. На автора и издателей был наложен штраф. В вину ставился «грубый и оскорбляющий стыдливость реализм». Бодлер же считал, что «реализм был сторонником объединения правды в искусстве».

Из книги были осуждены 6 стихотворений: «Лесбос», «Проклятые женщины. Ипполита и Дельфина», «Лета», «Слишком весёлой», «Украшенья» и «Метаморфозы вампира». Это лишь укрепило поэта в правильности собственной идеи. Со слов Виктора Гюго, с которым согласились многие современники, Бодлер «одержал моральную победу над режимом Второй империи». По большому счёту в книге рядом со стихами о горе, пороках, мировой скорби идут светлые, жизнеутверждающие стихи о крылатой мощи поэзии. Как можно было не заметить

противопоставления?! И стихотворение «Альбатрос» (перевод П. Якубовича) – лучшее тому подтверждение:

*Когда в морском пути тоска грызёт матросов,
Они, досужий час желая скоротать,
Беспечных ловят птиц, огромных альбатросов,
Которые суда так любят провожать.*

*И вот, когда царя любимого лазури
На палубе кладут, он снежных два крыла,
Умевших так легко парить навстречу буре,
Застенчиво влачит, как два больших весла.*

*Быстрейший из гонцов, как грузно он ступает!
Краса воздушных стран, как стал он вдруг смешон!
Дразня, тот в клюв ему табачный дым пускает,
Тот веселит толпу, хромая, как и он.*

*Поэт, вот образ твой! Ты также без усилья
Летаешь в облаках, среди молний и громов,
Но исполинские тебе мешают крылья
Внизу ходить, в толпе, среди шиканья глупцов.*

Много споров возникло относительно сонета «Соответствия» (перевод В. Левика). «Символисты позже восприняли его как краеугольный камень их искусства, как исповедание таинственной символики всех вещей, скрытно перекликающихся между собой, как исповедание, которое может быть основой всей эстетики символизма», – пишет нам в предисловии Н. Балашов.

*Природа – некий храм, где от живых колонн
Обрывки смутных фраз исходят временами.*

*Как в чаще символов, мы бродим в этом храме,
И взглядом родственным глядит на смертных он.*

*Подобно голосам на дальнем расстоянии,
Когда их стройный хор един, как тень и свет,
Перекликаются звук, запах, форма, цвет,
Глубокий, тёмный смысл обретшие в слиянье.*

*Есть запах чистоты. Он зелен точно сад.
Как плоть ребёнка свеж, как зов свирели нежен.
Другие - царственны, в них роскошь и разврат,*

*Для них границы нет, их зыбкий мир безбрежен,-
Так мускус и бензой, так нард и фимиам
Восторг ума и чувств дают изведать нам.*

В стихах он обосновал принцип соответствия между всеми видами искусств. Говоря о поэзии и живописи, мы пока не коснулись музыки, а Бодлера по праву считали тонким её знатоком. Он первым во Франции открыл талант Рихарда Вагнера, написав в 1861 году выдающееся эссе «Рихард Вагнер и «Тангейзер» в Париже». К числу его музыкальных предпочтений можно отнести творчество Вебера, Бетховена, Листа. На стихи Бодлера писали музыку очень многие композиторы. Вот далеко не полный перечень: К. Дебюсси, Г. Форе, Анри Дюпарк, Оливье Грейф, Э. Шабрие, А. Берг, А. Гречанинов, С. Танеув, Ю. Алексеев, Д. Тухманов, Константин Кинчев и т.д.

Меня как читателя привлекает в Бодлере богатое, порой даже дерзкое воображение, которое он считал «царицей способностей», а также неудержимая работоспособность и любовь к литературе. Если не случалось вдохновения, то он, не особенно и надеясь на него, продолжал совершенствовать то, что написано ранее, оттачивая и без того довольно точные ме-

тафоры, усиливая смысл, находя всё новые и новые рифмы. И это он не считал пустой тратой времени. «Оригинальность – вопрос мастерства, но это ещё не значит, что оригинальности можно научиться» – сказал однажды поэт. Но стремиться-то нужно.

А насколько продуманно он подошёл к выстраиванию глав в книге! После главы «Цветы Зла» идёт глава «Вино», далее – «Мятеж», а заключительная называется «Смерть». Когда хорошо вдумаешься – становится понятен замысел Бодлера: если вино до конца не заглушит беды, то необходим мятеж, если и он окажется безрезультатным, то «Лишь Смерть утешит нас и к жизни вновь пробудит, /Лишь Смерть надежда тем, кто наг, и нищ, и сир...». Таким образом, поэт поднялся над тяготами времени и вышел навстречу смерти, веря в избавление и бесконечность небытия. Окончание заключительного стихотворения «Плавание» в переводе М. Цветаевой ещё более укрепляет эту мысль:

*Смерть! Старый капитан! В дорогу! Ставь ветрило!
Нам скучен этот край! О, Смерть, скорее в путь!
Пусть небо и вода — куда черней чернила,
Знай, тысячами солнц сияет наша грудь!*

*Обманутым пловцам раскрой свои глубины!
Мы жаждем, обозрев под солнцем всё, что есть,
На дно твоё нырнуть – Ад или Рай – едино! –
В неведомого глубь – чтоб новое обрести!*

В 1864 году Шарль Бодлер, надеясь скрыться от кредиторов и хоть что-то заработать, уехал в Бельгию. Видя в ней те же пороки, скуку и беспорядки буржуазного общества, пишет книгу «Несчастной Бельгии». А между тем здоровье его резко ухудшается, прогрессирует болезнь, недолеченная с юности.

В марте 1866 года, будучи в церкви Сен-Лу в Намюре, Бодлер потерял сознание и упал прямо на каменные ступени. Его поместили в брюссельскую больницу, а в июле, разбитого параличом, перевезли в Париж. После долгих мучений он умирает в присутствии матери 31 августа 1867 года. Поэта похоронили на кладбище Монпарнас рядом с ненавистным отчимом. На пространной эпитафии всего три строчки о Бодлере:

ПАСЫНОК ГЕНЕРАЛА ЖАНА ОПИКА
И СЫН КАРОЛИНЫ АРШАНБО-ДЕФАИ.
УМЕР В ПАРИЖЕ 31 АВГУСТА 1867 ГОДА
В ВОЗРАСТЕ 46 ЛЕТ.

О поэте Бодлере ни слова. И только через 35 лет на трансверсальском проспекте кладбища был воздвигнут большой монумент славе поэта. А осенью 1946 года, по инициативе коммунистов, Учредительное собрание Французской республики в торжественной обстановке принимает закон, касавшийся приговора 1857 года в отношении книги «Цветы Зла». Несомненно, Шарль Бодлер – человек трудной судьбы, недополучивший в детстве материнского тепла и нежности, во многом противоречив, не всеми однозначно воспринимаем, но необыкновенно талантлив, достоин почитания, любви и жалости читателя, к которому он обращается в «Эпиграфе» к осужденной книге (перевод И. Лихачёва) с мольбой, отчаянием, сомнением и, всё-таки, с надеждой:

*Невинный, честно-близорукий
Читатель благонравных книг,
Брось этот горестный дневник
Греха, раскаянья и муки.*

*Когда у Сатаны в науке
Ты совершенства не достиг,
Брось! Не поймешь ты этот крик
И скажешь: он блажит со скуки.*

*Но если, трезвый ум храня,
Ты в силах не прельститься бездной,
Читай, чтоб полюбить меня.*

*Брат, ищущий в наш век железный,
Как я, в свой рай неторный путь,
Жалей меня... Иль проклят будь!*

Последнее предложение может оттолкнуть кого-то. Но лучше не торопиться с выводами, а постараться понять и принять неординарного поэта – человека, раздираемого противоречиями, со всеми его бесконечными метаниями, поисками, разочарованиями. Ведь в конечном счёте он верил в идеал, в способность творческой природы поэта, музыканта, художника проникать в непознанное, воссоздавать прекрасное и «превращать в золото изображение борьбы и страданий».

29.06.2018.

Буревестник революции

Максим Горький (Алексей Максимович Пешков)
1868 – 1936

(К 150-летию со дня рождения Максима Горького)

*«Над седой равниной моря ветер тучи собирает.
Между тучами и морем гордо реет Буревестник,
чёрной молнии подобный».*

Максим Горький

1

Кто из нас со школьной скамьи не помнит слов этой удивительно яркой, эмоционально возвышенной и взволнованной «Песни о Буревестнике» Максима Горького? Написана она была в ответ на кровавый разгон студенческой демонстрации у Казанского собора в Петербурге 4 марта 1901 года, а в апреле – оказалась напечатана в четвёртом номере журнала «Жизнь» самостоятельным произведением. По авторскому замыслу изначально песня вхо-

дила в сатирический рассказ «Весенние мелодии», и петь её должен был чижик. Используя аллегорию, писатель мастерски изображал разные слои общества в образе птиц. И что интересно, образы использовались не для высмеивания пороков человека и общества, как принято в баснях, а приобрели революционную символику. Понятно, что цензура запретила печатать рассказ полностью, усмотрев-таки в ней крамолу, но не обратив должного внимания на песню чижики. Поэтичен язык произведения. Одинокий, но отважный и гордый Буревестник, «стрелой взмывая к тучам», противопоставляется обывательской трусости, бездуховности, ограниченности и примитивности серой жизни чаек, гагар, которые «мечутся и стонут» перед бурей. Не лучшим образом ведёт себя и следующий персонаж: Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утёсах...

Сама природа у автора работает на усиление сюжета, нагнетание эмоциональной напряжённости:

Всё мрачней и ниже тучи опускаются над морем, и поют, и рвутся волны к высоте навстречу грому.

Гром грохочет. В пене гнева стонут волны, с ветром споря. Вот охватывает ветер стаи волн объёмом крепким и бросает их с размаху в дикой злобе на утёсы, разбивая в пыль и брызги изумрудные громады.

...Синим пламенем пылают стаи туч над бездной моря. Море ловит стрелы молний и в своей пучине гасит. Точно огненные змеи, вьются в море, исчезая, отраженья этих молний.

— Буря! Скоро грянет буря!

Это смелый Буревестник гордо реет между молний над ревущим гневно морем; то кричит пророк победы:

— Пусть сильнее грянет буря!..

«Перед отправкой в печать Горький изменил финальную фразу. Вместо «Ждите! Скоро грянет буря!», поставил «Пусть сильнее грянет буря!». В результате, 17 апреля Горького и его закадычного друга – поэта Скитальца арестовали, а затем выслали из Нижнего Новгорода. Проводы его вылились в массовую демонстрацию». Спустя месяц, журнал закрыли. Позже песня была положена на музыку П. Н. Ренчицким (мелодекламация). Произведение редкого, оригинального жанра (песня в прозе) написано зрелым автором, успевшим выпустить ряд художественно-публицистических очерков и рассказов, а также первый роман «Фома Гордеев». Но успех пришёл далеко не сразу. Автору пришлось пройти невыносимо-трудную школу выживания.

Алексей Максимович Пешков (Горький) родился 28 марта (по новому стилю) 1868 года в Нижнем Новгороде в большом деревянном доме на каменном фундаменте на Ковалихинской улице, принадлежавшем его деду Василию Каширину – владельцу красильной мастерской. Дочь Василия Каширина – Варвара «самокруткой», то есть без его благословения вышла замуж за Максима Савватеевича Пешкова – сына разжалованного офицера. Отношения складывались не лучшим образом, и молодая семья переехала в Астрахань. В трёхлетнем возрасте Алёша заболел холерой. Отец сумел поставить его на ноги, но сам, заразившись от сына, не смог справиться с болезнью. После смерти отца Алёша вновь оказался в Нижнем Новгороде вместе с бабушкой – Акулиной Ивановой и мамой.

Мальчик впервые столкнулся с несправедливостью, грубостью, побоями, жадностью, враждой между родными и не только родными. Со слов бабушки – «окаянное, дикое племя!» Впервые увидев, как покорно шёл и ложился вниз лицом на лавку двоюродный брат Саша, как его привязывали за подмышки и за шею к скамье, держали за ноги и секли розга-

ми, ему стало плохо. В семье деда регулярные субботние наказания были обычным делом. Доставалось и будущему писателю. Как-то дед засёк его до потери сознания. Алёша хворал несколько дней. Мать мальчика – высокая, крепкая и смелая, как он предполагал ранее, не смогла защитить сына, а в скором времени покинула дом. Оказывается, существует наука, как легче пережить боль. Ваня Цыганок – приёмный сын деда Василия, сочувствуя Алёше, поучал его:

– Когда тебя вдругорядь сечь будут, ты, гляди, не сжимайся, не сжимай тело-то, – чуешь? Вдвойне больней, когда тело сожмёшь, а ты распусти его свободно, чтоб оно мягко было, – киселём лежи! И не надувайся, дыши во-всю, кричи благим матом, – ты это помни, это хорошо!

Спустя несколько дней, дед зашёл проведать внука. Маленький, сухонький, с быстро бегаящими зелёными глазками. Он казался ещё более рыжим, чем был раньше. Достал из кармана пряничного козла, два сахарных рожка и ветку синего изюма. В знак примирения, погладил его маленькой, жёсткой рукой, окрашенной в жёлтый цвет, особенно заметный на кривых, птичьих ногтях. Рассказал мальцу о своём трудном, бурлацком детстве, пояснив, когда бьют родные – это не обида, а наука. Принять такую науку Алёша не мог, став ещё более чутким к несправедливости и жестокости.

Бабушка – женщина глубоко верующая, добрая, мудрая, сильная и терпеливая заменила мальчику родителей. Ему приятно было слушать, как после дней огорчений, ссор и семейных драк она долго и упорно молилась своему богу, рассказывая о всех горестях прошедшего дня, отбивая поклоны и советуясь с ним. А какими замечательными словами она обращалась, читая молитву перед иконой Казанской божьей матери: «Сердечушко моё чистое, небесное, солнышко золотое,

мати господня, радости источник, красавица пречистая, яблоня во цвету» и т. д. Дедов бог вызывал страх и неприязнь, следил всевидящим оком, наказывал. Иногда, успокаивая и жалая Алёшу, Акулина Ивановна рассказывала ему:

– Всё-таки теперь уж не бьют, как бивали! Ну, в зубы ударит, в ухо, за косы минуту потреплет, а ведь раньше-то часами истязали! Меня дедушка однаа день бил на первый день пасхи от обедни до вечера. Побьёт – устанет, а отдохнув – опять. И вожжами и всяко.

– За что?

– Да не помню уж. А вдругорядь избил до полусмерти и пятеро суток есть не давал. Еле выжила тогда. А то ещё...

– Разве он сильнее тебя?

– Не сильнее, а старше! Кроме того – муж! За меня с него бог спросит, а мне заказано терпеть...

Будучи неграмотной, она знала множество сказок, былей, легенд и была великолепным рассказчиком, накрепко привязав паренька к народному фольклору. Когда дед по каким-либо делам уезжал из дома, бабушка пекла пироги и собирала родню и знакомых. Дядя Яков (брат матери) приходил с гитарой, приходил и дядя Михаил, дико враждовавший с братом по поводу наследства. На какое-то время песня сблизжала всех. Мать тоже иногда появлялась в доме «гордая, строгая, она смотрела на всё холодными серыми глазами, как земное солнце, и быстро исчезала, не оставляя воспоминаний о себе».

Однажды в мастерской у Кашириных случился пожар. Огонь подбирался к бочке с медным купоросом. Ворчливый и чрезмерно строгий дед вёл себя растерянно. Неугомонная и неустанно-добрая бабушка проявила поистине бойцовский характер. Накинув на голову мокрый мешок, она ринулась в огонь и выкатила бочку. Раскрасневшаяся, металась по двору, всюду попевая и всем распоряжаясь. А когда дед не удержал

поводья вскочившего на дыбы коня – не раздумывая, бросилась ему под ноги. Конь жалобно заржал и потянулся к ней, в диком страхе косясь на пламя. А ночью перед лампадкой тихо сказала:

– Рученьки мои, рученьки, больно...

После пожара дед купил интересный дом на Полевой улице, с уютным садом, кабаком в нижнем каменном этаже, с маленькой комнаткой на чердаке, в которой жили бабушка и Алёша. Дом был тесно набит квартирантами, поскольку материальное положение семьи пошатнулось – надо было на что-то жить, и только в верхнем этаже дед оставил большую комнату для себя и для приёма гостей. Дядья, наконец-таки, отделились и разъехались по разным углам. Вернулась в дом мать, учила Алексея грамоте, заставляла учить стихи, дед обучал азам церковной грамоты, житиям святых, Псалтири. Проучившись немного в приходской школе, мальчик заболел оспой и вынужден был прекратить обучение. Варвара предприняла попытку выйти замуж во второй раз. Забрав Алексея, они уехали жить в Сормово. Отчим был много моложе матери, начал ходить на сторону, проиграл всё приданное, часто избивал её. Из высокой, статной женщины она, родив двух сыновей (позже оба умерли), превратилась в сухую, немощную старуху. Увидев однажды, как отчим бьёт мать сапогом в грудь, Алексей чуть его не зарезал. Оставаться в том доме не имело смысла, и он вынужден был снова вернуться к деду Каширину, который к тому времени тоже разорился.

– Что, разбойник! – встретил он меня, стуча рукою по столу. – Ну, теперь уж я тебя кормить не стану, пускай бабушка кормит!

К тому времени старики разделились. Акулина Ивановна получила горшки, плошки, а всё остальное Василий Васильевич оставил себе. Как говорится «своя рука – владыка». Забрал у неё все старинные платья, вещи, лисий салоп, про-

дал всё за семьсот рублей, а деньги отдал в рост под проценты своему крестнику-еврею, торговцу фруктами. Мало того, ходил по старым знакомым, бывшим сослуживцам своим в ремесленной управе, плакался, что вконец разорён детьми и просил денег на бедность. Собранные деньги вновь отдавал в рост другому своему приятелю. Один день продукты для обеда покупал он (ливер, сычуг, требуху), а другой день без зазрения совести кушал у бабушки всё из качественного, натурального мяса. Чай и сахар у них хранился отдельно, но заваривали в одном чайнике. Дошло до того, что дед строго контролировал крепость заварки и количество выпитых чашек, а высыпав чаинки себе на ладонь и, аккуратно пересчитав их, говорил с тревогой в голосе:

– Погоди, погоди, – ты сколько положила? У тебя чай-отмельче моего, значит – я должен положить меньше, мой крупнее, наваристее.

Алексею было смешно и противно, и горько смотреть на болезненную скупость деда. Он тоже стал зарабатывать деньги. С утра пораньше по праздникам и выходным – брал мешок и ходил по дворам, собирал говяжьи кости, тряпки, бумагу, гвозди и сдавал всё это в скупку. На уроках Пешкова высмеивали как «ветошника и нищеврода», никто не хотел садиться с ним рядом, жалуясь учителю, что от него будто бы «пахнет помойной ямой». Его обижала эта несправедливость, поскольку всегда следил за чистотой тела. На некоторое время «школой» для него стала улица, где он проводил время в компании таких же подростков, лишённых родительского присмотра. Получил кличку Башлык. Более доходным заработком считалось воровство дров и тёса в лесных складах на берегу Оки. Как обвести сторожей вокруг пальца, существовала целая наука. Узаконенным промыслом слободских ребятишек считалось и обшаривание карманов упившихся мастеров, извозчиков и прочего рабочего люда.

В 1879 году от чахотки умерла мать. Через несколько дней после похорон, дед сказал:

– Ну, что, Лексей, ты – не медаль, на шее у меня – не место тебе, а иди-ка ты в люди...

Ему было на тот момент всего-то 11 лет...

2

Так рано закончилось и без того несладкое детство Алёши Пешкова. Работал «мальчиком» в магазине обуви, посудником на корабле, в иконописной мастерской, выполнял все чёрные работы по дому и всюду видел произвол, пьянство, разврат, дикое, жестокое отношение к женщине и прочие «свинцовые мерзости». На лето вновь сбегал к бабушке, подрабатывал ветошничеством и ловлей певчих птиц. Однажды на спор за рубль переночевал в пустом гробу на кладбище... Но находились люди, которые оставили глубокий след в душе мальчика. Когда-то Хорошее Дело (прозвище одного из квартирантов) впервые подтолкнул его к книге, которые он стал читать в любую свободную минутку, даже по ночам при свече, за что крепко доставалось от хозяев. Позже брал их у образованных женщин. В упоении глотал книги Гонкура, Монтепена, Дюма-отца, Бальзака и т. д. Одна из женщин-квартиранток больше всего потрясла его воображение. Алёша называл её Королева Марго. Она смогла привить ему вкус к хорошему чтению, дала возможность познакомиться с русской классикой, полюбить поэзию. Именно к Марго он испытал и первую детскую влюблённость. Когда она съехала с квартиры, Алексей, отказывая себе во многом, покупал книги в лавке, выпрашивал в долг, как милостыню. Они стали главной его страстью. Созрела мысль: во что бы то ни стало вырваться из «провинциального болота». Николай Евреинов – гимназист, живущий на чердаке в одном доме с Пешковым, заинтересовался юношей, которого частенько видел с книгой в руках. Ему удалось убе-

дить Алексея, что тот обладает «исключительными способностями к науке» и именно в таких людях нуждается университет. Предложил даже пожить у него в Казани. Шёл 1884 год... Провожая внука, бабушка советовала:

– Ты – не сердись на людей, ты сердисься всё, строг и заносчив стал! Это – от деда у тебя, а – что он, дед? Жил-жил да в дураки и вышел, горький старик.

И, отирая с бурых, дряблых щёк скупые слёзы, она сказала: – Уж не увидимся больше, заедешь ты, непоседа, далеко, а я – помру...

Как она была права. Её волнение передалось и внуку. Он с болью почувствовал, что нет на земле человека, так плотно, так сердечно близкого ему. Но... молодость, на то она и молодость: сказано – сделано. И вот он уже в Казани, в тесной квартирке друга Николая. Евреиновы – мать и два сына жили на нищенскую пенсию. Об университете можно было сразу забыть. Количество мест для беднейших слоёв населения в тот год было резко сокращено. К тому же, у Алексея Пешкова не было даже аттестата о среднем образовании. С какой трагической печалью маленькая, худенькая вдова, придя с рынка, раскладывала плохонькие продукты – ей предстояло накормить трёх молодых, здоровых парней. Алёша помогал чистить овощи, убираться, но быстро понял, что он – обуза для этой женщины. Днём стал бегать на пристань, чтоб заработать пятнадцать-двадцать копеек, ведь каждый кусок хлеба, выделенный ему, нужно было как-то изловчиться, выкроить, оторвать от собственных сыновей. Каждый день, проведённый среди грузчиков, босяков и жуликов насыщал его острыми, жгучими впечатлениями. В дождливую погоду отсиживался на пустыре в подвале.

В Казани он познал тяжкий труд и увидел страшный мир трущобы Марусовки. Работая на пристанях, начал посещать сходки революционно настроенной молодёжи, познакомился

с запрещённой литературой и с пропагандистской работой. В 1885-1886 гг. работал в крендельном заведении Василия Семёнова. Позже – в булочной народника – Андрея Деренкова, доходы которой отправлялись на нелегальные кружки самообразования и прочую финансовую подпитку движения народников в Казани. Разнося горячие булки, он потихоньку распространял листовки. Начались студенческие волнения. Когда Алексей узнал, что крендельщики собрались идти к университету и бить студентов гирями, то стал до хрипоты спорить с ними, ругаться. А потом вдруг резко почувствовал полную опустошённость и «ушёл из подвала, как изувеченный, с какой-то необоримой, насмерть уничтожающей тоскою в сердце».

Ночью, сидя на берегу и озлобленно швыряя камни в чёрную воду, не мог решить, что делать дальше. С тоски купил скрипку, «пилил по ночам в магазине, смущая сторожа и мышей». Музыка всегда очень любил и полностью отдался этому увлечению. Но однажды во время урока он на минутку отлучился из магазина, а вернувшись, застал учителя – скрипача из театрального оркестра, набивающим свои карманы из незапертой кассы. Разумеется, желание учиться пропало напрочь, а депрессия накатила ещё сильнее. 12 декабря 1887 года, сидя на высоком берегу Волги за оградой монастыря, 19-летний юноша принял попытку самоубийства, прострелив себе лёгкое. Подоспевший сторож-татарин срочно вызвал полицию. К счастью, рана оказалась не смертельной, но послужила катализатором к началу длительной болезни органов дыхания. Был и ещё случай суицида: крепко «повздорив с профессором медицины Казанского университета Н. И. Студентским, он внезапно схватил в ординаторской крупную склянку хлоральгидрата и сделал несколько глотков, после чего был вторично спасён от смерти промыванием желудка».

Спустя месяц, чувствуя себя крайне неловко, сконфуженный Пешков вновь вернулся в булочную. В начале весны за-

шёл к нему давний знакомый – народник Михайло Ромась и предложил поехать к нему в Красновидово (45 вёрст вниз по Волге), чтобы помочь по части торговли в лавке, а также заняться пропагандистской работой. У Ромася была замечательная библиотека, а это уже веский аргумент. К тому же, он пообещал ему помочь в учении. Но поработать пришлось недолго: зажиточные крестьяне спалили лавку, низкие цены в которой были как кость в горле. Мало того, его идеи насчёт создания землячеств, находили отклик среди бедноты. Спасая книги, будущий писатель (а время это уже не за горой) чуть не погиб и вновь стал батрачить: вначале на станции Добринка, потом уехал на Каспийское море, где подрядился в артель рыбаков.

1889 год пролетел быстро: сочинил просьбу-жалобу в стихотворной форме о переводе на станцию Борисоглебска. Потом работал весовщиком на станции Крутая, влюбился в Марию Басаргину – дочь начальника станции, даже просил её руки, но нищий Пешков пришёлся не ко двору. Нежные чувства испытывал к ней довольно долго, даже будучи женатым. Пытался организовать земледельческую колонию толстовского типа, составил коллективное письмо и поехал в Ясную Поляну и в Москву, но не был принят.

Не имея возможности оплатить обратный проезд, тридцать четыре часа был вынужден ехать в одном вагоне с быками, задавать им корм. Понятно, что ни с чем вернулся в Нижний Новгород. ... В армию его не взяли. Толстенский, весёлый доктор, осмотрев, категорично заявил:

– Дырявый, пробито лёгкое насквозь! Притом – расширена вена на ноге. Не годен!

Но жизнь не стоит на месте. В это время в Нижнем Новгороде проживал В.Г. Короленко, недавно отбывший политическую ссылку в Сибири. Алексей решил познакомиться с ним и показать свою первую рукопись – поэму «Песнь старого дуба»,

в которой были описаны в прозе и стихах все его злоключения в течении долгих десяти лет сиротских скитаний. Владимир Галактионович, листая толстую тетрадь, время от времени искоса поглядывал на юного автора:

– Тут у вас написано – «зизгаг», это... очевидно, описка, такого слова нет, есть – зигзаг...

Маленькая пауза перед словом «описка» дала мне понять, что Короленко – человек, умеющий ценить чувства ближнего, – так позже напишет Алексей Пешков в рассказе «Время Короленко». Уши нестерпимо горели, но он внимательно слушал наставления старшего товарища:

– Иностранные слова нужно употреблять только в случае совершенной неизбежности, вообще же лучше избегать их. Русский язык достаточно богат, он обладает всеми средствами для выражения самых тонких ощущений и оттенков мысли.

– Вы часто допускаете грубые слова, – должно быть потому, что они кажутся вам сильными? Это – бывает.

Вот он нашёл ещё «описку», ещё и ещё. Я был раздавлен обидами их и, должно быть, покраснел, как раскалённый уголь... С великим огорчением принёс я мудрость свою в жертву всё очищающему огню.

Почти два года Алексей ничего не писал, хотя очень хотелось. В нём зрел настоящий глубокий автор. В апреле 1891 года – отправился странствовать по Руси. Поволжье, Дон, Украина, Крым, Кавказ – далеко не полный перечень его путешествий. В ноябре он пришёл в Тифлис, устроился работать в железнодорожную мастерскую. Познакомился и сдружился с участником революционного движения Александром Калюжным, который слушая его рассказы, настойчиво рекомендовал записывать их и свёл его с журналистом Цветницким. 12 сентября 1892 года в газете «Кавказ» вышел первый романтический рассказ «Макар Чудра», подписанный – М. Горький. Псевдоним «Горький» Алексей придумал сам. Все мы читали

этот рассказ. Его творчество изучается в школьной программе, тем не менее хочу немного остановиться на художественных средствах, используемых автором, на тот момент – простым провинциальным пареньком, не имеющим не только должного, но и среднего образования.

Итак, одна из композиционных особенностей рассказа – наличие образа повествователя. Роль его вроде бы незаметна, никаких особых действий он не совершает, тем не менее пристальный взгляд странника, то есть автора, невольно привлекает внимание читателя. Главный герой, которого он встретил – старый цыган Макар Чудра, стороживший таборных коней – предстаёт перед читателем на фоне романтического пейзажа:

«...окружавшая нас мгла осенней ночи вздрагивала и, пугливо отодвигаясь, открывала на миг слева – безграничную степь, справа – бесконечное море».

Казалось бы, до романтики ли Алексею при такой тяжёлой жизни?.. Однако, он всегда очень много читал и, словно губка, впитывал всё чистое, светлое, противился убогости и косности обывателя. Его мечта – видеть всех людей свободными и счастливыми. И старый чабан больше жизни на земле предпочитал свободу, а потому ему по душе странствующие пилигримы. В привязанности к земле Макар усматривал ограниченность, рабство:

– Смешные они, те твои люди. Сбились в кучу и давят друг друга, а места на земле, – вон сколько, – он широко повёл рукой на степь. И все работают. Зачем? Кому? Никто не знает.

Его речь насыщена обращениями, междометиями, риторическими восклицаниями, вопросами. А через историю люб-

ви Лойко Зобара и Радды полнее раскрывается образ рассказчика. Стремление к свободе, воля для них также важнее самой жизни. Описывая внешность главных героев, автор использует гиперболу: «красоту Радды можно только на скрипке сыграть, а усы Лойко легли на плечи и смешались с кудрями» и т. д. В основе любви – самопожертвование, способность покориться воле избранника, но только не для гордых цыган.

– Никогда я никого не любила, Лойко, а тебя люблю! А ещё я люблю волю! Волю-то, Лойко, я люблю больше, чем тебя. А без тебя мне не жить, как не жить и тебе без меня.

... Поклонись мне в ноги перед всем табором и поцелуй правую руку мою – и тогда я буду твоей женой.

И ведь знала Радда, что переступив через гордость и выполнив её волю, они оба погибнут, но предпочла такой исход. Только такие люди, со слов Макара, достойны поклонения и подражания.

3

«От любви к женщине родилось всё прекрасное на земле» – утверждает М. Горький в рассказе «О первой любви». Выражение давно стало крылатым. Речь идёт о событиях 1893 года... Алексей Пешков вступает в первый невенчаный брак с акушеркой Ольгой Каменской, расположения которой добивался давно. Она старше его на девять лет, имеет дочь от первого мужа. Но это не останавливает влюблённого. К тому времени начинающий писатель приобретает некоторую известность. В нижегородских газетах «Волгарь» и «Волжский Вестник» выходят несколько его рассказов. Признаться, покоряют слова, которыми он описывает предмет своего обожания:

Вот я снова сижу против человека, который мне кажется лучшим в мире, и поэтому – необходимым для меня. На ней – голубое платье, не скрывая изящных очертаний её фигуры, оно окутало её мягким, душистым облаком. Играя кистями пояса, она говорит мне необыкновенные слова – я слежу за движением её маленьких пальцев с розовыми ногтями и чувствую себя скрипкой, которую любовно настраивает искусный музыкант. Мне хочется умереть, хочется как-то вдохнуть в душу себе эту женщину, чтоб навсегда остаться там. Тело моё поёт в томительном напряжении, сильном до боли, и мне кажется, что у меня сейчас взорвётся сердце.

*Юноше до безумия хочется её обнять, но не знает, как подступиться, куда деть свои нелепые, вмиг отяжелевшие руки. В конце концов, шатаясь от волнения, еле слышно бормочет:
– Живите со мной! Пожалуйста, живите со мной!*

Молодая женщина не могла не оценить чистых помыслов Алексея и через некоторое время приехала к нему с дочерью в Нижний Новгород. За два рубля в месяц они сняли старую баню. Так называемый «особнячок» был непригоден для жилья, зимой промерзал в углах и по пазам. По ночам, в предбаннике, занимаясь творчеством, он натягивал на себя всё, что только можно, тем не менее, ревматизма избежать не удалось. Когда топили печь, стоял удушающий запах гнили, плесени и пареных веников. А весной их одолевали пауки, мокрицы, которых Ольга и её «фарфоровая куколка» – дочь, боялись до судорог. Но, что интересно, ни одного слова упрёка в свой адрес писатель не слышал. Она целыми днями рисовала портреты попов, их усопших жён, чертила карты уездов, то есть вносила посильную лепту в их скудный семейный бюджет. А ещё – из всевозможных лоскутов, соломы и проволоки делала превосходные женские шляпки на парижский манер, которые очень нравились женщинам с улицы. Пешков же, испытывал

угрызения совести, когда не мог позволить себе купить нормального мяса к столу или новую игрушку девочке.

К третьему году совместной жизни материальное положение немного наладилось, но в отношениях стал проскальзывать некий холодок. С головой окунувшийся в творчество, он не мог уделять Ольге должного внимания, а для неё это было жизненной необходимостью, она любила «встряхивать» мужчин, то есть вызывать у них влечение. Да и литературные вкусы у них несколько расходились. Однажды утром, читая жене в постели свой новый рассказ «Старуха Изергиль», он вдруг обнаружил, что она ровно, спокойно спит, склонив голову и приоткрыв рот, как ребёнок. Он встал и вышел в сад. Ему, будто крылья подрезали. Отношения вскоре сошли на нет...

В 1895 году В.Г. Короленко, мнением которого Пешков дорожил, посоветовал ему переехать в Самару, где тот стал профессиональным журналистом и зарабатывал себе на хлеб статьями и очерками под псевдонимом – Иегудиил Хламида. В этом году в «Самарской газете» был опубликован очередной очерк о единственном, самом родном человеке – «Бабушка Акулина» – первый набросок будущей повести «Детство». Не буду на нём останавливаться, поскольку некоторые детали, касающиеся его биографии, упоминались выше – отмечу лишь особую афористичность языка автора. Из уст его героев, тёмных, раздавленных нищетой, но не сломленных, зачастую звучат пословицы и поговорки: «дурак – свят, в нём мозги спят», «пожар слезой не потушишь», «судьба – веселью не помеха», «честен бык, так он – сеном сыт», «косили версту – выдкосили грош» и т. д.

В этом году, опять же, по настоянию Короленко, он опубликовал рассказ «Челкаш» о приключениях босяка-контрабандиста. «Старый травленный волк, заядлый пьяница» с острым лицом, слегка загнутым носом, холодным блеском серых глаз. В облике и поведении его не раз подчёркива-

ется хищность, однако, автор откровенно любит его силой и ловкостью, сравнивая с «гордым степным ястребом». Конечно, несколько романтизирует образ. Вор, по сути, не должен быть главным героем, но автор в каждом, даже самом отъявленном босяке, находит что-то, яркое, необыкновенное, заслуживающее внимания, а порой и восхищения. Куда больше подошёл бы на главную роль – добродушный, широкоплечий, загорелый, с ясными голубыми глазами Гаврила, мечтающий, о доме, о семье, о собственном хозяйстве, чтобы стать «совсем свободным», но автор будто намеренно принизил его образ, показав патологическую жадность, дремавшую в нём до поры до времени. Получив от Гришки Челкаша деньги, за удачно проведённую воровскую операцию, в которой против своей воли пришлось принять участие, он чуть ли не с ума сошёл от нахлынувших чувств:

– Голубчик!.. Спаси Христос тебя! Ведь это теперь у меня что?.. я теперь... богач!.. – визжал Гаврила в восторге, вздрагивая и пряча деньги за пазуху. – Эх ты, милый!.. Вовек не забуду!.. Никогда!.. И жене и детям закажу – молись!

Челкаш смотрел на сиявшее, искажённое восторгом жадности лицо, и чувствовал, что он – вор, гуляка, оторванный от всего родного, никогда не будет таким жадным, низким, не помнящим себя.

Однако после ссоры, этакий добродушный и несколько наивный Гаврила оказался способен на низкий и подлый поступок. Камень, брошенный сзади в голову Челкаша – это выражение крайнего отчаяния, совсем помутившего рассудок Гавриле, ведь он понимал, что босяк просто спустит деньги «на ветер», а он с этими-то деньжищами мог бы выйти «в люди». Челкаш в этой ситуации повёл себя более великодушно.

1896 год стал для Горького судьбоносным в личном плане. Вчерашней гимназистке, работавшей корректором «Самарской газеты» – Екатерине Волжиной – немало повидавший и довольно известный к тому времени писатель, показался «полубогом». Алексей Максимович, будучи на восемь лет старше, особо не раздумывая, сделал девушке предложение, и 30 августа они обвенчались в Вознесенском соборе г. Самары.

По осени Горький слёг с бронхитом, перешедшим в воспаление лёгких, а в январе следующего года впервые был диагностирован туберкулёз. Лечился в Крыму. Долечивался в сопровождении жены в деревне Мануйловке под Полтавой, осваивал украинский язык. В июле 1897 года у супругов родился первенец – сын Максим. Многочисленные рассказы автора стали печататься в журналах «Русская мысль», «Новое слово» и «Северный вестник». Росла популярность писателя, увеличивались тиражи книг, а его эрудиция поражала многих, в том числе, и маститых литераторов того времени.

В 1898 году Горький был арестован и этапирован в Тифлис за прежние революционные дела, а в 1899 – впервые появился в Петербурге. В этом году он начинает заниматься переводами, выходит в свет его первое крупное произведение – роман «Фома Гордеев» и поэма в прозе «Песня о Соколе». Поэтичен язык поэмы. Море в ней выступает как живой организм, что выражается множеством олицетворений: «могуче размахнувшееся, лениво вздыхающее, ластится к берегу, волны вызывающе шумят, горы важны и задумчивы, дышат зноем, небрежно брошены блики луны» и т. д. А выражение «Рождённый ползать – летать не может!..» давно стало цитатой. Не менее интересны эпитеты: «печальный рёв, гордый призыв, бессильный гнев, неугомонные волны», в том числе цветковые, которые можно выделить в отдельную группу: «голубовато-серебристое сияние луны, опаловая даль моря, по тёмно-синему небу золотым узором звёзд написано нечто

торжественное» и т.д. Сквозь всё его творчество чувствуется стремление показать гордую и свободную личность, способную до конца отстаивать свои идеалы, вплоть до гибели. И здесь это прослеживается не менее ощутимо и мощно, чем в легенде о Лойко Забаре и Радде, с той лишь разницей, что в «Песне о Соколе» просматривается ещё и политическая подоплёка, то есть почти откровенный намёк на приближение революции:

Безумство храбрых – вот мудрость жизни! О смелый Сокол! В бою с врагами истёк ты кровью... Но будет время – и капли крови твоей горячей, как искры вспыхнут во мраке жизни и много смелых сердец зажгут безумной жадой свободы, света.

В 1900-1901 пишет роман «Трое», так и оставшийся малоизвестным, происходит личное знакомство с Чеховым и Толстым. Скоро, очень скоро выйдет знаменитая «Песня о Буревестнике», с которой я, собственно говоря, и начала очерк, посвящённый жизни и творчеству Максима Горького. Писатель принимает участие в работе марксистских рабочих кружков Нижнего Новгорода, Сормова, Санкт-Перербурга, пишет прокламацию, призывающую к борьбе с самодержавием. За антиправительственную деятельность – арестован и выслан из Нижнего Новгорода. Но продолжает писать. Обращается к драматургии, создаёт пьесы «Мещане» (1901) и «На дне» (1902).

В феврале 1902 года Горького выбирают в «почётные академики Императорской Академии наук по разряду изящной словесности. Возмущённый Николай II наложил язвительную резолюцию: «Более чем оригинально». Естественно, избрание было аннулировано правительством, поскольку новоизбранный академик находился под надзором полиции». В знак протеста, Чехов и Короленко вышли из состава Академии.

Дружить с Горьким и проявлять солидарность с ним в литературной среде стало престижно. Он становится основоположником течения «Социальный реализм». Обратите внимание, какая глубокая боль сквозит в его словах:

– Все люди изнашиваются и – погибают, это естественно; но нигде не изнашиваются так страшно быстро, так бессмысленно, как у нас на Руси...

После свержения монархии писателя изберут почётным членом Академии наук повторно. Но до этого ещё много воды утечёт...

4

Сентябрь 1902 года. Супруги Пешковы с сыном Максимом и четырёхмесячной Катей возвращаются в Нижний Новгород. Уже вышел в свет шеститомник сочинений Горького, опубликовано порядка 50-ти произведений на 16-ти языках, издано множество газетных и журнальных статей, более сотни монографий. Имя Горького приобретает мировую известность, автор получает солидные гонорары. Семья в состоянии арендовать одиннадцать комнат в доме барона Н.Ф. Киршбаума (ныне Музей-квартира А.М. Горького). По инициативе писателя и при его финансовой поддержке в городе были открыты: школа имени Ф.И. Шаляпина, Народный дом и театр. Частыми гостями были Константин Станиславский, Леонид Андреев, Иван Бунин, Антон Чехов, Илья Репин, Фёдор Шаляпин – самый близкий его друг, также снимавший здесь квартиру, и многие другие.

В нижегородской квартире Горький пишет поэму «Человек». Удивительно образное произведение! В нём всего через край: и романтики, и философии, и остроты, и гармонии. Человек наделён неограниченными возможностями, нужно

только уметь ими пользоваться, раскрыть свой потенциал, видеть цель и идти к ней твёрдо, уверенно, неумолимо во имя свободы и справедливости, красоты и уважения к людям:

Идёт он, орошая кровью сердца свой трудный, одинокий, гордый путь, и создаёт из этой жгучей крови – поэзии нетленные цветы; тоскливый крик души своей мятежной он в музыку искусно претворяет, из опыта – науки создаёт и, каждым шагом украшая жизнь, как солнце землю щедрыми лучами, – он движется всё – выше! и – вперёд! звездою путеводной для земли...

И только Мысль – подруга Человека, и только с ней всегда он неразлучен, и только пламя Мысли освещает пред ним препятствия его пути, загадки жизни, сумрак тайн природы и тёмный хаос в сердце у него.

Закончена работа над пьесой «На дне». Социально-философская драма, новаторская по жанру, поскольку не имеет традиционного сюжета. Развитие событий прослеживается через диалоги и монологи обитателей ночлежки, теперь уже «бывших людей». Герои пьесы – люди из различных слоёв общества, по тем или иным причинам опустившиеся на самое «дно». На фоне всей этой нищеты, безысходности и прочих неурядиц постоянно возникают острые конфликты, в том числе идеологические, которые движут сюжет и держат в напряжении и читателя и зрителя. Глубоко сочувствуя обитателям «дна», автор всё-таки считает, что их не жалеть, а уважать надобно.

После успешных постановок в России и в Европе, Горький ощутил необыкновенный творческий подъём. Мария Андреева, сыгравшая роль Наташи, напроочь покорила сердце писателя. «Пришёл весь в слезах, жал руки, благодарил. В первый раз тогда я крепко обняла и поцеловала его, тут же на

сцене, при всех», – вспоминает актриса. А познакомились они в Севастополе пару лет назад, в апреле 1900 г., куда Московский Художественный театр выезжал с показом пьесы Чехова «Чайка». Яркая, успешная, статусная – она была восхищена даром писателя. Им обоим на момент первой встречи было по 32 года... С тех пор Алексей Максимович стал частым гостем на вечерах-приёмах в богато обставленной квартире Андреевой и её мужа, служившего важным чиновником на железной дороге.

«В 1903 году Андреева окончательно уходит из семьи (где долгое время жила лишь как хозяйка и мать двоих детей), снимает себе квартиру и становится гражданской женой и литературным секретарём Горького», о чём свидетельствует Большая Советская Энциклопедия. Супруги Пешковы тоже расстались по взаимному согласию, но официально Екатерина навсегда осталась первой и единственной женой писателя. Писатель, увлечшись любовной страстью, покинул Нижний Новгород и стал жить в Москве и Санкт-Петербурге, где для него открылись новые перспективы. С 1902 по 1921 он возглавлял три крупных издательства – «Знание», «Парус» и «Всемирная литература». Под влиянием Марии он вступил в ленинскую партию РСДРП. После Кровавого воскресенья 9 января 1905 года Горький был заключён в одиночную камеру Петропавловской крепости. Многие известные деятели искусства не только России, но и Германии, Франции, Англии выступили в защиту писателя. В Риме прошли студенческие демонстрации. Под давлением общественности 14 февраля он был освобождён под залог.

В феврале 1906 года Горький из-за постоянного преследования полиции, был вынужден эмигрировать. По поручению Ленина и Красина писатель и актриса отправились в США. Цель – собрать деньги в кассу большевиков для подготовки революции в России. Он принял участие в митингах

Нью-Йорка, Бостона и Филадельфии. Не было отбоя от репортёров, желавших взять интервью. Беседуя с Марком Твенем, русский писатель оставил о себе хорошее впечатление. В августе 1906 года в Нижнем Новгороде от внезапного менингита умерла 5-летняя дочь Катя. Он написал слова поддержки своей законной жене и попросил беречь сына Максима. Потом в Америку просочился слух о ненадлежащем моральном облике писателя, типа двоеженец: с первой женой не развёлся и со второй не обвенчался. Пару стали выселять из отелей. Приютили их супруги Мартин в своём имении на острове Сатен-Айленд в устье Гудзона. В Америке Горький создал сатирические памфлеты о буржуазной культуре Франции и США («Мои интервью», «В Америке»). В имении супругов Мартин начал работать над романом «Мать».

Из-за обострившегося туберкулёза они переезжают в Италию. Перед гостиницей «Везувий» Горький устроил несанкционированный митинг, где перед толпой сочувствующих русской революции зачитал воззвание «К товарищам итальянцам». Итальянские власти были не в восторге от беспокойного русского и попросили удалиться на остров Капри, где уже находилась небольшая русская колония. Раз в неделю на вилле, где жили Горький и Андреева проводился литературный семинар для молодых писателей. Как и прежде, Алексей Максимович много работал, следил за событиями в России, регулярно получал периодику, поддерживал постоянную переписку с Лениным. За годы пребывания на Капри написал пьесу «Последние», повести – «Жизнь ненужного человека», «Городок Окуров», «Жизнь Матвея Кожемякина, автобиографическую повесть «Детство», а также 27 небольших рассказов, объединив их в цикл «Сказки об Италии».

31 декабря 1913 года после объявления всеобщей амнистии по случаю 300-летия дома Романовых, Горький и Андреева вернулись в Россию. «В 11-комнатной квартире на Крон-

верском проспекте Санкт-Петербурга с ними поселились более 30-ти родственников, знакомых и даже профессиональных приживал. Большинство из них ни в чём не помогали по хозяйству и не получали никаких пайков». Кроме того, к нему постоянно приходили жаловаться на жизнь академики, профессора, дамы из высшего общества, всякие псевдоинтеллигенты и все те, чью хорошую жизнь дерзко нарушила революция. Среди них были и довольно известные и уважаемые люди – Фёдор Шаляпин, Корней Чуковский, Евгений Замятин, Лариса Рейснер, комиссар Балтфлота М. Добужинский, революционеры Л. Красин, А. Луначарский, А. Колонтай, председатель Петросовета Г. Зиновьев, уполномоченный рабочекрестьянской обороны Л. Каменев. Приезжал из Москвы и Ленин, с которым у него наметились некоторые разногласия.

Февральскую, а также Октябрьскую революции 1917 года Горький встретил без особого энтузиазма, поскольку убедился в беспощадной жестокости большевиков. Чувство восторженности и идеализации сменилось глубоким разочарованием. Он осуждал отношение большевиков к интеллигенции, спасал всех, кого удавалось, от репрессий и голода. Несмотря на то, что Николай II отказал ему когда-то в получении звания Почётного академика Императорской Академии наук, писатель заступался за низложенных Романовых. Не найдя взаимопонимания с бывшими соратниками по борьбе за светлое будущее, он начал издавать газету «Новая жизнь» на гонорары от издания книг и займы у банкира Э.К. Груббе. Разумеется, его тут же обвинили в продажности и в том, что играет на руку врагам рабочего класса. На что Горький пояснил, что такие методы финансирования пролетарской печати в России не новы:

– За время с 1901 по 1917 год через мои руки прошли сотни тысяч рублей на дело Российской социал-демократической

партии, из них мой личный заработок исчислялся десятками тысяч, а всё остальное черпалось из карманов «буржуазии». «Искра» издавалась на деньги Саввы Морозова, который, конечно, не в долг давал, а – жертвовал. Я мог бы назвать добрый десяток почтенных людей – «буржуев», – которые реально помогли росту с-д партии. Это прекрасно знает В.И. Ленин и другие старые работники партии.

Позже из газетных колонок, которые Дм. Быков оценил, как «уникальную хронику перерождения революции», Горький сформировал две книги – «Несвоевременные мысли» и «Революция и культура». Алексей Максимович активно осуждал погромы «звероватыми» сельскими мужиками барских имений, сожжение библиотек, уничтожение картин, книг, музыкальных инструментов. В стране процветала спекуляция, публиковались списки тайных сотрудников охранных отделений и т. д. Горький счёл это «позорным обвинительным актом, грозным признаком распада и гниения страны». Понятно, что газету закрыли, поскольку после победы революции власти в свободной прессе не нуждались.

Писатель, с юных лет мечтавший о «новых идеальных людях» и создающий романтические образы героев своих произведений, не смог принять революцию, делу которой служил всей душой. Но... получив известие о покушении на Ленина в августе 1918 года, он отправил сочувственную телеграмму, возобновил переписку. Вконец расстроены отношения между ними стали налаживаться. В феврале 1919 года Горького и Андрееву назначили руководителями Оценочно-антикварной комиссии народного комиссариата торговли и промышленности. Через некоторое время, со слов З. Гиппиус, квартира приобрела «вид музея или лавки старьевщика». Однако, при расследовании, проведённом ВЧК, доказать личной корысти не удалось.

Писатель искал у вождя защиты от питерских чекистов, зачастую навешивавших на него с обысками, вновь стал ходатайствовать об оказании помощи писателям и поэтам. К примеру, хлопотал о выезде за границу для лечения тяжело больного Александра Блока, правда, получено оно было за день до смерти поэта. Когда, несмотря на предпринятые им усилия по защите великого князя Павла Александровича и поэта Николая Гумилёва, их всё же расстреляли, Горький снова пал духом. В отношениях с Марией Андреевой тоже наметилось некоторое охлаждение. Ленин, ценивший Горького за прежние заслуги и социальный реализм в творчестве, подал идею отправиться в Европу для лечения и сбора средств для борьбы с голодом, поразившим Россию после засухи 1921 года.

Итак, в октябре 1921 Алексей Максимович с согласия Ленина (и по настоянию спецслужб, разумеется) едет в Германию с невесткой и сыном, якобы поправить своё здоровье. Андреева, со слов Владислава Ходасевича – следом, «в целях надзора за его политическим поведением и тратой денег». С нею вместе присматривать за писателем отправился новый сотрудник НКВД – Пётр Крючков, в будущем – бессменный его секретарь. Андреева и Крючков обосновались в Берлине, а Горький и его семейство – за городом. Написав открытое письмо Рыкову и Франсу, он высказал категорическое несогласие относительно суда над эсерами, вынесшего обвиняемым смертный приговор. С критикой горьковского письма выступили Карл Радек в «Правде» и Демьян Бедный в «Известиях». Ленин охарактеризовал письмо как «поганое» и назвал его «предательством» друга. В 1922 году была опубликована брошюра автора «О крестьянстве», в которой он весьма нелестно отзывался «о зоологическом инстинкте собственника», присущего русскому мужику, возложив на него ответственность за трагические послереволюционные события. В СССР она не публиковалась.

В 1923 году Горький совместно с Ходасевичем и Шкловским замыслил издавать в Германии независимый журнал «Беседа», чтобы дать возможность русской эмиграции печататься на родине, а молодым советским литераторам – в Европе. В работу включились А. Белый, Б. Адлер, приглашены европейские авторы Р. Роллан, С. Цвейг, эмигранты – А. Ремизов, М. Осоргин, Н. Берберова, а также советские писатели – К. Федин, В. Каверин, Б. Пастернак. Выйти успело всего лишь семь номеров, а далее журнал закрыли, с связи с бесперспективностью. На самом деле, как позже обнаружилось в архивах, издание сочли идеологически вредным. Горький был морально унижен перед людьми, поверившими в него. Помимо того, его вынудили заключить договор сроком на пять лет с Торгпредством СССР в Германии, согласно которому он, кроме Торгпредства и Госиздата, больше нигде не имел права издавать книги на русском языке. С 1924 года Горький жил в Италии, в Сорренто. Уже закончена автобиографическая трилогия, «Детство». В людях. Мои университеты». В 1925 году вышел крупный роман «Дело Артамоновых». Осуществилась давняя мечта писателя: написать историю одной семьи на протяжении ста лет, то есть с 1813 года, с момента, когда отстраивалась Москва и до настоящих дней. А на идею, вызревшую до мечты и воплотившуюся в роман «о социальном вырождении буржуазии», давно намекнул Ленин.

В мае 1928 года после семилетней эмиграции писатель впервые был приглашён советским правительством и лично товарищем Сталиным в СССР, чтобы оценить успехи строительства социализма (возили по заранее подготовленным местам). Он посетил Курск, Харьков, Крым, Ростов-на-Дону, Баку, Тбилиси, Ереван, Владикавказ, Царицын, Самару, Казань, Нижний Новгород. Везде писателя встречали многотысячные толпы народа, часть пути до дома на Тверской улице, где проживала Екатерина Пешкова, его несли на руках. На тот

момент его первая жена возглавляла Комитет помощи политзаключённым. Своими впечатлениями от поездки, он поделился, создав цикл очерков «По Союзу Советов», но в стране не остался и по осени вернулся в Италию. Спустя год, приехал вторично и посетил Соловецкий лагерь. В очерке «Соловки» положительно отозвался о режиме и перевоспитании узников. Видимо, тоже показали только то, что должно было понравиться писателю. Оттуда он снова уехал в Италию.

В начале 30-х годов Горький ждал и рассчитывал получить Нобелевскую премию, на которую номинировался пять раз, но... она досталась Ивану Бунину. Нобелевский комитет, похоже, намеревался присудить писателю русской эмиграции. А полным эмигрантом он не был. Надежды на статусное мировое признание рухнули. В октябре 1932 года Горький окончательно вернулся в Советский Союз. За семьёй писателя были закреплены бывший особняк Рябушинского в центре Москвы, дачи в Горках и Тессели (Крым), его именем назван Нижний Новгород. Сталин поручает ему подготовить и провести в 1934 году I-й Всесоюзный съезд советских писателей и выступить там с основным докладом. Горьким создаётся множество газет, журналов, проводится литературная учёба, возобновляется серия ЖЗЛ и т.д. В год проведения съезда он становится соредактором книги «Беломоро-Балтийский канал имени Сталина».

В течении последних лет жизни Горький пишет самое крупное своё произведение – роман-эпопею в 4-х частях «Жизнь Клима Самгина», начатый ещё в 1925 году. По поводу романа он говорил: «Я не могу не писать Клима Самгина»... я не имею права умереть, пока не сделаю этого». Однако подготовить 4-й том к печати не успел; остался недописанным финал. В статье «Писатель и политика» Луначарский заметил, что «в «Климе Самгине» Горький приводит в порядок

весь свой опыт». Специальное исследование итоговому горьковскому роману посвятил С.И. Сухих:

– В романе показана неизбежность победы марксизма над идейными противниками и в силу железной логики учения, и в силу непоколебимой уверенности в своей правоте, и в результате несокрушимой твёрдости в действиях (...), понятности и привлекательности их идей и лозунгов для массы. ... Горький, как идеолог, может оправдать большевизм, как художник с честными глазами – он просто показывает, что такое большевизм, как и благодаря чему он побеждал и каковы были люди, делавшие историю.

В мае 1934 года, простудившись после ночёвки на холодной земле в Горках, неожиданно умирает от крупозного воспаления лёгких сын писателя – Максим Пешков. И надо же парадокс – Горький именно в эту ночь на даче вёл разговор с профессором А.Д. Сперанским о достижениях и перспективах Института экспериментальной медицины, в том числе, о проблемах бессмертия... Сам он всего на два года пережил сына. В конце мая, возвращаясь из Крыма – плохо себя почувствовал, но решил проведать внучек Марфу и Дарью, болевших гриппом, видимо, вирус передался и ему. А на другой день, сходя на могилу сына, простудился и совсем слёг. 18 июня (по старому стилю) Максим Горький скончался в Горках, на 69-м году жизни. Последние слова Горького, оставшиеся в истории, были сказаны медсестре Липе (О.Д. Чертковой): «А знаешь, я сейчас с Богом спорил. Ух, как спорил!»

При немедленном проведённом тут же, на столе в спальне, вскрытии выяснилось, что лёгкие умершего находились в ужасающем состоянии, плевра приросла к рёбрам, заизвестковалась, оба лёгких закаменели, – так что врачи поражались, каким образом Горький вообще дышал. Из этих фактов следовало, что с докторов снималась ответственность за возможные ошибки в лечении столь далеко зашедшего заболе-

вания, несовместимого с жизнью. В ходе вскрытия мозг Горького был извлечён и доставлен в Московский институт мозга для дальнейшего изучения. По решению Сталина, тело было кремировано, прах помещён в урну в Кремлёвскую стену на Красной площади в Москве. (Из Википедии)

Урну с прахом Горького, в числе прочих, несли Сталин и Молотов. На похоронах Горького Екатерина Павловна присутствовала в качестве его законной, всеми признаваемой вдовы, которой лично выразил соболезнование Сталин. Так закончилась жизнь писателя, основателя соцреализма, величайшего драматурга, глашатая и Буревестника революции, человека, всем сердцем преданного делу революции и воспевавшего её, и так глубоко разочаровавшегося в конечном результате.

Использованная литература:

Перечисленные по ходу написания реферата произведения Максима Горького, а также данные Википедии.

25.01.2018.

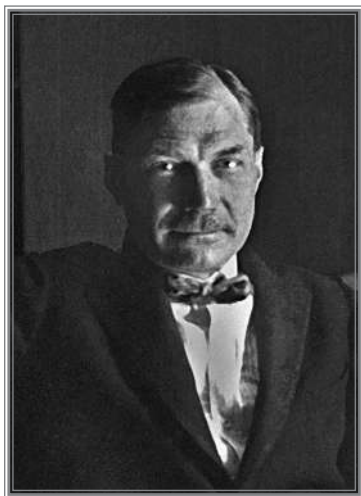
Любовь и боль, и прозорливость...

Евгений Иванович Замятин
1884 – 1937

*«Человек – как роман,
до самой последней страницы
не знаешь, чем кончится.*

Иначе, не стоило бы и читать...»

Евгений Замятин

Прочитав интервью главного редактора газеты «Донской писатель» (№5 за 2017) Людмилы Хлыстовой с доктором филологических наук, литературным критиком Л.Н. Малюковой, обратила внимание на список книг, которые по мнению Людмилы Николаевны, должен прочитать каждый литератор. В числе непрочитанных мною, оказался роман Евгения Замятина «Мы». Когда-то в начале девяностых годов читала рассказы и повести этого автора. До сих пор помнятся такие из них, как «Уездное», «На куличках», «Пещера». Острые. Ёмкие. Пронзительные. Бралась и за роман «Мы», но... что-то «не срослось», не заинтересовал. Видимо, была совершенно не готова к его восприятию. Сегодня, заново перечитывая избранные произведения, была поражена прозорливости автора этого романа. Но... вначале коротко об авторе и его рассказах.

Родился Евгений Замятин 1 февраля (по новому стилю) в г. Лебедянь Тамбовской губернии (ныне Липецкая область) в семье православного священника. Мать будущего русского писателя, публициста, критика, киносценариста была пианисткой. «Рос под роялем», – так писал он о раннем детстве. В четыре года уже читал Гоголя. Позже – Тургенева, Достоевского, Толстого, Лескова, Салтыкова-Щедрина. Из современников предпочитал символистов: Фёдора Сологуба, Андрея Белого, Леонида Андреева. Книги на все времена были его друзьями и товарищами. Закончил с золотой медалью гимназию в Воронеже. Цитата из Автобиографии: «В гимназии я получал пятерки с плюсом за сочинения и не всегда легко ладил с математикой. Должно быть, именно потому (из упрямства) я выбрал самое что ни на есть математическое: кораблестроительный факультет Петербургского политехникума».

Во время учёбы принимает активное участие в жизни революционной студенческой молодёжи, вступает во фракцию большевиков РСДРП. Тогда же он встречается свою будущую жену – Людмилу Николаевну Усову. В 1905 году за революционную деятельность подвергается аресту. Мать прикладывает все усилия по освобождению, однако, летом того же года в порту г. Одесса он становится случайным свидетелем восстания на броненосце «Потёмкин». Снова арест, высылка в Лебедянь. Тайно сбегает в Питер. Живёт на нелегальном положении. В 1908 году Замятин заканчивает институт и пишет свой первый рассказ — «Один». Два года начинающий автор преподаёт на кораблестроительном факультете, работает инженером и одновременно заканчивает рассказ «Девушка».

В 1911 году Замятина за нелегальное проживание высылают в Лахту. Он пишет свою первую повесть «Уездное», где с горечью обнажает косный, полный инертности мир русской провинции. Главный герой повести – не раз битый отцом – не-

слух и лоботряс Анфим Барыба, по два года просиживающий в каждом классе, так и не сдавший выпускных экзаменов и вынужденный сбежать из дома и жить в сарае одного из заброшенных дворов, спать рядом с бездомными собаками, чтобы не замёрзнуть. Следует отметить, насколько зримо автор выписывает его образ: «тяжкие железные челюсти, широченный, четырёхугольный рот и узенький лоб: как есть уют, носиком кверху... Ребята побаивались Барыбы: зверюга, под тяжёлую руку и в землю вобьёт». И этакий «зверино-каменный» увалень сумел как-то пристроиться в жизни: за лакомый кусок и крышу над головой стал сожительствовать с пожилой и развратной купчихой Чеботарихой – «тестяной», необъятной, грузной, расплывшейся. Обидев её служанку, сиротку Польку, Анфим был «разжалован» из любовников и выгнан со двора. И опять пристроился!.. Украл деньги у бывшего друга – добродушного и бесшабашного отца Евсея, а когда деньги закончились – стал подрабатывать подставным свидетелем у двоюродного адвоката Моргунова. Дошло до того, что по ложному свидетельству отправил на виселицу и другого своего приятеля – портного Тимошку. Надо сказать, что угрызения совести хоть редко, но посещали-таки его тёмную душу. Подобными «подвигами» дослужился до урядника. «Белый, ни разу не стиранный ещё китель, серебряные солнышки пуговиц, золотые жгуты на погонах». И такой нарядный красавец с гордым видом и сияющей четырёхугольной улыбкой постучался в обитую старой клеёнкой дверь отчего дома. Каково же было его удивление, когда отец, гневно визжа и брызгая слюной, выгнал его вон. Ошарашенный «столь тёплым приёмом» Барыба ещё долго в недоумении стоял перед дверью...

Не менее сочно выписан в повести и образ Урванки, служившего у Чеботарихи кучером и снискавшего к себе особое расположение госпожи: «кучерявый, силища, чёрт, и чёрный весь – цыган он был, что ли. Закопчённый какой-то, приземи-

стый, жилистый, весь как узел из хорошей верёвки. Поговаривали, что он, мол, у Чеботарихи не только что в кучерах». Но... это всё исподтишка, потому как услышит – избыёт до полу-смерти. Бывший конокрад нисколько не церемонился и находился в драках особое удовольствие. Вот они нравы захолустья! Тем не менее, этакий воинственный детина любил проводить время на птичьем дворе. Изловит бывало мягонький жёлтенький комочек, «на руку посадит – и первое ему удовольствие – духом цыплёнка греть. И так, чтобы рожу его о ту пору никто не видал... Чудно!» И в самом деле – парадокс, да и только! Грубая физическая сила и проблески необыкновенной нежности в одном и том же человеке. И что особенно важно, для каждого, даже самого отрицательного героя, Замятин находил какой-то штришок, позволяющий читателю увидеть что-то человеческое, глубже раскрыть его сущность. Здесь мне очень близка позиция критика В. Полонского: «Симпатия к человеку грязному, пришибленному, даже одичавшему, сквозит на его страницах». Но хотелось бы добавить, что автор искренне жалеет, как социально угнетённых, так и самих угнетателей, «они ведь сами в определённом смысле «жертвы», продукт среды и обстоятельств». В целом – неизбывная, непреходящая боль за Россию переполняет всё его творчество.

А вот что пишет Олег Михайлов в предисловии к «Избранным произведениям» автора: «Густое, самоцветное по слогу, сказу и гротескное изображение старой России («Уездное», «Алатырь», «На куличках»), впрочем, в иных случаях и неподдельно-поэтическое, со словом, крепким и хрустким, словно тамбовская антоновка (так написан, например, волшебный рассказ 1923 года «Русь», на который Замятина вдохновили рисунки Кустодиева). И сатирические, памфлетные картины «каменной, асфальтовой, железной, бензинной, механической страны» – технократического Запада, Англии на-

чала нынешнего столетия («Островитяне», «Ловцы человеков»)).

Как у истинного художника слова, у него и природа играет своими особенными красками. И не просто играет, а работает на сюжет! Например, в рассказе «Три дня»: «Очаков – на осадном положении, на берег сойти нельзя. Солнце пристальное, ошалелое поливает нас сверху». А каким же ему быть, как не ошалелым?! 1905 год. Разгар лета. Невыносимая жара. К тому же – первый вооружённый мятеж на броненосце «Князь Потёмкин Таврический!» На усиление сюжета направлена любая пейзажная зарисовка автора. В подтверждение своих слов процитирую отрывок из рассказа «Непутёвый»: «Небо белое, пуховое, близкое – опять скоро снег пойдёт. А по земле – неведомый добр человек расстелил белую бумагу, и вот сейчас будут на ней, чистой, люди какую-то историю писать – весёлую или страшную», а история довольно неприглядная и трагичная. Или ещё из этого же рассказа: «Морозы пришли. Дни стали тихие, хрустальные, синие. Выстрелят – хрусталь вдребезги, и осколочки тишины звенят, такие жутко-весёлые». А как эти дни выстрелят, полагаю, стоит сохранить интригу для читателя.

По амнистии 1913 года Евгению Ивановичу наконец было разрешено легально проживать в Петербурге. Чуть позже он побывает и на севере: в Кеми, в Соловках, в Сороке и напишет цикл удивительно правдивых рассказов. Но его начинают мучить приступы «грудной жабы», вынудившие переехать на юг – в Николаев. Там Замятин строит землечерпалки и работает над самой трагичной, пожалуй, повестью «На куличках» о заброшенном на край света армейском гарнизоне. В ней во весь голос зазвучала политическая сатира, не лишённая художественности. Публика, отбывающая воинскую повинность в глухомани, самая что ни на есть разношёрстная: кто за оскорбление действием, кто за nepотpeбствo, кто за карты, кто за

растрату и лишь Андрей Иванович – «агнчик невинный», попал сюда по доброй воле. Суровые порядки, поголовное пьянство, беспредел генерала, пользующегося служебным положением как в корыстных, так и в похотливых целях, накладывают свой отпечаток на жизнь захолустья. Пейзажная картинка ещё более усугубляет и без того безрадостную обстановку: «Земля – мёрзлая, тусклая, голая – лежала неубранным покойником». Куда ещё хуже?! Но и в таком, Богом забытом месте, никто не отменял человеческих чувств. Повесть «На куличках» – пример удивительного самопожертвования во имя любви. Молодая женщина Маруся была вынуждена ответить на притязания генерала, во власти которого было засадить в тюрьму её мужа – капитана Шмита. Андрей Иванович, которого тоже угораздило искренне влюбиться в неё, ничем не смог помочь. Разумеется, кончилось всё трагически. Капитан, узнав об этом, долго издевался над женой, хотя любил без памяти. В конце концов – застрелился. После публикации повести в пятом номере журнала «Заветы» автор был предан суду, а тираж, что естественно – конфискован.

Рассуждая о рассказах Замятина, нельзя не заметить с какой душевной чуткостью, теплотой он описывает женские образы и все они у него особенные: и кроткие, и солнечные, и дерзкие, и, главное – любящие, способные ради спасения близкого человека принести в жертву не только честь, но и жизнь. К примеру, вот как он пишет о дочери исправника из рассказа «Алатырь»: «А ведь только поглядеть на Глафиру: ростом высошенька, волос русый, глаз сверкучий, вся наливная – как спелая рожь. На рояле Глафира может: Касту Дуну, Дунайские волны. И такая, поди ж ты, незамужней осталась, не нынче завтра начнёт осыпаться». Чувствуется, что и самому автору далеко небезразлична судьба девушки и читатель невольно становится соучастником её переживаний.

В марте 1916 года Замятин отправляется в командировку в Англию на завод в Нью-Кастле. Искусный корабельный архитектор испытывал особую любовь к ледоколам. До этого через его руки проходили чертежи первого после «Ермака» русского ледокола «Царь Михаил Федорович». В разгаре Первая Мировая война. Страна испытывает острую нужду в мощном флоте. Олег Михайлов пишет: «В Нью-Кастле при самом непосредственном участии Замятина строятся для России ледоколы «Святой Александр Невский» (после революции – «Ленин»), «Святогор» (позднее – «Красин»), «Минин», «Пожарский», «Илья Муромец». Больше всего инженерного, конструкторского труда воплотилось в первом из них, по тогдашним меркам очень могучем ледоколе: он делал для «Ленина» аванпроект, и ни один чертёж не попадал без его проверки и подписи в мастерскую». За два года пребывания в Англии он научился свободно писать и изъясняться по-английски, стал одеваться с «европейской, подчёркнуто щёголеватой аккуратностью». Отсюда, из механизированной, педантичной Англии, где всё заранее рассчитано, расписано, доведено до абсолютизма, Евгений Иванович вынес замысел своей фантастической антиутопии «Мы».

2

Октябрьскую революцию Замятин встретил в Петрограде, в котором ему пришлось пережить тяжёлые события Гражданской войны, в полной мере познать невероятный голод, холод, разруху. В эту пору вплотную сблизился с Горьким, работал в издательстве «Всемирная литература», писал пьесы, принимал участие в постановке спектаклей, был наставником молодых и очень одарённых петроградских писателей – «Серрапионовы братья». Успех был феноменальным. Корней Чуковский даже назвал его «новым Гоголем». И это всего лишь в тридцать три года! Но моя цель подробнее остановиться на романе «Мы», первая публикация которого состоялась за гра-

ницей. По одним данным в 1924, по другим – в 1927 годах. В любом случае критики признали его политической ошибкой, наносящей огромный вред советской литературе. 22 сентября 1929 года, не выдержав массированной атаки со стороны правительства и лояльных к нему коллег литераторов, Евгений Иванович заявил о своём выходе из Всесоюзного Союза Писателей, а в 1931 году, добившись разрешения властей, покинул страну.

Что же такое роман «Мы»? Утопия? Никак нет. Утописты стремятся найти пути создания идеального мира, где будут процветать добро, справедливость, равноправие, гармония и т.д. Одним словом – всеобщее СЧАСТЬЕ. Древнегреческий поэт Гесиод (VIII – VII век до н.э.) – исполнитель эпических песен, один из основателей дидактического литературного направления, в своей поэме «Труды и дни» запечатлел сюжет о «золотом веке человечества», поскольку во времена существования родовых общин не было разделения на богатых и бедных, все были равны перед её Величеством – Природой. Он и явился неким архетипом для последующих утопистов. Будучи школьницей, я хорошо помню, как учительница начальных классов говорила нам о стремительном наступлении коммунизма и даже помнится принцип: «От каждого – по способностям и каждому – по потребностям». И мы безоговорочно верили. Но есть и всегда были люди, к числу которых относится и автор вышеназванного романа, смотрящие глубже, то есть на перспективу. Их интересует, а будет ли человек по-настоящему счастливым в так называемой идеальной среде? Но это уже антиутопия. Таков роман.

Местоимение «мы», направленное на сплочение, солидарность, в нашей стране всегда имело положительное значение. Вспомните песню на слова Роберта Рождественского в исполнении Софии Ротару: «В слове «мы» – сто тысяч «я». И вдруг находится такой Замятин, в романе которого оно имеет негативную окраску. «Единое Государство» (ЕГ) по авторскому

замыслу – это объединение не свободных личностей, а серой, безликой массы, механически и строго по расписанию выполняющей определённые функции, вплоть до биологических. Во главе её стоит Благодетель. Идея коллективизма в описываемом обществе доведена до пародии. Но если внимательно читать, то роман можно назвать и автопародией, поскольку присутствует элемент самокритики, где автор несколько не отделяет себя от понятия «мы». Известно, что в годы первой русской революции Замятин был большевиком, а потому с восторгом встретил Октябрьскую революцию, вернувшись из Англии, но раньше других осознав масштабы трагедии, оказался куда прозорливее многих, за что и пострадал. «Объясняя произошедшее с ним, Е. Замятин приводит персидскую басню о петухе, у которого была дурная привычка петть на час раньше других, из-за чего хозяин попадал в нелепое положение. В конце концов он отрубил петуху голову. «Роман “Мы”, – с горечью заключает писатель, – оказался персидским петухом: этот вопрос и в такой форме поднимать было ещё слишком рано». В действительности же роман на родине писателя ещё не был прочитан: первая публикация романа в СССР состоялась лишь в 1988 году (журнал «Знамя». 1988. № 4–5)».

Итак, роман – довольно смелая антиутопия, представляет собой один из вариантов предполагаемого далёкого будущего. Сюжет фантастичен, но не лишён некой доли психологизма. Автобиографичен. Написан в форме дневниковых записей-конспектов. Главный герой – сам автор, который значится под «номером» Д-503. Математик, рационализатор, первый строитель космического корабля «Интеграл», цель которого «проинтегрировать» вселенную. Жители Единого Государства напроць лишены какой бы то ни было индивидуальности: шаблонные бритые головы, одинаковые серо-голубые юнифы (форма), различаются только по номерам-индексам. Творческое вдохновение воспринимается как опасный вид эпилепсии. Если какой-то номер способен к самостоятельному мыш-

лению, то шпионы-хранители тут же сообщают Благодетелю и нарушителя дисциплины немедленно наставляют на путь истинный, то есть проводят ему Великую Операцию по удалению фантазии. Обратите внимание, как автор тонко иронизирует по этому поводу: «Так приятно чувствовать чей-то зоркий глаз, любовно охраняющий от малейшей ошибки, от малейшего неверного шага. Пусть это звучит несколько сентиментально, но мне приходит в голову опять всё та же аналогия: ангелы-хранители, о которых мечтали древние. Как много из того, о чём они только мечтали, в нашей жизни материализовалось».

С не меньшей иронией он говорит о Дне ежегодных выборов Благодетеля, но в тексте это выглядит так естественно: «Завтра мы снова вручим Благодетелю ключи от незыблемой твердыни нашего счастья. Разумеется, это непохоже на беспорядочные, неорганизованные выборы у древних, когда – смешно сказать – даже неизвестен был заранее самый результат выборов. Строить государство на совершенно неучитываемых случайностях, вслепую – что может быть бессмысленней? И вот всё же, нужны были века, чтобы понять это». Роман Замятина остро современен и в наши дни. Но как он мог написать такие вещи в двадцатых годах двадцатого столетия – уму непостижимо!

Государство полностью взяло в свои руки заботу о всеобщем и одинаковом для каждого счастье. Чистота. Стерильность. Прозрачные стеклянные дома, причём, строго прямоугольные, геометрически выверенные площади, улицы. С внедрением нефтяной пищи побеждён голод. Решена глобальная проблема далёкого XX-го века! Отпала необходимость думать о хлебе насущном. Да что там о хлебе! Даже о продолжении рода! Любовь сведена к случайным, медицински полезным процедурам. Для этого всего лишь необходимо подать заявку на любой номер, и он к вашим услугам, правда, в строго определённые часы и дни недели. И только в эти часы позволено было опустить шторы в прозрачной комнате. Автору, безуслов-

но, удаётся обнажить мысль, заострить, довести до абсурда и во всей красе подать читателю.

Замятин в совершенстве владеет приёмами звуковой и зрительной характеристиками персонажей. Вот что он говорил: «Я далёк от того, чтобы приписывать каждому звуку строго определённое смысловое или цветовое обозначение. Но – **Р** – ясно говорит мне о чём-то громком, ярком, красном, горячем, быстром. **Л** – о чём-то бледном, голубом, холодном, плавном, лёгком. Звук **Н** – о чём-то нежном, о снеге, небе, ночи... Звуки **Д** и **Т** – о чём-то душном, тяжком, о тумане, о тьме, о затхломе. Звук **М** – о милом, мягком, о матери, о море. С **А** – связана широта, даль, океан, марево, размах. С **О** – высокое, глубокое, море, лоно. С **И** – близкое, низкое, стискивающее и т.д. (Анненков Ю. Евгений Замятин «Воспоминания» // Литературная учёба. 1989. №5). Не стану останавливаться на значении цифр, они тоже в романе выполняют определённые функции.

Точный выбор имени играет не менее важную роль. Согласные буквы служат эквивалентом мужских имён, а гласные – женских. Интересно и то, что буквы выбраны и латинские и русские, выходит, что автор не придавал особого значения языковым барьерам и национальным различиям. Вот как описывает автор О-90, которая строго по расписанию заказывала на него розовый талон. Её внешний портрет «повторяет» её имя: «Милая О! — мне всегда это казалось — что она похожа на свое имя: сантиметров на 10 ниже Материнской Нормы — и оттого вся кругло обточенная, и розовое О — рот — раскрыт навстречу каждому моему слову. И ещё: круглая, пухлая складочка на запястье руки — такие бывают у детей». При существующей в Едином Государстве «науке детоводства» О-90 не может иметь ребёнка — она ниже Материнской Нормы на десять сантиметров. Зная, что ей грозит смерть в случае отступления от правил, молодая женщина всё рано решается на этот шаг, поскольку в ней просыпается материнский инстинкт. Д-503 уступает её просьбе.

I-330 совсем другая и по внешнему облику, и по характеру: «тонкая, резкая, упрямо-гибкая, как хлыст». Латинское I (не русское «и») в зрительном плане представляет эту элегантность, угловатость, стойкость (стойкий, сильный характер), резкость, что усиливается и такой деталью, как «острые белые зубы». Всё в I-330 являет собой вызов Единому Государству — установленному порядку, стандарту, унифицированному миру. Её фантазии в одежде воспринимаются как своеволие, как вызов, свидетельствуют об осознании личностного начала. Героиня будоражит воображение Д-503, пробуждает в нём способность любить, думать, сомневаться.

Так уж случилось, что любовь для Д-503 из медицински полезной превратилась в страсть. Слушая музыку Скрябина в исполнении I-330, он впервые ощущает «медленную сладкую боль», чувствуя в своей крови ожог «дикого, несущегося, опаляющего солнца». У него образовалась душа. А это уже грехопадение, причём, государственного масштаба. I-330 – первая осознаёт необходимость протеста и пытается вытянуть Д-503 из рутины и на какое-то время ей это удаётся, они оба становятся заговорщиками. В романе она более чем революционерка. Критики называют её Мессией, усматривая первую букву её имени, как начальную в имени Христа, а в цифре – его возраст, увеличенный в десять раз. Нерешительный и безвольный Д-503 становится безучастным свидетелем казни любимой. Всё-таки побеждает Государство. Механические инстинкты, заложенные ЕГ, одерживают верх над человеческими чувствами. Он снова во власти Благодетеля. Позволю себе вставить ремарку, не относящуюся к роману, но очень уж аббревиатура похожа по своей нелепости на современную. Не такой ли Благодетель ввёл ЕГ в систему образования?!

Итак, I-330 погибает, по-другому и быть не должно, но остаётся жить O-90, в которой зародилась новая жизнь. Ей удаётся переправиться за Зелёную Стену, в мир естественной природы, «её будущее полно неясностей, поскольку гаранти-

рованного безоблачного счастья этот мир не сулит, но на неё и её ребенка — будущее человечество — возлагает надежды автор и мы, читатели. В этом смысле роман заканчивается открытым финалом — прославлением Вечной Женственности».

Основная мысль романа, на мой взгляд, останется ли в эпоху технократии Человек Человеком? Способен ли он, извлекая разумное зерно цивилизации, противостоять ей в духовном плане? Литературный герой, то есть – Д-503 не выдержал. Сломался. Но автор Замятин подарил миру замечательный роман, который и в наше время несколько не утратил своей значимости, остроты и актуальности. 10 марта 1937 года Евгений Иванович скончался от «грудной жабы» в бедной квартирке на улице Раффе. Ему было всего 53 года. Похоронен на далёком кладбище Тие в окрестностях Парижа, где хоронили русскую бедноту. Считаю, что свой писательский и гражданский долг он выполнил с честью, поскольку не юлил, не лукавил, ни под кого не подстраивался, не упражнялся в написании хвалебных од, а брал самые болевые темы своего времени и честно, открыто доносил до читателя горькую правду, при этом мастерски облекая её в художественную форму.

Использованные материалы:

«Избранные произведения в двух томах» – Евгений Замятин, – Москва, Издательство «Художественная литература» 1990 год.

Интернет-ресурс – Издательство «Лицей»:

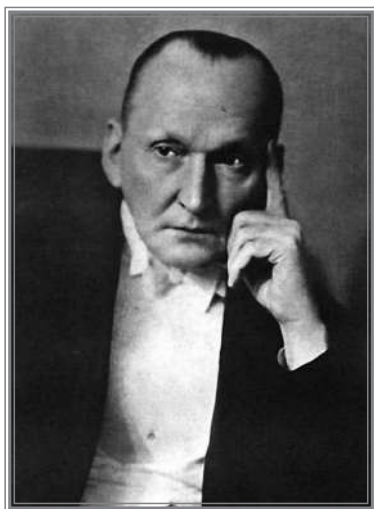
http://licey.net/free/13-literatura_20_veka_analiz_dlya_sochinenii/64-eretiki_v_literature__l_andreev__e_zamyatin__b_pilnyak__m_bulgakov/stages/2865-istoriya_sozdaniya_i_smysl_nazvaniya_romana_my.html

22-23.10.2017.

«Мои следы, ведущие в мечту»

Александр Николаевич Вертинский
1889 – 1957

К 130-летию юбилею А.Н. Вертинского

1

Передо мной книга Александра Вертинского «Дорогой длинною...», выпущенная московским издательством «Правда» в 1980 году. В неё включены «Стихи и песни», «Рассказы, зарисовки, размышления», «Письма». Удивительная судьба! Невероятно-трудная. Горькая. И счастливая. Неоднозначная – одним словом. В три года маленький Саша остался без матери. Понятно, что совсем кроха, он мало что понимал и запомнил

в то время. Однако то, что запомнил, читать нелегко: «Очевидно, для утешения дали мне шоколадку. Мать лежала на столе в столовой в серебряном гробу вся в цветах... Быстро забравшись на табуретку, я чмокнул маму в губы и стал совать ей в рот шоколадку... Она не открыла рта и не улыбнулась мне. Я удивился. Меня оттащили от гроба и повели домой к тётке». Это и всё, что у ребёнка осталось из воспоминаний о матери... Представить такую картинку трудно и больно, но вызывает восхищение тот факт, каких высот, вопреки всему, этот человек смог добиться в жизни. Итак, остановимся подро-

нее на биографии и глубже рассмотрим творчество Александра Николаевича.

Родился 21 марта 1889 году в Киеве. Родители мальчика жили в незарегистрированном браке, поскольку первая жена отца не давала развода. Отец Александра – Николай Петрович Вертинский вынужден был усыновить собственных детей – маленького Сашу и его сестру Надю, которая была старше на пять лет. Евгения Степановна – мать мальчика – родом из дворянской семьи. Самая юная, нежная и кроткая из четырёх сестёр, тяжело расплачивалась за свою первую и последнюю любовь. Родители Женечки не признавали ни её, ни мужа, ни их незаконнорожденных детей. Правда, сёстры матери общались с ней, но Николая Петровича тоже не признавали и считали его виновником «падения» их младшенькой. Маленькому Саше не раз приходилось из уст Марьи Степановны – тётки, взявшей его на воспитание, слышать:

– Твой отец – негодяй!

Какое это было слышать малышу, оставшемуся без материнского тепла и всем сердцем любившего своего отца? Поразительная чёрствость... Отец по роду своей деятельности занимался журналистикой, также оказывал юридические услуги, поскольку имел профессию адвоката. И был довольно востребованным. Как человека доброго, сердечного и отзывчивого, его очень ценили люди. Предпочтение всегда отдавал бедным и даже оказывал материальную поддержку своим подзащитным. Николай Петрович очень тяжело переживал смерть дорогой и любимой Женечки. Постепенно за ним стали замечать какие-то странности. Стал заговариваться, к чему-то прислушиваться, мог ни с того ни с сего выйти из зала суда, бросив почти что выигранное дело. Однажды по весне его нашли на снегу, без чувств, в распахнутом пальто, во фраке, ничком лежащего на могиле Евгении Степановны. Последствием стала скоротечная чахотка. Оправиться от болезни он так и

не смог. После смерти отца Надю забрала старшая сестра матери – Лидия, а маленького Сашу – красивая, молодая, своевольная и капризная Марья, причём каждому из детей было сообщено о смерти друг друга. Так пятилетний Саша остался без единого близкого человека.

По субботам кузина Наташа иногда водила его во Владимирский собор – величественный и торжественный. Сердечко малыша трепетало при виде «Страшного суда» Васнецова. А «Рождество Христово» и задушевные русские пейзажи Нестерова радовали глаз, приносили успокоение. Образ Богоматери светился неземной красотой, вызывал изумление и восторг. Малыша подолгу нельзя было оторвать от неё. А когда пел церковный хор, его детская душа, не умевшая вместить столько переживаний, словно мячик, улетала вверх, к самому куполу – к небу! И, наконец, самое главное с его слов: «По ходу службы из алтаря появлялись в белых стихирях тонкие и стройные мальчики чуть постарше меня и несли белые свечи. И все смотрели на них. О, как завидовал я этим юным лицедеям! Вот откуда взяло своё начало моё актёрское призвание!»

В девять лет Александр поступил учиться в Императорскую I-ю Александровскую гимназию. Приготовительный и первый класс окончил на отлично, а потом всё хуже и хуже и со второго класса был исключён из неё. Перевели в гимназию попроще – Киевскую 4-ю, но и оттуда, нахватав массу двоек, он тоже «был торжественно исключён из пятого класса». Паренька тянуло к искусству. Двоюродной сестре Киньке почему-то позволили посещать драматическую школу, а его жестоко наказывали за стремление к театру. Пороли нещадно – не помогало. Вырастал волчонком, начал красть. Воровал мелкие вещи из тёткиного комода, продавал их на толкучке и почему-то был всегда голоден.

Дружил с ребятами второгодниками. Росли, как трава, сами по себе. Любили разводить костёр, жарить на палочках

старое украинское сало, курили до тошноты... Зимой посещали Киево-Печёрскую лавру. В монастырской бесплатно выдавали постный борщ из капусты и чёрный хлеб. Верующие богомольцы прикладывались к мощам святых, целуя их, и оставляли медяки на свечи угоднику. Ребята придумали трюк, как незаметно завладеть этими медяками. Нагибаясь к мощам, делали вид, что целуют их, а сами захватывали ртом столько, сколько он мог уместить. На ворованные деньги накупали себе пирожных, конфет, папирос. В учебные дни любили ходить по ярмарке, вместо того, чтобы идти в гимназию. Там же на Подоле, несколько в стороне, стоял двухэтажный дом, служивший «контрактным залом». Днём там кипела торговая жизнь, заключались всевозможные сделки, а вечером за десять рублей зал сдавали под любительские спектакли. Это помещение и стало его «актёрской колыбелью», поскольку идею стать актёром Александр так и не выбросил из головы.

Помимо Вертинского, в Киеве было достаточно молодёжи, которой безумно хотелось показать себя на сцене. Ребята вскладчину снимали зал, брали напрокат костюмы, расклеивали афишки, сами распространяли билеты среди родных и знакомых... и играли, играли, играли. Самостоятельно ставили «Казань» Григория Ге, «Волки и овцы» Островского и даже «Горе от ума» Грибоедова. Не раз приходилось «докладывать» до каждого спектакля. Выручали родственники некоторых «актёров» и «актрис», отдавая последние гроши ради своих чад.

Был ещё так называемый «Клуб фармацевтов», тоже на Подоле, куда входили преимущественно еврейские студенты, обучающиеся на стоматологов и ортодонтонтов, как более перспективные профессии. Но и эти ребята грезили стать артистами, к тому же, они были и главной театральной публикой. По субботам в этом клубе устраивались семейные Журфиксы, где выступали все киевские молодые таланты. Первый выход

Александра оказался весьма неудачным. Вышел петь цыганский романс, тщательно отрепетированный до этого, но открыл рот и... спазм перехватил дыхание. Экал, мэкал и вынужден был покинуть сцену при гробовом молчании зала. Неудача нисколько не охладила пыл будущего актёра. В следующую субботу он выступил в качестве рассказчика еврейских анекдотов, к тому же, представил на суд публики несколько юмористических сценок, составленных им на основе собственных уличных наблюдений. Успех был полный!

Одно время юный Вертинский тесно общался с закоренелым второгодником Жоржем Зенченко, сумевшим каким-то образом «просочиться» в Соловцовский театр и даже стать в нём старостой статистов (участников массовых сцен). Статистам театр выплачивал пятьдесят копеек за спектакль. И этот пройдоха Жорж записал в статисты с полсотни ребят, в том числе и Александра, с условием, что получать за них будет он. Но... чего не сделаешь ради искусства! Постоять почти всё время за кулисами, видеть игру настоящих актёров – полубогов и выйти на какое-то мгновение перед публикой, пусть даже без слов – это уже счастье.

А однажды за три рубля Жорж позволил Александру в одной из сценок в «Народном доме» сыграть роль одного из двух мамелюков (личной охраны Наполеона). Наполеона играл Борис Путята. Требовалось долго и неподвижно стоять возле дверей его кабинета, скрестив руки, а перед появлением царствующей особы поочерёдно громко возвестить одно только слово: «Император!» К сожалению, у Александра имелся один серьёзный недостаток: он не выговаривал букву «р». Естественно, что его немедленно удалили за «косноязычие». Пропали и три рубля. Больше ролей со словами ему не давали. Много позже этот недостаток сыграет роковую роль во время прослушивания его Станиславским.

Наступал 1905 год. Вертинский к тому времени уже был выгнан из гимназии. Молодёжь собиралась в кружки, читала нелегальную литературу, распевала запрещённые песни и т.д. Всё это очень раздражало тётку. К тому же, спектакли заканчивались поздно, и он добирался домой во втором часу ночи. Полузамёрзший, голодный он пробирался в кухню, доедал остатки ужина и, укрывшись старым гимназическим пальто, сладко засыпал «непробудным сном молодости». В конце концов Марья Степановна запретила кухаркам впускать племянника. Что было делать? Где ночевать? Но бросить театр он не мог. Это было выше его сил... В саду стояла беседка, в которой лежали грубые солдатские ковры. На зиму её запирали на замок. Выломав пару штакетин, он влезал в неё и засыпал на морозе, завернувшись в эти ковры. Но это продолжалось недолго. Всё же тётка окончательно выгнала его из дома. Приходилось ночевать по подъездам чужих домов, просиживая ночи на холодных лестничных ступенях.

Со временем у будущего актёра появились новые знакомые – молодые поэты, художники, литераторы. Жизнь малопомалу стала налаживаться. Как правило, многим из них тоже жилось не сладко, а потому – выживали сообща, делились друг с другом. В 1912 году в журнале «Киевская неделя» был напечатан его первый рассказ «Моя невеста», написанный в декадентской манере и «оказался довольно заметным на фоне киевской беллетристики». Следом напечатали второй – «Папиросы «Весна» – в том же стиле. Ещё одна из киевских газет, «Отклики», опубликовала рассказ «Лялька». О Вертинском заговорили как о подающем надежды молодом литераторе. Однажды, перелистывая журнал «Театр и искусство», он прочёл в составе комедийной группы Сабурова фамилию – «Н.Н. Вертинская». Написал письмо милой незнакомке-однофамилице. В ответ пришло письмо, полное слёз. Оказалось, что это его сестра, якобы умершая в детстве. Зачем тёткам таким жесто-

ким способом понадобилось их разлучать? До конца жизни Александр Николаевич так и не смог понять...

Но... вернёмся к биографии Вертинского. Какое-то время судьба была благосклонной. Молодой человек попал в замечательный литературный дом Софьи Николаевны Зеленской, где собирался весь цвет тогдашнего киевского бомонда и о котором на всю жизнь сохранились самые тёплые воспоминания. Преподавательница женской гимназии, очень образованная и умная женщина, жена брата Анатолия Васильевича Луначарского – писателя, переводчика, видного государственного деятеля, будущего наркома просвещения СССР. Заметив способности Александра, его в этом доме не только подкармливали, но и оставляли жить на даче, а самое главное – смогли привить литературный вкус, выработать чувство меры, научили серьёзному, вдумчивому подходу к литературе. Отношения с тёткой несколько потеплели, хоть он и не жил у неё, но стал проводить иногда, общаться с её маленькими сыновьями. Но в душе зрело твёрдое решение: нужно ехать в столицу, чтобы сделать карьеру, поскольку всем известно, что «нет пророка в своём отечестве».

Накопив двадцать пять рублей, подыскал себе компаньона – маленького актёришку Сашку Муратова – абсолютную бездарность, но в его гардеробе имелось несколько сценических костюмов, что согласиться – немаловажно. Вместе отправились в Москву. Вертинский отдал ему деньги на хранение, но Муратов был тот ещё «жучок». По прибытии в столицу – заплатил за гостиницу чужую записку, причём, на месяц вперёд, оставив компаньона ни с чем. Один спал на кровати и жил припеваючи, а другой – на полу и мог позволить себе только ломтик ситного хлеба и пустой кипяток два раза в день. Много, очень много ещё злоключений выпало на его долю. Тем не менее: «Москва была пёстрая, цветастая, шумная, не похожая

ни на один город в мире. Не любить её невозможно», – позже напишет в своих воспоминаниях Александр Вертинский.

Когда из гастрольной поездки вернулась в столицу сестра Надя, они стали жить вместе, много чего рассказали друг другу, навёрстывая упущенные годы общения. Посещая вольнослушателем лекции в Московском университете, Александр познакомился со студентами – Володей Лазаревичем и Женей Хазиным. Вместе совершали экскурсии по городу, бегали на лыжах по Москве-реке, ходили на Воробьёвы горы – кататься на бобслеях. Если Надя уезжала – он перебирался к друзьям. Довольно много времени ребята проводили в университете или в Румянцевской библиотеке.

Вертинский пробовал себя и в кино, правда, без особого энтузиазма. Кинодебют состоялся в 1913 году в фильме «Обрыв», где ему досталась небольшая роль одного из гостей – кадета. На этой картине Вертинский познакомился с Иваном Мозжухиным, который играл главную роль – Райского. Они сдружились. Затем ему досталась роль ангела в фильме Ильи Толстого, снимавшего картину по рассказу отца, которая стала пропуском в московскую богему. Трудность состояла в том, что нужно было с неба зимой падать в снег совершенно голым, с одними лишь крыльями за спиной. Согласился из озорства. Кинематограф позже подарит Вертинскому и первую большую любовь — любовь к звезде русского немого кино актрисе Вере Холодной. Александра не смутило, что ко времени их знакомства Вера уже была замужем. Он настойчиво, можно даже сказать — самоотверженно добивался расположения любимой, посвящая ей многие из своих первых песен, таких как «Маленький креольчик»:

*Ах, где же Вы, мой маленький креольчик,
Мой смуглый принц с Антильских островов,
Мой маленький китайский колокольчик,
Капризный, как дитя, как песенка без слов?*

*Такой беспомощный, как дикий одуванчик,
Такой изысканный, изящный и простой,
Как пуст без Вас мой старый балаганчик,
Как бледен Ваш Пьеро, как плачет он порой!*

Вера очень тепло относилась к Александру, ведь это с его лёгкой руки она пришла на съёмки, но так и не смогла ответить взаимностью, полностью оправдав свой сценический псевдоним. В отчаянии Вертинский написал песню «Ваши пальцы пахнут ладаном», в которой, навсегда прощаясь с любимой, заочно отпел её. Она потребовала убрать это посвящение, и он убрал, но спустя три года Вера умерла в Одессе при невыясненных обстоятельствах. Вертинский вернул посвящение обратно:

*Ваши пальцы пахнут ладаном
И в ресницах спит печаль.
Ничего теперь не надо Вам,
Ничего теперь не жаль.
И когда Весенней Вестницей
Вы пойдёте в дальний край,
Сам Господь по белой лестнице
Поведёт Вас прямо в рай.
Тихо шепчет дьякон седенький,
За поклоном бьёт поклон
И метёт бородкой реденькой
Золотую пыль времён.*

2

Всё же пробиться по-настоящему, то есть обратить на себя внимание общества, ему пока не удавалось. Молодые актёры из глубоких провинций держали экзамен на статистов при Московском Художественном театре. Отбор был строжайший:

пробивались пять из пятисот. Причём, прошедшие – годами изображали толпу, не более того. Вот тут-то в их богемной среде и появился кокаин. И что интересно, продавался в то время в аптеках совершенно открыто в маленьких коричневых баночках. Дозировка – один грамм. Самым лучшим считался порошок немецкой фирмы «Марк». При первой «понюшке» минут на десять происходил необыкновенный душевный подъём, ясность мысли, в голову приходили оригинальные идеи, можно было поражать слушателей красноречием, а можно было садиться и записывать мысли. Правда, наутро читать этот бред было невыносимо. Приёмы становились всё чаще. Многие актёры и актрисы носили при себе эти баночки и принимали перед выходом на сцену. «Угощали» и Александра. Кто первым предложил это зелье он не помнил. Быть может, не хотел вспоминать. Однако втянулся и втянулся основательно.

Вертинскому неожиданно для самого себя удалось устроиться в театр миниатюр, который держали супруги Арцыбушевы. Марья Александровна сама его пригласила. Прочитирую его воспоминания:

– Что вы шлёетесь без дела, молодой человек? Шли бы лучше в актёры, ко мне в театр.

– Да, но я же не актёр, возразил я. – Я ничего собственно не умею.

– Не умеете, так научитесь.

Я призадумался.

– А сколько я буду получать за это? – деловито спросил я.

Она расхохоталась.

– Получать? Вы что, в своём уме? Спросите лучше, сколько я буду брать с вас за то, что сделаю вас человеком!

Я моментально скис.

Заметив это, Марья Александровна чуть подобрела.

– Ни о каком жалованье не может быть и речи, но... в три часа дня мы садимся обедать. Борщ и котлеты у нас всегда найдутся. Вы можете обедать с нами.

Таким образом первым моим жалованьем в театре были борщ и котлеты.

Неплохо зарекомендовав себя, начинающий актёр, помимо обеда, стал получать жалованье двадцать пять рублей в месяц. Всё бы хорошо, но он уже прочно сидел на кокаине. К великому огорчению сестра Надя тоже не смогла избежать ужасного поветрия – и тоже «кокаинилась». Ночи напролёт, предаваясь воспоминаниям своего безрадостного детства, они нюхали этот распроклятый порошок и плакали, жалея друг друга. Часа в три-четыре ночи их несло в «Комаровку» – извозчицью чайную у Петровских ворот, где в сыром подвале пили водку с извозчиками, проститутками и прочими подозрительными лицами и, конечно же, нюхали это дьявольское зелье. В итоге – полное равнодушие ко всему происходящему, галлюцинации, психическое заболевание. Однажды, выглянув из окна мансарды (окно выходило на крышу), он увидел, что весь скат крыши сплошь усеян крошечными коричневыми баночками. Александр по-настоящему испугался и решил срочно обратиться к одному из своих знакомых – знаменитому психиатру – профессору Баженову. Подходя к остановке на Тверской, он совершенно отчётливо видел, как Пушкин сошёл со своего пьедестала и, тяжело шагая, тоже направился к остановке трамвая:

«Опять галлюцинация! – спокойно подумал я. – Ведь этого быть не может.

Тем не менее Пушкин стал на заднюю площадку трамвая, и воздух вокруг него наполнился запахом резины, исходящим от его плаща.

Я ждал, улыбаясь, зная, что этого быть не может. А между тем это было!

Пушкин вынул большой медный старинный пятак, которого уже не было в обращении.

– Александр Сергеевич! – тихо сказал я. Кондуктор не возьмёт у вас этих денег. Они старинные.

Пушкин улыбнулся.

– Ничего. У меня возьмёт!

Тогда я понял, что просто сошёл с ума. Я сошёл с трамвая на Арбате.

Пушкин поехал дальше.

Профессор, внимательно выслушав жалобы больного, дал понять, что нужно либо на год-два ложиться в психиатрическую больницу, где его непременно вылечат, либо немедленно бросить кокаин. Затем он резко засунул руку в карман пациента и, обнаружив марковскую баночку, мигом вышвырнул её в окно. «До свидания! Больше я вас не держу». – Всё было предельно ясно. Шёл 1914 год...

Началась война. Госпитали, причём не только казённые, были забиты ранеными. Многие богатые люди на свои средства открывали больницы в то время. Проходя мимо особняка купеческой дочери Марии Саввишны Морозовой, внимание Вертинского привлекла толпа. Привезли новую партию раненых. Люди стали вынимать их из кареты и вносить в дом, который тоже стал госпиталем. Он кинулся помогать. Потом вошёл в перевязочную. Доктора спешно снимали грязные бинты, промывали и обрабатывали раны. Александр остался, ему надо было чем-то отвлечься. Незаметно прошла ночь, за ней – другая, постепенно он втянулся в эту лихорадочную, но очень нужную работу. Ему нравилось стоять до упаду в перевязочной, всецело отдаваясь работе, читать бойцам книги, чувствовать себя необходимым. Знаменитый московский хирург Холлин позволял юному помощнику даже присутствовать на операциях.

Позже Морозова организовала собственный санитарный поезд под №68: двадцать пять серых вагонов третьего класса, вагон для перевязок, плюс вагоны для персонала, кухня, аптека, склады. Начальником поезда был назначен граф Никита Толстой. Александр вошёл в состав обслуживающего персонала и записался почему-то под именем «Брата Пьеро». Видимо, сработал актёрский инстинкт. Сотрудники тщательно мыли вагоны, красили их, раскладывали тюфяки и подушки, возили и разгружали медикаменты, перевязочные материалы, продукты в склад. За каждым был закреплён свой номер вагона. Ему дали в медсёстры Наталью Третьякову – красивую и довольно капризную девушку, в которую он «немедленно влюбился». Поезд ходил от Москвы до линии фронта и обратно. Вагон «брата Пьеро» был признан образцовым и вскоре юношу перевели с чёрной работы на перевязки. Он самозабвенно отдавался делу, быстро набил руку и поражал даже врачаев ловкостью и чистотой работы.

О наркотике стал забывать. Вот уж воистину: одно несчастье – масштабное, всеобщее вытеснило не менее грозное личное несчастье. И медперсонал и раненные полюбили его и ласково называли «Пьерошей», просили спеть что-нибудь или почитать стихи. Валился с ног, но никогда не отказывал. Исполняя песни как на свои стихи, так и на стихи поэтов Серебряного века, юный исполнитель нарабатывал свой стиль, важным элементом которого стал певучий речетатив с характерным лёгким грассированием. Однажды спел умирающему бойцу и совершенно без сил уснул рядом. По окончании службы Вертинский – имел на счету тридцать пять тысяч перевязок! Иначе как подвиг, я не могу это расценить.

Однажды Вертинскому в купе (вагоны были все забиты до отказа) занесли смертельно раненного полковника. Старший военврач, командующий погрузкой, сказал:

– Возьмите его. Я не хочу, чтобы он умер у меня на пункте. А вам всё равно. Дальше Пскова он не дотянет. Сбросьте по дороге.

– А что у него?

– Пуля около сердца. Не смогли вынуть – инструментов нет. Ясно? Он так или иначе умрёт. Возьмите. А там – сбросите...

Это же человеческая жизнь? Как так сбросить?! Не мог Пьероша с этим смириться, позвал Зайдиса – врача поезда. Но и у того нужного инструмента не оказалось. Да и операции в поезде запрещены. Обработал рану йодом и приказал наложить повязку. Врач вышел, но паренёк не мог успокоиться. Он вспомнил, когда ездил за инструментом – не удержался и приобрёл сверх списка длинные тонкие щипцы, «корнцанги». Очень ему понравился их «декадентский вид». Они были загнуты книзу и заканчивались тонкими иголочками. Разбудив санитаря, прокипятив и обработав спиртом эти щипцы, «новоиспечённый врач» пошёл на риск. И удалось! Господь, видимо, помог вынуть пулю. Ведь за такие вещи грозит трибунал! Но он спас жизнь человеку! И этим всё сказано...

Два года он самоотверженно проработал в поезде. В 1916 году поезд расформировали. За это время в одной из гостиниц умерла сестра Надя (по слухам – от передоза). Вернувшись в Москву, могилу найти он так и не смог, и вновь завертелся в привычной богеме. Вечерами часто собирались на Тверском бульваре, где было кафе Грека. В искусстве в это время образовалось новое течение футуризм, то есть искусство будущего, отрицающее все ранние наработки и авторитеты. Для молодых и непризнанных это было самым действенным средством, чтобы обратить на себя внимание, ведь можно делать всё что угодно. Они наряжались «в жёлтые кофты с чёрными широкими полосками, на голове цилиндр, а в петлице деревянные ложки». С разрисованными, чуть ли не под индейцев, лицами подобная публика гуляла по Кузнецкому мосту. В это время Вертинский очень сдружился с Владимиром Маяковским.

Наступил 1917 год. Вертинский работал в милом театрике в Петровских линиях у Марии Николаевны Нининой-Петипа. С этой труппой провёл многочисленные гастроли по стране, продолжая нарабатывать собственный стиль. Театр прочно завоевал московскую публику и попасть на спектакли (хотя они шли двумя сеансами ежедневно) было проблематично. Назывался он теперь «Театр сольных выступлений». Александр в то время увлёкся очень талантливой, но склонной к накопительству балериной – Мариной Юрьевой. Посвятил ей ряд песен: «Аллилуйя», «О шести зеркалах», «Пёс Дуглас» и «Трефовый король», который прежде назывался «Злой песенкой». В связи с этим посвящением стоит привести цитату из воспоминаний А. Вертинского в книге «Дорогой длиною»:

«А в Москве жить становилось все труднее... Исчезли сахар, белый хлеб. Пить приходилось чуть ли не денатурат. Ничего нельзя было достать за все мои деньги. А тут я ещё, как назло, влюбился в одну балерину. Балерина была талантлива, но злая, капризная и жадная невероятно. С большими усилиями, благодаря своему имени и гонорарам, я доставал ей все, что было возможно, — духи, одеколон, мыло, пудру, шоколад, конфеты, пирожные. По знакомству мне давали всё. Я покупал ей золотые вещи, материалы для платьев — шёлк и шифон, бархат и кисею... Все это она принимала как должное, но всего этого ей было мало. Танцует она, например, в “Эрмитаже”. Я захожу к ней за кулисы. Смотрю, она «вытрющивается» перед каким-то невзрачного вида посетителем:

— Что это за тип? — спрашиваю я. — И чего вы так перед ним выворачиваетесь?

— Он мне обещал принести одеколон, — говорит она.

— Ничтожество! — в бешенстве кричу я. — Я ведь только сегодня утром прислал вам ящик от “Ралле”, где этого одеколona пять флаконов, и духи, и пудра, и мыло.

Она пожимает плечами. Ей мало этого!»

Далее Вертинский называет имя этой балерины: «Муся». Мне бы хотелось привести не столь обидную, но печальную песню «Аллилуйя», написанную про неё ранее:

*Ах, вчера умерла моя девочка бедная,
Моя кукла балетная в рваном трико.
В керосиновом солнце закружилась, победная,
Точно бабочка бледная, — так смешно и легко.
Девятнадцать шутов с куплетистами
Отпевали невесту мою.
В куполах солнца луч расцветал аметистами.
Я не плачу! Ты видишь? Я тоже пою! <...>
Упокой меня, Господи, скомороха смешного,
Хоть в аду упокой, только дай мне забыть, что болит!
Высоко в куполах трепетало последнее слово
«Аллилуйя» — лиловая птица смертельных молитв.*

События развивались стремительно. В стране случилась Февральская революция. Кого-то она обрадовала, кого-то огорчила, кого-то выбила из колеи, но поразила абсолютно каждого. Буржуа и мелкие чиновники встретили её растерянно. Что же теперь будет?.. Александр Вертинский работал напряжённо и плодотворно. Были гастроли в Одессе и Петрограде. Был и издатель, довольно ловкий и предприимчивый, некий Арнджеевский, который когда-то купил его первую песню «Минуточка», а теперь скупал их все по дешёвке и издавал большими тиражами, заполонив нотами витрины всех московских магазинов. Вертинский прекратил писать «ариеттки», как он их называл, и стал писать песенки-новеллы, в которых основной составляющей был сюжет. В них запечатлён образ России с «изломами» судеб и уходящей аристократической культурой. Публика у него уже была. Но его «ариеттки» тоже не были проходными. Они шокировали своей простотой

и искренностью. Чего только стоила песня про безногую девочку, заснувшую на кладбище и видящую чудесный сон:

*Старой, забытой дороженькой
Между лохматых могил
Добрый и ласковый Боженька
Нынче во сне приходил.
Ноги большие и новые
Ей подарить обещал,
А колокольцы лиловые
Тихо звенели хорал...
«Боженька, ласковый Боженька,
Что тебе стоит к весне
Глупой и малой безноженьке
Ноги приклеить во сне?»*

25 октября дирекция театра решила дать бенефис артиста. Повсюду были развешены огромные плакаты. Александр Николаевич написал несколько новых песен, заказал к этой дате новый костюм Пьеро – чёрный вместо белого. Бенефис прошёл «на ура» – море цветов и подарков. В первом часу ночи, взяв с собой только цветы, которые были посажены в ящиках: ландыши, гиацинты, розы, – Вертинский на трёх извозчиках повёз их домой, в Грузины. Доехав до Страстного, услышал выстрелы. В эту ночь, как все мы знаем, началась Октябрьская революция. Извозчики дальше ехать отказались – опасно. Тогда все цветы и в ящиках и в вазонах он велел снести к памятнику Пушкина, а сам пешком пошёл домой. Так уж случилось, что столь долгожданный день триумфа актёра совпал с началом Великой Октябрьской социалистической революции.

Политиком Вертинский никогда не был. Его интересовало только искусство. Романс Вертинского «То, что я должен сказать», написанный под впечатлением гибели трехсот московских юнкеров – единственное произведение, в котором он, жалея ребят и скорбя о случившемся, назвал страну «бездарной». Этого было достаточно. Романс возбудил интерес Чрезвычайной комиссии, куда и вызвали артиста для дачи объяснений. «Сохранилась легенда, что когда Вертинский возмущённо заметил представителям ЧК: «Это же просто песня, и потом, вы же не можете запретить мне их жалеть!», – он получил чёткий, лаконичный ответ совсем в духе времени: «Надо будет, и дышать запретим!». История – вещь неоднозначная и судить о событиях, не будучи достаточно осведомлённым и подготовленным, даже по прошествии времени, очень сложно, а потому и не берусь. Просто привожу текст романса полностью:

*Я не знаю, зачем и кому это нужно,
Кто послал их на смерть недрожавшей рукой,
Только так беспощадно, так зло и ненужно
Опустили их в Вечный Покой!
Осторожные зрители молча кутались в шубы,
И какая-то женщина с искажённым лицом
Целовала покойника в посиневшие губы
И швырнула в священника обручальным кольцом.
Закидали их ёлками, замесили их грязью
И пошли по домам — под шумок толковать,
Что пора положить бы уж конец безобразью,
Что и так уже скоро, мол, мы начнём голодать.
И никто не додумался просто стать на колени
И сказать этим мальчикам, что в бездарной стране
Даже светлые подвиги — это только ступени
В бесконечные пропасти — к недоступной Весне!*

В конце 1917 Александр Вертинский отправился вместе со многими своими коллегами гастролировать по южным городам России, вслед за отступающей белой армией. Почти два года он провёл на юге, давал концерты на подмостках маленьких театров, в литературно-артистических обществах: Екатеринбург, Одесса, Харьков, Ялта, Севастополь. Белая армия разлагалась на глазах, было много переодетых дезертиров, потерявших веру в своих командиров и бросивших фронт. С генералами тоже неразбериха: кто-то перешёл к красным, кто-то застрелился, кто-то сбежал за границу. Единственный клочок земли – Перекоп – ещё долго пытался удерживать генерал Слащов, к тому времени крепко подсевший на кокаин. В конце концов не выдержал – уехал. Он по-своему переживал и тоже любил свою страну... Находясь в Севастополе, Вертинский получил телеграмму: «Приезжай ко мне, мне скучно без твоих песен. Слащов». На рейде в тот момент стоял пароход «Великий князь Александр Михайлович», отплывающий в Константинополь. Решение пришло спонтанно. Он покинул Россию в ноябре 1920 г., как оказалось позже – на целых двадцать пять лет.

С маской Пьеро он расстался, окончательно сменив имидж. В эмиграции Вертинский не раз задавался вопросом: «Что толкнуло меня на это? Я ненавидел Советскую власть? О нет! Советская власть мне ничего дурного не сделала. Я был приверженцем какого-либо другого строя? Тоже нет. Ибо убеждений у меня в то время никаких не было. Но тогда что же случилось? Что заставило меня уехать? Почему я оторвался от той земли, за которую сегодня легко и радостно отдам свою жизнь, если это будет нужно? Очевидно, это была просто глупость. Может быть, страсть к приключениям, путешествиям, к новому, ещё не изведанному? Не знаю. Так или иначе, я приехал в Турцию». Там он пел для русской эмиграции. Русские имеют удивительную способность приспособливаться и обживать любые места.

Вскоре появился ряд декретов, резко ограничивающих свободу эмиграции, к тому же, заработка едва хватало на жизнь. Нужно было куда-то бежать. Но в любой стране имеются предприимчивые люди. Турция – не исключение. И Вертинский через некоего Кирьякова, впоследствии ставшим его импресарио, смог обзавестись греческим паспортом на имя Александра Вертидиса, уроженца г. Киева. Выбирать особо было не из чего, ввиду ограниченности средств, и он поехал в Румынию, главным образом в Бессарабию, где было коренное русское население и, естественно, возможность заработать. Не буду останавливаться на злоключениях, случившихся с ним, но приведу несколько строк удивительной песни, написанной в этой стране и пронизанной безмерной тоской и любовью к Родине, которую он так опрометчиво покинул:

*Звону дальнему тихо я внемлю
У Днестра на зелёном лугу.
И Российскую милую землю
Узнаю я на том берегу.
А когда засыпают берёзы
И поля затихают ко сну,
О, как сладко, как больно сквозь слёзы
Хоть взглянуть на родную страну!..*

В 1923 году с импресарио Кирьяковым Вертинский переехал в Польшу, где ему был оказан прекрасный приём и за которым последовали многочисленные гастролы. В фешенебельном приморском курорте в Сопоте, Вертинский знакомится с очаровательной и интеллигентной девушкой из богатой еврейской семьи. Звали её Рахиль Яковлевна Потоцкая. В 1924 году в Берлине состоялось бракосочетание молодой пары. У Вертинского всегда была склонность к мистификации. На свидетельстве о браке и в паспорте его жена по-

лучила новое имя: Ирена Владимировна Вертидис. Брак распался лет через шесть–семь. Рахиль не умела безропотно переносить многочисленных очередных «дежурных влюблённостей» своего мужа, в этом была единственная причина семейных недоразумений. Прекрасная Рахиль осталась в нашей памяти благодаря посвящённой ей «Песенке о моей жене»:

*Ты не плачь, не плачь, моя красавица,
Ты не плачь, женулечка - жена.
В нашей жизни многое не нравится,
Но зато в ней столько раз весна!*

И ещё одна Ирена... Не жена. Нет, но... Не могу обойти стороной знаменитую неувядаемую песню «Пани Ирена», ставшую «визитной карточкой» Вертинского. Кто она, гордая полька, пленившая сердце лирического героя песни? Предположения исследователей его творчества выдаются самые разные, но не буду о них писать, поскольку сам автор никаких пояснений в книге не даёт. Привожу неполный текст:

*Я безумно боюсь золотистого плена
Ваших медно-змеиных волос,
Я влюблён в Ваше тонкое имя «Ирена»
И в следы Ваших слёз.
Я влюблён в Ваши гордые польские руки,
В эту кровь голубых королей,
В эту бледность лица, до восторга, до муки
Обожженного песней моей.*

*... Не могу, не хочу, наконец – не желаю!
И, приветствуя радостный плен,
Я со сцены Вам сердце, как мячик, бросаю.
Ну, ловите, принцесса Ирен!*

Из Польши Вертинский уехал в Германию. В Берлине продолжил активную творческую деятельность, но культурная жизнь страны, как и сама она, находились в тот момент в глубоком кризисе. К середине 1920-х годов относится вторая просьба Вертинского о возвращении на Родину (первая – была из Польши), адресованная главе советской делегации в Берлине А. Луначарскому, вновь встреченная отказом... Так или иначе, но жизнь шла своим чередом. От недостатка женщин Александр Николаевич не страдал. Зато какие рождались песни! Прочитую отрывок одного из берлинских посвящений некой Инне Л.:

*Вы точно факел, брошенный во тьму.
Сквозь миллионы лет я смутно помню лица...
Толпу... костёр... Я Вас убил, Царица.
Я Вас убил... но не отдал ему!*

Александр Вертинский в эмиграции создал ряд удивительных песен, но зачастую даты написания разнятся и сложно определить, какой из них отдать первенство, правда, он и сам делает оговорку в книге, что с датами не особенно дружен, поскольку сел за воспоминания уже по возвращении на Родину, а потому абсолютную точность не гарантирует. Например, «Мадам, уже падают листья», «Злые духи», «В синем и далёком океане». Очень интересен композиционный строй песен. Возьмём последнюю, к примеру:

*Вы сегодня нежны,
Вы сегодня нежны,
Вы сегодня бледны,
Вы сегодня бледнее луны...
Вы читали стихи,
Вы считали грехи,
Вы совсем, как ребёнок тихи.*

Некий печально-сумрачный зачин. Ситуация пока непонятная для читателя. Далее по сюжету появляется какой-то «лиловый аббат», который будет рад отпустить грехи героине. Что за грехи? Почему непременно он будет рад? Опять непонятно. Быть может, выяснение отношений между молодыми людьми?.. И вдруг Вертинский отмечает всё в сторону: и девушку, и аббата, и романтически-нежное мурлыканье, обращаясь к литературной героине: «Бросьте ж думу свою, места хватит в раю... Вы усните, а я Вам спою». Песня-то о другом! Ощущается холод, какая-то безысходность. Какой контраст! Исчезает мираж, и слова звучат совершенно в другой интонации – величаво и гордо:

*В синем и далёком океане,
Где-то возле Огненной земли
Плавают в сиреновом тумане
Мёртвые седые корабли.
Их ведут слепые капитаны,
Где-то затонувшие давно.
Утром их немые караваны
Тихо опускаются на дно.
Ждёт их океан в свои объятия,
Волны их приветствуют звеня.
Страшны их бессильные проклятья
Солнцу наступающего дня...*

Несомненный интерес вызывают экзотические песни Вертинского, исполненные с лёгкой иронией, а иногда и с откровенной издёвкой, бравируя неотразимыми подробностями. Многие песни исполняются чуть ли ни на грани самопародии. Жаль, что мы имеем возможность только слушать голос и не видеть его исполнительскую пластику, движение рук, которые Кончаловский назвал «поющими». Возьмём, к примеру,

«Танго «Магнолия»: «В бананово-лимонном Сингапуре» мир вымышлено-прекрасный, сказочно-фантастический да какой угодно, только не буднично-серый, не скучно-прозаический. В данном случае игра воображения на высоте! Подтекстом подобных песен является мысль, что человек предназначен подняться над рутинной обыденности и жить более достойно. Лирика у Вертинского пересекается с иронией и, главное – одно другому не мешает и в совокупности работает на усиление эмоционального восприятия:

*И, сладко замирая от криков попугая,
Как дикая магнолия в цвету,
Вы плачете, Иветта,
Что песня недопета,
Что это
Лето
Где-то
Унеслось в мечту!
В банановом и лунном Сингапуре, в бури,
Когда под ветром ломится банан,
Вы грезите всю ночь на жёлтой шкуре
Под вопли обезьян.*

И, наконец, Франция – страна, где Вертинский прожил десять лет. «Моя Франция – это один Париж, зато один Париж – это вся Франция! Я любил Францию искренне, как всякий, кто долго жил в ней. Париж нельзя было не любить, как нельзя было его забыть или предпочесть ему другой город. Нигде за границей русские не чувствовали себя так легко и свободно. Это был город, где свобода человеческой личности уважается... Да, Париж... это родина моего духа!». Годы, проведённые в Париже, считаются расцветом творческой жизни А. Вертинского. В Париже, выступая в ресторане «Казбек» на Монмар-

тре, «Большом Московском Эрмитаже», «Казанове», «Шахерезаде», он познакомился с представителями Романовых, великими князьями Дмитрием Павловичем и Борисом Владимировичем, европейскими монархами (Густав, король Швеции, принц Уэльский), знаменитостями сцены и экрана: Чарли Чаплином, Марлен Дитрих, Гретой Гарбо. В эти годы Вертинский сдружился с Анной Павловой, Тamarой Карсавиной. Близкая дружба связала его на долгие годы и с Фёдором Шаляпиным. Персонажами произведений Вертинского становились обычные люди – его слушатели с их проблемами, горестями и радостями, сбившиеся с пути барышни, их ненадёжные и случайные спутники. Приведу часть текста из песни «Концерт Сарасате», тронувшую меня до глубины души:

*Ваш любовник скрипач, он седой и горбатый.
Он Вас дико ревнует, не любит и бьёт.
Но когда он играет «Концерт Сарасате»,
Ваше сердце, как птица, летит и поёт.
Он альфонс по призванью. Он знает секреты
И умеет из женщины сделать «зеро»...
Но когда затоскуют его флажолеты,
Он божественный принц, он влюбленный Пьеро!
... И когда Вы, страдая от ласк хамоватых,
Тихо плачете где-то в углу, не дыша, –
Он играет для Вас свой «Концерт Сарасате»,
От которого кровью зальётся душа!*

4

В 1933 году Вертинский покинул Францию и отправился по ангажементу в Ливан и Палестину. Здесь он дал концерты (в Бейруте, Яффе, Тель-Авиве, Хайфе, Иерусалиме) и повстречал некоторых своих давних знакомых. В Иерусалиме Вертинский выступил перед семитысячной аудиторией, которая принимала его очень тепло:

*И в том краю, где нет ни бурь, ни битвы,
Где с неба льётся золотая лень,
Ещё поют какие-то молитвы,
Встречая ласковый и тихий Божий день.
И люди там застенчивы и мудры.
И небо там как синее стекло
И мне, уставшему от лжи и пудры,
Мне было с ними тихо и светло.*

Осенью 1934 года Александр Вертинский на пароходе «Лафайет» отплывает в Америку. Плывя среди океанских просторов и тоскуя по родине, он пишет песню «О нас и о Родине», которая наделала много шума за границей и за которую даже в Шанхае ему упорно свистели какие-то личности, пытаясь сорвать концерт. На первом же концерте Вертинского в Нью-Йорке собрались многие известные представители русской эмиграции: Рахманинов, Шаляпин, Никита Балиев, Болеславский, а также его парижская знакомая Марлен Дитрих. После заключительной вещи, «О нас и о Родине», зал разразился овацией:

*Что пора остановиться,
Как-то где-то отдохнуть
И спокойно согласиться,
Что былого не вернуть.
И ещё понять беззлобно,
Что свою, пусть злую, мать
Всё же как-то неудобно
Вечно в обществе ругать.
А она цветёт и зреет,
Возрождённая в Огне,
И простит и пожалеет
И о вас и обо мне!..*

В 1935 году – Сан-Франциско, а затем – Маньчжоу-го. Вначале актёр жил в Харбине, где давал концерты (один из последних состоялся 2 февраля 1936 года в театре «Америкэн», вмещающем 1500 зрителей). Из Харбина Вертинский переехал в Шанхай, где проживала большая русская колония. Здесь он пробыл до своего отъезда в СССР. И здесь песня «Чужие города», написанная в соавторстве с Раисой Блох, премьеры которой состоялась ещё в Нью-Йорке, произвела фурор. Кто-то понимал и плакал, слушая её, кто-то обвинял, что «большевицкий наёмник», «проданся красным» и т.д. А он безмерно тосковал по горячо любимой им Родине:

*Принесла случайная молва
Милые, ненужные слова:
«Летний сад, Фонтанка и Нева».
Вы, слова залётные, куда?
... Вас ни взять, ни спрятать, ни прогнать.
Надо жить – не надо вспоминать,
Чтобы больно не было опять
И чтоб сердцу больше не кричать...
Это было, было и прошло,
Все прошло и вьюгой замело,
Оттого так пусто и светло.
... Вы, слова залётные, куда?
Там живут чужие господа,
И чужая радость и беда,
И мы для них – чужие НАВСЕГДА!*

26 мая 1942 года Александр Вертинский вступил во второй брак с грузинкой Лидией Владимировной Циргвава, девятнадцатилетней дочерью служащего КВЖД, разница в возрасте с которой составляла 34 года. Конечно, родители девушки были против брака, но чувства, вспыхнувшие так ярко у

обоих, невозможно было обуздать, втиснуть в какие-то рамки. Вскоре у них родилась первая дочь – Марианна. Чтобы прокормить семью, артисту приходилось давать по два концерта в день. После вторжения в Китай японских войск материальное положение семьи резко ухудшилось. Лидия Владимировна Вертинская рассказывала, что во время оккупации Шанхая не было притока иностранных товаров, японцы не снабжали эмигрантов медикаментами, и даже таблетку аспирина достать было целой проблемой. Согласно её же воспоминаниям, перед каждым своим выступлением Вертинский выкупал фрак из ломбарда, а после выступлений сдавал его снова, до следующего раза. Тем не менее оба были необычайно счастливы! Этот брак полностью изменил его отношение к жизни:

*Я понял. За все мученья,
За то, что искал и ждал, –
Как белую птицу Спасенья
Господь мне её послал...*

В конце марта 1943 года Вертинский предпринял очередную попытку получить разрешение на возвращение в Советский союз, отправив письмо на имя В. М. Молотова, в котором писал: «Жить вдали от Родины в момент, когда она обливается кровью, и быть бессильным ей помочь — самое ужасное». Разрешение было получено. Он приехал в Москву в ноябре 1943 года с женой и трёхмесячной дочерью Марианной, и поселился на улице Горького (поначалу — в гостинице «Метрополь»). Ровно год спустя у супругов родилась вторая дочь, Анастасия. Скиталец, изгнанник, наконец-то познал счастье семейного очага, радость отцовства. Обеим девочкам Александр Николаевич посвятил одну из самых своих трогательных песен того периода: «Доченьки»:

У меня завелись ангелята,
Завелись среди белого дня.
Всё, над чем я смеялся когда-то,
Всё теперь восхищает меня!
Жил я шумно и весело, каюсь,
Но жена всё к рукам прибрала,
Совершенно со мной не считаясь,
Мне двух дочек она родила.
Я был против. Начнутся пелёнки...
Для чего свою жизнь осложнять?
Но залезли мне в сердце девчонки,
Как котят в чужую кровать!

... И теперь с новым смыслом и целью
Я, как птица, гнездо своё вью
И порою над их колыбелью
Сам себе удивлённо пою:
Доченьки, доченьки,
Доченьки мои!
Где ж вы, мои ноченьки,
Где ж вы, соловьи?
Много русского солнца и света
Будет в жизни дочурок моих.
И что самое главное – это
То, что Родина будет у них!

Ключевая фраза – «Родина будет у них!» Обе девочки унаследовали талант и артистизм отца, став впоследствии известными актрисами. После войны Вертинский продолжил сниматься в кино. Режиссёры в основном эксплуатировали его характерную внешность и манеры: и то и другое он продемонстрировал в роли князя в фильме 1954 года «Анна на шее». За роль в фильме «Заговор обречённых» (кардинал Бирнч) он и получил свою единственную государственную на-

граду: Сталинскую премию (1951). Была отмечена также его работа в фильме «Великий воин Албании Скандербег», где он сыграл роль дожа Венеции. И, странное дело, если о фильмах что-то писали в прессе, то относительно концертов – полная тишина. Как будто и нет его вовсе, а он объездил с концертами всю страну и не единожды, выступал в переполненных залах, несмотря на то, что никакой рекламы о концертах не давали. Конечно, ему было очень больно. В подтверждение – приведу строки из стихотворения «Отчизна», написанного на острове Сахалин:

*Но заметают звонкие метели
Мои следы, ведущие в мечту,
И гибнут песни, не достигнув цели.
Как птицы замерзая на лету.
Россия, Родина, страна родная!
Ужели мне навеки суждено
В твоих снегах брести изнемогая.
Бросая в снег ненужное зерно?*

Во время гастролей Александр Николаевич почти ежедневно писал удивительно нежные и тёплые письма и жене и каждой из дочерей, посылал подарки и с нетерпением ждал ответов. Последнее письмо, полученное Лидией Владимировной, отправлено из Ленинграда и датировано 15 мая 1957 года, а 21 мая 1957-го он дал последний прижизненный концерт. Вечером актёру стало плохо. Спустя пару часов Вертинского не стало. Причиной смерти врачи объявили острую сердечную недостаточность: возраст и переживания сделали своё дело. Могила Вертинского находится на Новодевичьем кладбище, в Москве. А песни его, необыкновенно-искренние, душевные, порой горько-ироничные, по-прежнему живы и трогают сердца миллионов слушателей.

25.06.2019.

«Уступи мне, скворец, уголок»

Николай Алексеевич Заболоцкий
1903 – 1958

(К 115-летию Николая Заболоцкого)

*Уступи мне, скворец, уголок,
Посели меня в старом скворешнике.
Отдаю тебе душу в залог
За твои голубые подснежники.
И свистит и бормочет весна.
По колено затоплены тополи.
Пробуждаются клёны от сна,
Чтоб, как бабочки, листья захлопали.*

1

Удивительно искреннее, волнующее стихотворение, написанное Николаем Заболоцким весной 1946 года в Переделкино. Позади несколько лет лагерей... Наконец получено разрешение на проживание в столице. Он на даче у друга Василия Ильенкова – писателя, приютившего на тот момент семью репрессированного. Пробуждение весны, равно как и ощущение долгожданной свободы, вскружили голову Николаю

Алексеевичу, вселили надежду на начало нового жизненного периода – светлого, радостного, позитивного, ради которого – и «душу в залог» не жалко:

*Начинай серенаду, скворец!
Сквозь литавры и бубны истории.
Ты — наш первый весенний певец
Из берёзовой консерватории.*

Ярко. Ёмко. Жизнеутверждающе. Но, несмотря на мощный душевный порыв, чувствуется некая осмотрительность человека, много, очень много испытавшего в жизни, не желавшего ещё раз угодить под карающий маховик истории:

*Я и сам бы стараться горазд,
Да шепнула мне бабочка-странница:
«Кто бывает весною горласт,
Тот без голоса к лету останется».*

И всё же Заболоцкий призывает душу подняться выше, над садами весенними: «Повернись к мирозданию лицом, голубые подснежники чествуя». Меня поразила такая чистая, возвышенная любовь и восторженность природой, практически полное погружение и растворение в ней после немыслимо тяжёлых тюремных лет.

В этот же год было написано одно из самых трагических стихотворений о войне «В этой роще берёзовой», построенном на антитезе (резком контрасте) добра и зла: мирной берёзовой рощи, «где колеблется розовый немигающий утренний свет», и смерти, когда от ядерного взрыва «содрогаются атомы, белым вихрем взметая дома, как безумные мельницы, машут вóйны крылами вокруг». Символом мира здесь является иволга, поющая неприметную светлую песню жизни. Лирический герой – прохожий с солдатским мешком на плече, отождествляет её с верной подругой, провожающей воина в бой. Не услышав её голоса после катастрофы, он, сквозь гарь и дым, в волнении вглядывается в руины:

*Где ж ты, иволга, леса отшельница?
Что ты смолкла, мой друг?
Окружённая взрывами,
Над рекой, где чернеет камыш,
Ты летишь над обрывами,
Над руинами смерти летишь.
Молчаливая странница,
Ты меня провожаешь на бой,
И смертельное облако тянется
Над твоей головой.
За великими реками
Встанет солнце, и в утренней мгле
С опалёнными веками
Припаду я, убитый, к земле.
Крикнув бешеным вороном,
Весь дрожа, замолчит пулемёт.
И тогда в моем сердце разорванном
Голос твой запоёт.*

Солдат сам себе предрекает смерть, но смерть как искупительную жертву во имя победы, во имя мира, «во имя жизни на земле».

*И над рощей берёзовой,
Над берёзовой рощей моей,
Где лавиною розовой
Льются листья с высоких ветвей,
Где под каплей божественной
Холодеет кусочек цветка,—
Встанет утро победы торжественной
На века.*

Ничуть не меньше тронуло душу стихотворение «Журавли», написанное автором двумя годами позже. Сюжет не нов (дичь – охотник), но то, как раскрывает автор его читателю, безусловно, заставляет сопереживать случившееся. Журавлиный клин летит «к берегам отеческой земли»:

*Вытянув серебряные крылья
Через весь широкий небосвод,
Вёл вожак в долину изобилья
Свой немногочисленный народ.
Но когда под крыльями блеснуло
Озеро, прозрачное насквозь,
Чёрное зияющее дуло
Из кустов навстречу поднялось.*

Напряжение на пределе. Понятно – не уйти гордому и сильному вожаку от коварной пули. Сразу пробегает мысль, а что будет с остальными? Осиротевшие стаи зачастую распадаются, многие птицы вообще погибают. Не так ли происходит и с людьми? Поверженный вожак ассоциируется с лидером, за которым идёт народ. Далеко не всегда находится сильная личность, способная в критической ситуации взять на себя ответственность и повести массы за собой, преодолевая все мыслимые и немыслимые препятствия:

*Луч огня ударил в сердце птичье,
Быстрый пламень вспыхнул и погас,
И частица дивного величья
С высоты обрушилась на нас.
Два крыла, как два огромных горя,
Обняли холодную волну,
И, рыданию горестному вторя,
Журавли рванулись в вышину.*

«Частица дивного величья» – удивительной силы метафора, глубинная философия. По силе эмоционального воздействия не уступает и сравнение: Два крыла, как два огромных горя, обняли холодную волну». Что интересно, автор даёт возможность птицам подняться в небо, «рыданью горестному вторя», наделяя их чувствами, на которые способен человек.

*Гордый дух, высокое стремленье,
Волю непреклонную к борьбе —
Всё, что от былого поколенья
Переходит, молодость, к тебе.
А вожак в рубашке из металла
Погружался медленно на дно,
И заря над ним образовала
Золотого зарева пятно.*

Жизнь быстротечна, но всё-таки продолжается, поскольку молодость перенимает опыт старшего поколения, а заря достойно провожает гордого вожака, образовав над ним «золотого зарева пятно». Все стихи 1946 – 1948 годов смело можно отнести к шедеврам лирики Заболоцкого, которые вошли в третий авторский сборник. В них чувствуется довольно зрелый поэт, хорошо знающий цену каждому слову, умеющий увлечь им и которому есть что сказать читателю. Но выстраданные, проникновенные, берущие за душу стихи пришли не сами собой, а в процессе неустанной работы и по мере накопления жизненного опыта. Ранние его стихи подвергались суровой критике. Должна сказать, что я и сама довольно неоднозначно отношусь к ним. Полагаю, самое время более предметно поговорить об авторе и его творческих начинаниях.

Родился будущий поэт и переводчик – Николай Заболóцкий 24 апреля (7 мая по новому стилю) 1903 года на ферме Казанского губернского земства, расположенной в непосредствен-

ной близости от Кизической слободы. Отец – Алексей Агафонович Заблотский работал агрономом, интересовался наукой, следил за новшествами, был против косности в земледелии и в то же время придерживался патриархальных взглядов. Будучи в сорокалетнем возрасте, «взял себе в жёны учительницу из уездного города Нолинска, мою будущую мать, – девушку, сочувствующую революционным взглядам своего времени» – вспоминает Николай Алексеевич. Семью держал в строгости. Люди совершенно разного воспитания, разных взглядов, различного склада характера, тем не менее в этом неудачном браке родилось шестеро детей. Естественно, скандалы были постоянными спутниками их жизни. Николай – их первенец. Когда ему исполнилось лет шесть, у отца случились неприятности по работе. Пришлось переехать в село Кукмор. Отец стал часто выпивать, устроился на работу не по специальности – страховым агентом. Мать томилась в захолустье, напрочь связанная по рукам и ногам домашними заботами, старилась раньше времени.

К 1910 году положение поправилось, и семья перебралась в родные места отца, в село Сернур, Уржумского уезда, Вятской губернии (сейчас республика Марий Эл). Он вновь получил должность агронома. Заболоцкий с теплом вспоминает об удивительных местах своего детства: «Вдоволь наслушался я там соловьёв, вдоволь насмотрелся закатов и всей целомудренности растительного мира. Свою сознательную жизнь почти полностью прожил в больших городах, но чудесная природа Сернура никогда не умирала в моей душе и отобразилась во многих моих стихотворениях».

С детства будущий поэт видел нищету и скудность исконных жителей – марийцев. Видел и жизнь купеческого сословия и священников. Его семья держала некий нейтралитет, особо не приближаясь ни к тем ни к другим. Дети играли все вместе, бредили героями 1812 года: Кутузовым, Багратионом,

Платовым. Маленький Коля в играх был только Матвеем Платовым и ни на какую иную роль не соглашался. В понимании мальчика предводитель казачества – «образец российского героизма, удали и молодечества».

Своим первым воспитателем и наставником мальчик считал не кого, а что – отцовский книжный шкаф! И это не удивительно. «С 1900 года отец выписывал «Ниву», и понемногу из приложений к этому журналу у него составилось порядочное собрание русской классики, которое он старательно переплетал и приумножал случайными покупками... За стеклянной его дверцей, наклеенное на картоночку, виднелось наставление, вырезанное отцом из календаря..., его немудрёное содержание гласило: «Милый друг! Люби и уважай книги. Книги – плод ума человеческого. Береги их, не рви и не пачкай. Написать книгу нелегко. Для многих книга – всё равно, что хлеб». И странное дело, сам-то отец не так часто заглядывал в шкаф. Он не столько любил – сколько уважал книги, но юному Николаю это навсегда предопределило будущую профессию. Уже в третьем классе сельской школы он «издавал» свой рукописный журнал и помещал в нём собственные стихи.

2

В 1913 году Заболоцкий поступает в реальное училище в Уржуме. «На мне великолепная чёрного сукна фуражка с лаковым козырьком, блестящим гербом и жёлтыми кантами. Я одет в чёрную, с теми же кантами, шинель, и пуговицы мои золотого цвета», – делится детскими впечатлениями автор. Увлекается историей, химией, рисованием. Играет роли в самодеятельных спектаклях, поёт романсы, выпускает первую самодельную книжицу «Уржум». По окончании реального училища в 1920 году он поступает в Московский университет, занимается на медицинском и историко-филологическом факультетах. Пришлось сделать выбор – «закрепился на медицинском,

поскольку там студентам полагался повышенный продовольственный паёк, но исправно ходил в поэтическое кафе «Домино» – пишет в статье «Бессмертные перспективы» поэтесса, литературный критик Татьяна Бек. – Потом был Петроградский пединститут имени Герцена – отделение языка и литературы, а параллельно – «Мастерская слова...».

В автобиографии Заболоцкий писал: «В 1825 году я окончил институт. За моей душой была объёмистая тетрадь плохих стихов, моё имущество легко укладывалось в маленькую корзинку». И всё-таки, поэтом он себя ощущал, а потому внёс некоторые коррективы в свою фамилию, то есть подошёл творчески, как звукописец: «тс» заменил на «ц» и ударение со второго слога перенёс на третий. Огромную роль в становлении творчества поэта играла живопись художников-авангардистов Татлина, Шагала, Брейгеля и особенно Филонова «с их вниманием к магии конкретных вещей, с принципиальной условностью форм, с «постановкой на сделанность», с дроблением изображаемого предмета, с выстраиванием рядов из животных, растений, предметов, среди которых – на равных правах, но не главенствуя – присутствует человек». Умение видеть мир глазами художника сохранилось у него на всю жизнь.

Рассмотрим стихотворение «Белая ночь», которое чуть позже войдёт в его первый, широко известный и немало на шумевший авторский сборник «Столбцы». В нём всё дико, противоестественно, перевёрнуто с ног на голову:

*Гляди: не бал, не маскарад,
Здесь ночи ходят невпопад,
Здесь от вина неузнаваем,
Летает хохот попугаем.
Здесь возле каменных излучин
Бегут любовники толпой,
Один горяч, другой измучен,
А третий книзу головой.*

Автор намеренно использует лексику снижено апокалиптического ряда: не попад, неузнаваем, измучен, книзу головой и т.д. В прежней редакции было «я мимо шёл», то есть был абсолютно отстранён от происходящего, никак не отождествлял себя с этим сумбуром и хаосом. Но что-то заставило Заболоцкого изменить текст, провести ЛГ сквозь гущу событий, показать читателю, что он видит творящиеся несуразности, но не приемлет их:

*Я шёл сквозь рощу. Ночь легла
Вдоль по траве, как мел бела.
Торчком кусты над нею встали
В ножнах из разноцветной стали,
И тосковали соловьи
Верхом на веточке. Казалось,
Они испытывали жалость,
Как неспособные к любви.*

Продолжается усиление (градация), нагнетание негатива, абсурда в конце концов: торчком кусты, тосковали соловьи, жалость, неспособность любить и т.д. Конечно, автор гиперболизирует окружающую обстановку, тщетно пытаясь достучаться до сознания, но его не видят и не слышат:

*И всюду сумасшедший бред.
Листами сонными колышим,
Он льётся в окна, липнет к крышам,
Вздымает дыбом волоса...
И ночь, подобно самозванке,
Открыв молочные глаза,
Качается в спиртовой банке
И просится на небеса.*

Через год его призывают на военную службу. Служит в Ленинграде на Выборгской стороне и уже в 1927 г. увольняется в запас. Получает место в отделе детской книги под руководством С. Маршака. Редакция выпускала два журнала «Чиж» и «Ёж», в которых как раз-таки ценилось умение обзриутов, пошутить, обыграть ту или иную ситуацию. Столкновение «с вывернутым наизнанку» миром казармы сыграло в судьбе Заболоцкого роль своеобразного творческого катализатора: острая сатира, гротеск просто льются из-под пера, к тому же, обстановка последних лет НЭПа очень способствовала к написанию пародий. Наиболее всего социальная сатира накалена в стихотворении «Новый быт». Автора глубоко ранит то, что обыватель потянулся к мещанству, произошла полная замена нравственных ценностей. Осуждая тоталитарный режим, он показывает, что новый человек в изолгавшемся мире, едва успев родиться, уже испорчен Системой, он чувствует себя султаном, то есть властителем судеб:

*Восходит солнце над Москвой
Старухи бегают с тоской:
Куда, куда идти теперь?
Уж Новый Быт стучится в дверь!
Младенец, выхолен и крупен,
Сидит в купели, как султан.
Прекрасный поп поёт, как бубен,
Паникадиллом осиян.
Прабабка свечку зажигает,
Младенец крепнет и мужает
И вдруг, шагая через стол,
Садится прямо в комсомол.*

Да, были люди напористые, были стяжатели, приспособленцы (а где их нет?), не все стоящие у власти глубоко пре-

даны нравственным идеалам, как и во все времена, собственно говоря, но так написать о комсомоле – организации, в которой люди нашего поколения имели честь состоять – явный перебор, на мой взгляд. В любом режиме есть плюсы и минусы. Думаю, можно было написать более корректно. Но... что написано то написано. Итак, вернёмся к анализу стихотворения. Далее этот султан-младенец идёт по жизни напролом и очень быстро становится «ополченцем новой жизни»:

*Ступни младенца стали шире,
От стали ширится рука.
Уж он сидит в большой квартире,
Невесту держит за рукав.
...Но вот знакомые явились,
Завод пропел: «Ура! Ура!»
И Новый Быт, даруя милость,
В тарелке держит осетра.
Варенье, ложечкой носимо,
Шипит и падает в боржом.
Жених, проворен нестерпимо,
К невесте лепится ужом.
И председатель на отвале,
Чете играя похвалу,
Приносит в выборгском бокале
Вино солдатское, халву,
И, принимая красный спич,
Сидит на столике Ильич.*

И снова срабатывает контраст: ополченец, вино солдатское и тут же – явно гастрономическое несоответствие – осётр, боржом, варенье ложечкой. Сатира – несомненно сильная сторона автора. процитирую Татьяну Бек: «В первом издании по настоянию редакции слово «Ильич» было заменено на «ку-

лич», отчего абсурд, воплощённый в стихотворении не стал менее грозным.... Гротескный алогизм как взрыв сокровенного смысла – одно из первых открытий Заболоцкого-лирика». Многие ранние стихи Заболоцкого кажутся отражением уродливых зеркал, некими ребусами, в которые нужно внимательно вчитываться. К примеру, в стихотворении *Disciplina clericalis* идёт пародирование велеречивости Бальмонта, а строки из стихотворения «Бродячие музыканты», если хорошо подумать, отправляют нас к Пастернаку, который также был «гоним судьбою»:

*Певец был строен и суров.
Он пел, трудясь, среди дворов
Средь выгребных высоких ям
Трудился он, могуч и прям.
Вокруг него система кошек,
Система окон, ведер, дров
Висела, тёмный мир размножив
На царства узкие дворов.
На что был двор? Он был трубою,
Он был тоннелем в те края,
Где был и я, гоним судьбою,
Где пропадала жизнь моя.
Где сквозь мансардное окошко
При лунном свете, вся дрожа,
В глаза мои смотрела кошка,
Как дух седьмого этажа.*

Николай Алексеевич преклоняется перед творчеством Велемира Хлебникова – его ритмическим новаторством, употреблением в стихах необычных словосочетаний, иронией и замысловатой бурлескной метафорикой, свойственной футуризму. На этой почве сближается с Даниилом Хармсом и Алексан-

дром Введенским, позже – с Николаем Олейниковым, вливается в струю авангардистского искусства. И снова цитирую Татьяну Бек: «Так возникает содружество, сыгравшее в поэтической эволюции Заболоцкого огромную роль, – с осени 1927 года они именуют себя ОБЕРИУ. Уже в 50-е годы наш поэт расшифровывает эту аббревиатуру как «общество единственно реалистического искусства». Как пример эстетики обериутов можно рассмотреть стихотворение Заболоцкого «Битва слонов»:

*Воин слова, по ночам
Петь пора твоим мечам!*

*На бессильные фигурки существительных
Кидаются лошади прилагательных,
Косматые всадники
Преследуют конницу глаголов,
И снаряды междометий
Рвутся над головами,
Как сигнальные ракеты.*

*Битва слов! Значений бой!
В башне Синтаксис — разбой.*

Налицо – аллегорическое описание процесса творчества – борьба разума с тёмными, хаотичными силами подсознания. Анна Коновалова – доктор филологических наук в статье «Эстетика и поэтика обэриутов» даёт нам и другую трактовку – чисто историческую: любое новаторство в начале – неукрощённые «слоны подсознания», вырывающие с корнем предыдущую культуру, — чревато бессмыслицей: «Синтаксис домики строит не те, / мир в неуклюжей стоит красоте!». В итоге, пройдя через муки слова, рождается поэзия, гармонирующая рассудком хаос»:

*Поэзия начинает приглядываться,
Изучать движение новых фигур,
Она начинает понимать красоту неуклюжести,
Красоту слона, выброшенного преисподней.*

И всё-таки здесь мы видим искусство, не полностью «прирученное» разумом. В 1929 г. в Ленинграде, наконец, вышла первая поэтическая книга Заболоцкого «Столбцы», вызвавшая широкий резонанс в литературном мире и оценённая как «враждебная вылазка». Критики неоднократно сопоставляли картины Филонова со стихами Заболоцкого из его «Столбцов», «в коем мир людей придавленный и искажённый городской цивилизацией, в тоске взыскует братства с очеловеченными животными». Но... до поры до времени автора не трогали. Кроме стихов, в неё вошли три поэмы Николая Алексеевича: «Торжество земледелия», «Безумный волк» и «Деревья». Остановимся немного на первой из них.

Поэма «Торжество земледелия» представляет собой лирическое полотно с фантастическим сюжетом. Ночь... «Крестьяне, мрачны и обуты в большие валенки судьбы» – довольно ёмкая и точная метафора, используемая автором. Собравшись в кружок, они беседуют о душе, о страданиях, о новшествах в сельском хозяйстве (замена сохи трактором). В хлеву аналогичную беседу ведут животные. Обращаясь к солдату, крестьяне жалуются на свою долю:

*Солдат, мы наги здесь и босы,
Нас давят плуги, жалят осы,
Рассудки наши — ряд лачуг,
И весь в пыли хвоста бунчук.*

*... Природа жалкий сок пускает,
Растенья полны тишиной.*

*Лениво злак произрастает
Короткий, немощный, слепой.*

Но... «Утро вынесло к реке возрождения красный атом» и, значит, всё будет хорошо. На Заболоцкого 30-х годов повлияли идеи В. Вернадского и К. Циолковского. Он читал «Биосферу» В. Вернадского и делал из неё выписки.... Обращаюсь ещё раз к статье Анны Коноваловой: «К. Циолковский говорил о несовершенстве живых организмов. Пути совершенствования, высказанные им в работе «Животное космоса», не менее фантастичны, чем коровы Заболоцкого, пекущие «пирог из элементов». «Торжество земледелия» Заболоцкий написал раньше знакомства с трудами К. Циолковского, тем более поражает единонаправленность их мысли. В поэме солдат излагает «научнообразную» утопию в духе В. Хлебникова и К. Циолковского о разумном и справедливом мире живой природы». Пристального внимания заслуживает ответ солдата коню:

*И загремела даль лесная
Глухим раскатом буквы А,
И вылез трактор, громохая,
Прорезав мордою века.
И толпы немощных животных,
Упав во прахе и пыли,
Смотрели взором первородных
На обновленный лик земли.*

Гармонично, слаженно работают олицетворения – всё очеловечено, подчинено общему сюжету: флора (даль лесная), фауна (толпы немощных животных), техника (трактор) и речь (буква А). В результате фантастических преобразований выигрывает не только человек, но и природа и, главное – поэзия. В данном случае восхищена способностью автора так соеди-

нить и обыграть все четыре позиции одновременно. Но... есть и минусы в поэме. Неоправданные ритмические сбои портят впечатление. То ямб сбивается на хорей, то – хорей на ямб, и количество стоп скачет. Чтобы не быть голословной, приведу пару примеров:

*Меня милую берите,
Скучно мне лежать одной.
Хоть со мной поговорите,
Поговорите хоть со мной.*
(душа, прилетев с кладбища, беседует с крестьянами)

*Влекомый воздуха теченьем
Столбик фосфора несётся
Повсюду, но за исключением
Того случая, когда о твёрдое разобьётся.*
(солдат поясняет структуру призраков)

Это напоминание нам литераторам (в том числе и мне) не торопиться включать в книгу стихи, которые поначалу нам кажутся совершенными.

3

В 1930 году Заболоцкий, к удивлению друзей, женился на Екатерине Клыковой – выпускнице педагогического института имени Герцена, который и сам окончил пятью годами раньше. Со слов Юрия Колкера: «Обэриуты были шалуны и циники». В принципе, и Заболоцкий ранее относился к женщинам не лучше своего окружения – чисто потребительски. Но... к этому времени он несколько отошёл от обэриутов, стал намного серьёзнее, а его лирика заиграла новыми красками, более глубокими и спокойными. Прошла эпоха всеобщего опровержения, неприятия либо восхваления, в искусстве стали реже упоми-

нать о революции. «Вера и упорство, труд и честность – вот жизненное кредо вчерашнего выпускника-обериута» (из письма к невесте за два года до свадьбы). Своеобразным мостиком от раннего Заболоцкого к более позднему служит «Утренняя песня», написанная белым стихом:

*Могучий день пришёл. Деревья встали прямо,
Вдохнули листья. В деревянных жилах
Вода закапала. Квадратное окошко
Над светлою землёю распахнулось,
И все, кто были в башенке, сошлись
Взглянуть на небо, полное сиянья.*

Здесь нет даже намёка на искусство футуристов. Все глаголы и эпитеты работают на выздоровление, выпрямление, просветление, сияние в конце концов. Заболоцкий мечтает о преобразовании мира природы с помощью творчества. И эту мечту он не оставит до конца жизни. Несколько назидательно звучат строки из стихотворения «Засуха», написанное в 1936 году, кстати, в его поэзии это встречается нередко. Но то, с какой любовью он обращается к Природе, заслуживает уважения:

*Не бойтесь бурь! Пускай ударит в грудь
Природы очистительная сила!
Ей всё равно с дороги не свернуть,
Которую сознание начертило.
Учительница, девственница, мать,
Ты не богиня, да и мы не боги,
Но всё-таки как сладко понимать
Твои бессвязные и смутные уроки!*

Николай Алексеевич в творчестве обращается и к мифологии и к русскому фольклору. Примером может послужить стихотворение «Голубиная книга» по одноимённому сюжету восточнославянских сказов. О ней он не раз слышал в детстве от старых седых пахарей, которые иногда собирались в сумерки отдохнуть, посидеть на брёвнах:

*И вижу я сквозь темноту ночную,
Когда огонь над трубкой вспыхнет вдруг,
То спутанную бороду седую,
То жилы выпуклые истомлённых рук.
И слышу я знакомое сказанье,
Как правда кривду вызвала на бой,
Как одолела кривда, и крестьяне
С тех пор живут обижены судьбой.
Лишь далеко на океане-море,
На белом камне, посредине вод,
Сияет книга в золотом уборе,
Лучами упираясь в небосвод.*

*... Где ты, старик, рассказчик мой ночной?
Мечтал ли ты о правде трудовой
И верил ли в годину искупленья?
Не знаю я... Ты умер, наг и сир,
И над тобою, полные кипенья,
Давно шумят иные поколенья,
Угрюмый перестраивая мир.*

Стихотворение написано за год до его ареста. Как видно, мечты о преобразовании мира к лучшему его не покидают. Конец 30-х годов... Обстановка в стране напряжённая. Стихи Заболоцкий пишет реже – опасно. Стал заниматься переводами, большей частью грузинских писателей. Начал работу над переводом «Слово о полку Игореве».

19 марта 1938 года секретарь Ленинградского отделения Союза писателей Мирошниченко вызвал Николая Алексеевича к себе в кабинет, якобы по срочному делу, где его поджидали двое сотрудников НКВД, изъявившие желание побеседовать у него на квартире. На самом деле у них уже был готовлен ордер на арест. Начался обыск. Отобрали два чемодана рукописей и книг. Жена в то время лежала с ангиной. У супругов уже было двое детей: сын Никита – будущий автор биографических и мемуарных произведений об отце, составитель нескольких собраний его произведений и 11-ти месячная Наталья. «Когда я целовал её, она впервые пролепетала: «Папа», – вспоминает писатель. Допрос длился четверо суток без перерыва. Он выразил протест против незаконного ареста и грубого обращения, сославшись на Конституцию, на что получил незамедлительный ответ: «Действие Конституции кончается у нашего порога».

«Первые дни меня не били, стараясь разложить морально и физически, – писал поэт позднее в своих воспоминаниях. – Мне не давали пищи. Не разрешали спать. Следователи сменяли друг друга, я же неподвижно сидел на стуле перед следовательским столом – сутки за сутками. За стеной, в соседнем кабинете, по временам слышались чьи-то неистовые вопли. Ноги мои стали отекать, и на третьи сутки мне пришлось разорвать ботинки, так как я не мог переносить боли в стопах. Сознание стало затуманиваться, и я все силы напрягал для того, чтобы отвечать разумно и не допустить какой-либо несправедливости в отношении тех людей, о которых меня спрашивали...».

Заболоцкий понял, что НКВД пытаются «сколотить дело о контрреволюционной писательской организации», руководителем сделать Н.С. Тихонова, а фигурантами – уже арестованных писателей-ленинградцев: Б. Лившица, Е. Тагер, Г. Кулина. Интересовались К. Фединым, С. Маршаком, а также его

бывшими коллегами Н. Олейниковым, Д. Хармсом, А. Введенским. «В особую вину мне ставилась моя поэма «Торжество земледелия», которая была напечатана Тихоновым в журнале «Звезда» в 1933 г.». Следователям не удалось склонить писателя к оговору коллег и, истощённый и крайне измученный, он попал в психушку. Когда поэта подлечили – вновь зачастили следователи, но он никого не винил в побоях, говорил, что сам упал и ушибся. В конце концов его отправили на 5 лет в Востоклаг в районе Комсомольска-на-Амуре, потом в Кулундинские степи Алтайлага. В лагерях он почти никого не встречал из людей, хоть сколько-нибудь интересующихся литературой. А он, несмотря на каторжные условия труда, жизни без неё не мыслил.

«Приходится признать, что литературный мир, это только маленький островок в океане равнодушных к искусству людей», – пишет он жене из ГУЛАГа в 1944 году. Это открытие подтолкнуло его в русло традиции. Все словесные изыски, которыми увлекался в молодости, он оставил в прошлом. Ему нужны были читатели, живые люди, а не только горстка литературных эстетов – этого требовала Муза. «Поэзию он любил больше славы» – пишет Юрий Колкер в статье «Заболоцкий: жизнь и судьба». Кроме того, в годы войны советский народ сплотился против фашизма, страна жила под девизом: «Всё для фронта!», «Всё для Победы!». Не мог писатель, хоть и осуждённый, оставаться в стороне, не проникнуться идеей патриотизма. А тут ещё, будучи расконвоированным, однажды шёл через кладбище и встретил пожилую женщину, похоронившую последнего своего сына. Она попросила прохожего каторжника разделить с ней поминальный хлеб.

*И как будто громом ударило
В душу его, и тот час
Сотни труб закричали,
И звёзды посыпались с неба...*

Верлибром написанное стихотворение в полной мере передаёт предельное напряжение и оторопь, враз охватившие его. Выжить в лагерях Заболоцкому помогли не только стойкость, сила воли, терпение, но и беззаветная любовь жены – Екатерины Васильевны. Она воистину была ангелом-хранителем для всей семьи. Чтобы пережить блокаду и сохранить детей, она подрабатывала вязанием. В 1942 г. в квартиру, где они жили, попал снаряд, они уцелели лишь чудом. Эвакуация тоже далась не сладко, но никогда и ни на что она не жаловалась. Как только мужа отпустили на поселение, она, взяв Никиту и Наташу, примчалась к нему.

Освободился Заболоцкий в 1946 году. Работая на поселении чертёжником, он, с разрешения начальства, продолжил переводить «Слово о полку Игореве», поскольку писать стихи ему не полагалось по инструкции. По окончании перевода лагерное строительное начальство командирует его в Москву – показать своё творение. Перевод одобрили. Итак, «бесправного, не реабилитированного, без прописки живущего у знакомых в Переделкино Заболоцкого, навещает сам Фадеев – и находит его «человеком твёрдым и ясным» (Ю.К.). Время тревожное, голодное, послевоенное, но созидательное. Вначале занялся огородом, чтобы прокормиться, переводами, и постепенно вернулся к стихам, написанным в лучших традициях русской классики. Стихотворения «Уступи мне, скворец, уголок», «В берёзовой роще» и «Журавли», с разбора которых я начала очерк, как раз те – самые яркие, из списка первых лет после освобождения. Но в 1948 году было написано и стихотворение «Жена», на котором тоже хочу задержать внимание читателя. Думаю, женщина, прошедшая с мужем все испытания, вполне достойна стихотворного посвящения. Правда, Николай Алексеевич понимал, что не всегда относился к ней с должным вниманием и заботой, скорее – наоборот, брак изначально закладывался на крестьянском домострое, жена была

больше прислужгой, тем не менее она боготворила мужа. Екатерина Васильевна стремилась создать все условия для творчества, гордилась талантом мужа:

*С утра он всё пишет да пишет,
В неведомый труд погружен.
Она еле ходит, чуть дышит,
Лишь только бы здоровствовал он.
А скрипнет под ней половица,
Он брови взметнёт, – и тотчас
Готова она провалиться
От взгляда пронзительных глаз.
Так кто же ты, гений вселенной?
Подумай: ни Гёте, ни Дант
Не знали любви столь смиренной,
Столь трепетной веры в талант.*

В 1953 году из-под пера Заболоцкого выходит стихотворение «Портрет», написанное по картине Фёдора Рокотова, посвящённой жене художника – русской дворянке Александре Струйской.

*Любите живопись, поэты!
Лишь ей, единственной, дано
Души изменчивой приметы
Переносить на полотно.*

На самом деле стихотворение имеет двойное дно: искренне восхищаясь портретом Струйской, поэт заметил в нём черты своей жены в молодости и смог очень образно завуалировать этот факт. В глазах безропотной и обожавшей его жены, Николай Алексеевич не раз читал и «полуулыбку, и полуплач, и полувосторг и полуиспг»:

*Её глаза — как два тумана,
Полуулыбка, полуплач,
Её глаза — как два обмана,
Покрытых мглою неудач.
Соединенье двух загадок,
Полувосторг, полуиспуг,
Безумной нежности припадок,
Предвосхищенье смертных мук.
...Когда потёмки наступают
И приближается гроза,
Со дна души моей мерцают
Её прекрасные глаза.*

Наконец, вернулась известность, почти слава, восстановление в Союзе писателей СССР, достаток, отдельная квартира в Москве, к тому же, он был удостоен Ордена Трудового Красного Знамени... Казалось – живи и живи – радуйся. Но судьба распоряжается по-своему: в 1955 году у Заболоцкого случается первый инфаркт. Если бы только инфаркт! Он понятия не имел, что с ним произойдёт буквально через год.

4

«Николай Алексеевич ещё полеживал, – пишет Евгений Шварц, – но решил встать к обеду. Екатерина Васильевна вдруг одним движением опустилась к ногам мужа. Опустилась на колени и обула его. И с какой лёгкостью, с какой готовностью помочь ему. Я был поражен красотой, мягкостью и женственностью движения...»

Заболоцкий понимал, что рядом с ним – «одна из лучших женщин» – терпеливая, заботливая, любящая:

*Ангел, дней моих хранитель,
С лампой в комнате сидел.*

*Он хранил мою обитель,
Где лежал я и болел.*

Оправившись от болезни, он снова живёт работой: по 10–12 часов в сутки просиживает за рабочим столом. Поэт торопится выплеснуть на бумагу всё, что сдерживал долгие годы. В его лирике лагерная тема занимает очень скромное место, тем не менее Иосиф Бродский, беседа с Соломоном Волковым, сказал, «что самые потрясающие русские стихи о лагерях, о лагерном опыте принадлежат перу Заболоцкого». Останемся на одном из них «Где-то в поле, возле Магадана...», написанное в 1956 году. В нём нет автобиографической конкретности, поскольку Заболоцкий отбывал срок в Приамурье, а местом действия выбрал ещё более суровую магаданскую землю, где освобождение людей от невыносимых страданий зачастую приходит лишь со смертью.

*Где-то в поле возле Магадана,
Посреди опасностей и бед,
В испареньях мёрзлого тумана
Шли они за розвальнями вслед.
От солдат, от их лужёных глоток,
От бандитов шайки воровской
Здесь спасали только околодок
Да наряды в город за мукой.*

А дальше: «Вот они и шли в своих бушлатах – / Два несчастных русских старика»... Две простые с виду строчки, но в них такая неизбежная боль заложена, что комментарии излишни. Именно такие прозаические вкрапления делают поэзию искренней, поистине народной.

*Вкруг людей посвистывала вьюга,
Заметая мёрзлые пеньки.*

*И на них, не глядя друг на друга,
Замерзая, сели старики.
Стали кони, кончилась работа,
Смертные доделались дела...
Обняла их сладкая дремота,
В дальний край, рыдая, повела.*

Всё. Конец. Не страшна им больше охрана, конвой и прочие издевательства. «Лишь одни созвездья Магадана / Засверкают, встав над головой». Добровольный уход из жизни, делает их души недосыгаемыми для страданий.

Но такие сильные стихи требуют полной сосредоточенности, проживания ситуации, отрешения от мира сего. А стихов в этот год Николай Алексеевич пишет очень много. В квартире требует полной тишины и днём и ночью, иначе – скандал. И в какой-то момент покорная и терпеливая его Катя, которая всегда была тише воды и ниже травы, не выдерживает деспотизма и уходит... к Василию Гроссману. Дети к тому времени были уже вполне самостоятельными. Заболоцкий не мог поверить в то, что произошло. Удивление. Растерянность. Шок. Будто почва ушла из-под ног. Только потеряв жену, он понял насколько она была ему дорога.

Что мог сделать поэт в этой ситуации? Конечно, разразиться целым каскадом стихотворений! Один за другим выходят из-под пера глубокие лирические произведения: «Сентябрь», «Гроза», «Можжевельный куст», «Голос в телефоне» и т.д. Пережить подавленное, беспомощное состояние поэту помогла 28-летняя Наталья Роскина – давняя поклонница его стихов. По одним данным между ними вспыхнула любовь, по другим – о любви не могло быть и речи. А потому, не углубляясь в полемику, просто примем это как факт из биографии писателя. Парадокс состоит в том, что отец Роскиной, погибший на фронте, был лучшим другом Гроссмана, естественно, по-

следний был для Натальи вроде опекуна. Получился какой-то «недорисованный квадрат». В результате образы двух женщин настолько переплелись в душе Заболоцкого, что в 1957 г. выходит удивительно-проникновенный цикл из 10 стихотворений под названием «Последняя любовь». «Финальным аккордом и самым ярким в этом стихотворном ожерелье стало «Признание», адресованное сразу обеим женщинам. У многих из нас на слуху замечательный романс «Очарована, околдована», который входит в репертуар многих исполнителей от группы «Санкт-Петербург» до Александра Малинина. А ведь романс создан на стихи Николая Заболоцкого. Прочитую полный текст:

*Зацелована, околдована,
С ветром в поле когда-то обвенчана,
Вся ты словно в оковы закована,
Драгоценная моя женщина!
Не весёлая, не печальная,
Словно с тёмного неба сошедшая,
Ты и песнь моя обручальная,
И звезда моя сумасшедшая.
Я склонюсь над твоими коленями,
Обниму их с неистовой силою,
И слезами и стихотвореньями
Обожгу тебя, горькую, милую.
Отвори мне лицо полуночное,
Дай войти в эти очи тяжёлые,
В эти чёрные брови восточные,
В эти руки твои полуголые.
Что прибавится — не убавится,
Что не сбудется — позабудется...
Отчего же ты плачешь, красавица?
Или это мне только чудится?*

И всё-таки сдаётся мне, что «Признание» адресовано жене поэта – Екатерине Васильевне. Судя по строкам: «В эти чёрные брови восточные, / В эти руки твои полуголые». Сравниваю с записями Юрия Колкера – автора статьи «Жизнь и судьба Заболоцкого» о невесте поэта Екатерине: «На ранних снимках она привлекательна и женственна. В ней угадывалась восточная, хочется сказать, половецкая примесь». Вроде, незначительный штришок, но даёт мне право так считать. Наталья Роскина, будучи женщиной мудрой и дальновидной, по окончании написания цикла «Последняя любовь» попросту исчезла из жизни поэта, дав возможность законной супруге вернуться в семью.

В 1958 году у Заболоцкого случился второй инфаркт, после которого он не смог оправиться. Зная, что он умирает, он принялся составлять поэтическое завещание, безжалостно отменяя целые пласты написанного. Получилось 170 стихотворений и три поэмы. 14 октября 1958 года поэта не стало. Никита Заболоцкий – сын поэта, кандидат биологических наук, автор биографических и мемуарных произведений об отце – составил посмертный сборник «Не позволяй душе лениться», куда включил целиком Заключительный свод 1958 года, составленный согласно литературному завещанию автора. Сборник заканчивается стихотворением, вынесенным в заглавие книги. Я имею на руках этот сборник и считаю его наставлением в своей литературной жизни:

*Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!
Гони её от дома к дому,
Тащи с этапа на этап,
По пустырю, по бурелому,*

*Через сугроб, через ухаб!
Не разрешай ей спать в постели
При свете утренней звезды,
Держи лентяйку в чёрном теле
И не снимай с неё узды!
Коль дать ей вздумаешь поблажку,
Освобождая от работ,
Она последнюю рубашку
С тебя без жалости сорвёт.
А ты хватай её за плечи,
Учи и мучай дотемна,
Чтоб жить с тобой по-человечьи
Училась заново она.
Она рабыня и царица,
Она работница и дочь,
Она обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!*

*Используемые материалы:
Книги Н. Заболоцкого – «Столбцы», «Не позволяй душе лениться».*

Перед выбором

Даниил Александрович Гранин
1919 – 2017

Посвящается 100-летию со дня рождения Д. А. Гранина

1

Даниил Александрович Гранин (Герман) – русский прозаик, киносценарист и публицист, один из ведущих мастеров советской литературы 1950-80-х годов и периода Перестройки, участник Великой Отечественной войны, лауреат премии «Большая книга 2012» за новый роман «Мой лейтенант». Настоящую фамилию он сменил на псевдоним, чтобы не путали с известным ленинградским писателем Юрием Германом. Отец

будущего писателя Александр Данилович Герман служил приказчиком по лесной части у разных хозяев. Будучи женатым, к тому же, в довольно солидном возрасте, влюбился в юную красавицу Анну Захарьевну (в некоторых источниках её называют Анной Бакирвной), повенчался с нею и увёз с собою в лесничество. Обосновались в покинутой помещицъей усадьбе под Кингисеппом. Местами ещё не отгремела Гражданская война, свирепствовали снежные зимы, разливались реки, орудовали банды, вспыхивали мятежи, стрельба, пожары. С марта 1918 года он работал десятником по лесозаготовкам при Петроградском леспромхозе.

Родился будущий писатель 1 января 1919 года в Курской губернии. Воспоминания о ранних годах сохранились обрывочные. Детство было лесное и городское. Мать – тоненькая, стройная. Горожанка, модница, обладала замечательным голосом, знала бесчисленное множество романсов. Ей, естественно, не сиделось в деревне. Отец же, обожал лес, знал повадки зверей, слушал и понимал каждое деревце. Они очень любили друг друга, но понимание счастья было у каждого своё. Переезд с матерью в Ленинград маленький Даниил воспринял как благо: «городская школа, наезды отца с корзинками брусники, с лепёшками с деревенским топлёным маслом». Лето с огромным удовольствием мальчик проводил у отца в леспромхозе: «Лучше всего помнятся горы пахучих жёлтых опилок вблизи пилорам, брёвна, смолокурни, и сани, и волки, уют керосиновой лампы, вагонетки на лежневых дорогах». Случилось так, что отца отправили в Сибирь, куда-то под Бийск, сын и мать с тех пор однозначно стали ленинградцами. Мать работала портнихой, обшивала дам и на дому, могла проявить свой художественный вкус, любила выдумывать всевозможные фасоны, но себе не могла позволить такой роскоши, «молодость уходила на чужие наряды».

В школьные годы многие ребята сочиняли стихи, но Даниилу они не поддавались. В порядке самоутверждения он написал статью в школьный журнал о смерти С.М. Кирова – событии, больше всего затронувшем на тот момент его юную душу. Несмотря на интерес к гуманитарным наукам, выбор пришлось сделать в пользу инженерной специальности, как более надёжной и востребованной. Энергетика, автоматика, строительство электростанций, план ГОЭЛРО, поездки на практику на станции Свири, Кавказа, Днепрогэса – вот где размах, вот где романтика! Но и литература не отпускала будущего писателя. В разгар дипломной работы, обучаясь на V-м курсе Ленинградского политехнического института, он стал вдруг пи-

сать историческую повесть «Ярослав Домбровский». Ни с того ни с сего. Писал о том, чего не знал, не видел: о польском восстании 1863 года, о Парижской коммуне. Писал тайно. Писательства стыдился. Написанное казалось несуразным, жалким, но остановиться уже не мог...

По окончании института устроился на Кировский завод старшим инженером экспериментальной группы электросилового цеха, там начал конструировать прибор для отыскания мест повреждения в кабелях.

В июне 1941 года у Даниила разыгрался страстный роман с Риммой Майоровой, работавшей инженером-плановиком на том же заводе. Именно в воскресное утро 22 июня молодые люди уехали в Дудергоф, чтобы отыскать укромное местечко и провести выходной день в роще. «Намерения у меня были, самые гнусные. В те яростные молодые годы я не пренебрегал никакими возможностями получить от женщины то, что она должна дать», – позже напишет в романе «Мой лейтенант» Даниил Александрович. Предельная откровенность. Редко какой автор подаёт себя читателю в таком невыгодном свете. Их уединение было прервано солдатами, сообщившими о начале войны. С вокзала он поехал на завод, чтобы убедиться в правдивости сообщения. Войну воспринял не всерьёз, решил, что представился счастливым случай прогуляться по Германии, проучить фашистов. Разумеется, оба они витали в облаках. Даниил даже предложил оформить отношения. Не с первой попытки нашли работающий ЗАГС, зарегистрировались. Особых планов на совместную жизнь не строили, однако ему приятно было видеть, как загорелись глаза невесты с появлением штампа в паспорте, к тому же, радовал тот факт, что кто-то помимо отца с матерью будет скучать по нему, ждать его с передовой. Отпраздновали вдвоём, купив по пирожку с повидлом и кофе. Официантка, узнав о поводе посещения кафе, принесла молодым по пирожному эклер. Мать Даниила отнеслась довольно прохладно к браку с воронежской провинциалкой.

Римме очень не хотелось, чтобы Даниил уходил на фронт, но переубедить не удалось. Даниил вновь оказался перед выбором. Хлопотал, добивался, чтобы сняли бронь. С Кировского завода ушёл в народное ополчение: в гимнастёрке б/у, нелепых синих галифе, тяжёлых ботинках с обмотками. Выдали ещё противогаз и перед самой отправкой – бутылку с зажигательной смесью. Всё! Ни о каком оружии и речи быть не могло. Его попросту не было. Это было в начале июля 1941 года. И вновь поражает предельная откровенность автора. Вот как он позже опишет первую бомбёжку, под которую попал эшелон новобранцев: «Для меня небо потемнело от самолётов. Чистое, летнее, тёплое, оно загудело, задрожало, звук нарастал. Чёрные летящие тени покрыли нас. Я скатился с насыпи, бросился под ближний куст, лёг ничком, голову сунул в заросли». Самолёты пикировали один за другим, заходили на цель. От страха ему казалось, что все несутся именно на него, горячий воздух пропеллеров шевелил волосы. Вжимаясь в землю и не зная ни одной молитвы, он вдруг начал молиться. «Бомбёжка извлекала всё новые и новые волны страха, подлого, постыдного, всесильного». Он был противен себе, никогда не подозревал, что окажется таким трусом. Не каждый так напишет о себе. Здесь мне приходят в голову слова Юлии Друниной: «Кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне».

В 1942 году на войне будущий писатель вступил в партию. Война научила его ненавидеть, убивать, мстить. Во время отступления наших войск Гранину (с его слов) пришлось некоторое время командовать 347-м стрелковым полком в составе дивизии, заменив на КП полковника И. И. Лебединского, получившего тяжёлое ранение, однако через два дня покинул линию фронта вместе с подчинёнными, описав это так: «17 сентября 41-го мы просто ушли в Ленинград с позиций с мыслью: «Всё рухнуло!» Я, помню, сел на трамвай, приехал домой и лёг спать. Сестре сказал: «Сейчас войдут немцы — кинь на них

сверху гранату (мы на Литейном жили) и разбуди меня» Затем, 18 сентября 1941 года, его, явившегося в Штаб народного ополчения, направили комбатом в отдельный артиллерийско-пулемётный батальон под Шушары. Однако по прибытии оказалось, что в батальоне уже есть другой командир, который отправил Гранина рядовым в пехотное подразделение. В этом качестве он и провёл всю блокадную зиму, после чего его направили в Ульяновск, в танковое училище, а по окончании курсов – в Горький. Там они с напарником Андреем Корсаковым задумали одно техническое устройство, позволяющее не отключать внутреннюю связь с механиком-водителем во время разговора по радиации с командованием. Это даёт некоторые преимущества в танковых манёврах. Оба получили по капитанской звёздочке. Об этом он сообщил Римме, которая была эвакуирована с заводом в Челябинск и занималась испытанием танковой брони. Им удалось встретиться на пару дней. И снова он не остался в конструкторском бюро, а уехал на фронт, только теперь в качестве офицера-танкиста.

Войну Даниил Александрович закончил в Восточной Пруссии. Отозвали работать в Ленэнерго на марсовом поле, восстанавливать разрушенную послевоенную инфраструктуру. Опять сфера энергетики была одной из самых важных и востребованных направлений. В семье уже росла дочь Марина. Какое-то время много пил с бывшими фронтовиками, многое ему не нравилось в жизни. В стране один за другим исчезали директора заводов, секретари райкомов, председатели райсоветов, раскручивалось так называемое «Ленинградское дело».

2

После войны Гранин доработал-таки повесть «Ярослав Домбровский» и показал её известному прозаику Диме Острову, с которым познакомился в августе 1941 года, когда по дороге из штаба полка они вместе заночевали на сеновале, а

проснулись – кругом немцы... Дмитрий, особо не церемонясь, дал совет, что писать нужно только о том, что знаешь, то есть про свою инженерную работу, про то, что сам пережил и чем живёшь. В 1948 году Гранин неожиданно написал рассказ про аспирантов «Вариант второй». Юрий Герман радушно встретил начинающего писателя и напечатал в журнале «Звезда». Критика также отнеслась благосклонно. Следующая повесть «Спор через океан», напечатанная в той же «Звезде», была жестоко раскритикована за «преклонение перед Западом». В Ленинграде ему посчастливилось узнать замечательных литераторов: Веру Кетлинскую, Евгения Шварца, Ольгу Берггольц, Анну Ахматову, Веру Панову. Особенно близко сошёлся с поэтами-фронтовиками: Анатолием Чивилихиным, Михаилом Дудиным, Сергеем Орловым.

Вскоре он поступил в аспирантуру Политехнического института и одновременно засел за роман «Искатели». Роман лёг в основу одноимённого фильма 1956 года, принёс Гранину известность, благодаря именно этому произведению автора избрали делегатом на Второй съезд писателей. По сюжету главный герой Андрей Лобанов – учёный-электротехник работает над созданием локатора, способного обнаружить места повреждение кабеля даже на ранней стадии, борется с происками бюрократизма, тормозящими производственный процесс и доставляющими массу неприятностей. Вспомним, не этим ли сам Даниил Гранин занимался в Ленэнерго. Вот что он говорит по этому поводу: «Я писал об инженерах, научных работниках, учёных, о научном творчестве, это была моя тема, мои друзья, моё окружение. Мне не надо было изучать материал, ездить в творческие командировки. Я любил этих людей – моих героев, хотя жизнь их была небогата событиями. Изобразить её внутреннее напряжение было нелегко. Ещё труднее было ввести читателя в курс их работы, чтобы читатель понял суть их страстей, и чтобы не прикладывать к роману схемы и формулы».

Параллельно напечатал несколько статей о замкнутой сети и перешёл к проблемам электрической дуги, где было много таинственного, интересного и требовало полного погружения в тему. Молодой, энергичный, какое-то время ему казалось, что можно совмещать и науку и литературу. Но не тут-то было! Каждая тянула к себе всё с большей силой и ревностью, и каждая была прекрасна. Впоследствии он иногда жалел, что слишком поздно стал заниматься литературой профессионально, но бывало жалел, что бросил науку. Здесь уместно привести слова Александра Бенуа о том, что «величайшая роскошь, которую только может позволить себе человек, – всегда поступать так, как ему хочется». Решающим фактором оказался XX-й съезд партии, который заставил посмотреть с другого ракурса на себя, на войну и на прошлое, осознать ошибки войны и беспримерное мужество простых солдат и народа в целом. Повесть «Наш комбат» – одно из лучших тому подтверждение.

В 1956 году группа писателей, а именно: Даниил Гранин, Константин Паустовский, Расул Гамзатов, Сергей Орлов и Леонид Рахманов впервые поехали в круиз вокруг Европы на теплоходе «Россия». Им удалось посетить шесть стран: Болгарию, Грецию, Турцию, Францию, Италию, Швецию. С тех пор Гранина обуревала жажда открытий. Он ездил и далеко за океаны: в Австралию, Кубу, Японию, США, написал множество путевых записок, основанных на собственных впечатлениях. Мечтал заняться драматургией, но всё равно получались романы или повести и большей частью о людях науки. Совет Димы Острова сработал.

В этом плане примечателен роман «Иду на грозу», написанный в 1962 и экранизированный постановщиком Сергеем Микаэляном в 1965 году. Это произведение интересно тем, что в нём показана внутренняя жизнь НИИ, его работников, причём речь идёт не только об открытиях, но и о некоторых неблагоприятных поступках, в том числе и предательстве, интригах.

Книга представляет собой немалую историческую ценность как произведение, достоверно показывающее жизнь советского научного сообщества в середине прошлого столетия. В центре – судьба двух приятелей-физиков, которые, будучи друзьями, тем не менее сильно различаются по характеру. Сергей Крылов – талантливый, деятельный, всецело преданный науке, не способный идти на компромисс. Олег Тулин – был его полной противоположностью: общительный, весёлый, приятный молодой человек. Ему всё время везло по службе, в то время как у Сергея она не складывалась. Он был настолько увлечён своим делом, что не боялся отстаивать свою позицию перед вышестоящими лицами, что зачастую плохо заканчивалось. Во время эксперимента по захождению в центр грозового облака погибает молодой аспирант Ричард. Всё это было подстроено исследователем Агатовым, который не был столь талантлив как Крылов, однако зарекомендовал хорошим организатором и метил на место зав лаборатории. И всё-таки, несмотря на все перипетии, Крылову удаётся доказать точность расчётов и добиться повторения полёта.

Даниил Александрович был принят в Союз писателей СССР. «Выбор цели» – следующая повесть Гранина, написанная в 1975 году также экранизирована. Она посвящена истории создания атомного оружия. Самое пристальное внимание приковано к фигуре великого физика Игоря Курчатова (его роль исполнил Сергей Бондарчук). Показываются в «Выборе цели» и иностранные учёные, исследователи и политики, которые занимались разработкой и созданием атомной бомбы, а также руководили процессом. В картине появляются Сталин, Гитлер, Рузвельт, Оппенгеймер («отец» атомной бомбы), Эйнштейн и другие исторические персонажи.

Писателя интересуют не только учёные, он рассуждает и о судьбах литературы в эссе о Пушкине («Два лика», 1968; «Священный дар», 1971; «Отец и дочь», 1982), Достоевском («Тринадцать ступенек», 1966), Льве Толстом («Герой, которо-

го он любил всеми силами своей души», 1978) и других русских классиках.

В 1987 Даниил Гранин написал документальную книгу «Зубр» о человеке большого таланта и уникальной судьбы. Автор знал лично своего героя, общался с ним. Речь идёт о советском генетике Николае Владимировиче Тимофееве-Ресовском, которого коллеги прозвали Зубром. Ученик выдающегося зоолога и биолога Николая Кольцова, Зубр оставил не только яркий след в науке: особое нравственное свечение исходило от его личности. И это интересует автора прежде всего. Жизнь Тимофеева-Ресовского была определена тремя принципами: верность науке, порядочность, долг перед предками. Он посвятил себя науке тогда, когда из всех возможных занятий наука была самым невыгодным. Ни пайков, ни денег. Николай Владимирович шутя сказал Гранину, что пошёл в науку «потому, что тогда этих паразитов, научных работников, было немного и большого вреда своему народу они не приносили».

Тимофеев-Ресовский долгое время работал в Германии, спас от гибели многих людей разных национальностей, учёных, попавших в немецкий плен, они находили убежище в Бухе. А вот собственного сына, участника антифашистского сопротивления, воспитанного в своих правилах порядочности и человеческого достоинства, спасти он был не в силах. Смерть сына, погибшего в Маутхаузене, была последней каплей, позволившей Зубру окончательно понять себя. Он не сможет никогда и нигде быть человеком чистой науки. Он не может быть иным учёным, кроме как русским, кроме как в России. Но теперь за этот выбор пришлось платить. Платить осуждением, лагерем. Когда в 1945 году он очутился в лагере, его могучий организм сломили не лишения – в гражданскую войну он перенёс и тиф, и голод. Но его оторвали от науки, и у него ничего не осталось, за что следовало бы держаться. Он заболел и был на грани гибели. После лагеря он мог запить, озлобиться, уда-

риться в религию, стать циником. Но возможность вернуться к опытам предопределила всё. Он не озлился, не пал духом, не разуверился, стал работать в полную силу.

Знаковой для Гранина стала написанная совместно с Алексеем Адамовичем «Блокадная книга» (1979), рассказывающая на документальном материале о героическом сопротивлении Ленинграда вражеской блокаде. Эти истории поражают своей безысходностью. Даже читать трудно, не то что описывать и, тем более, быть очевидцем подобной трагедии.

В последние годы Гранин посвятил себя мемуарам. В конце июня 2017 года состояние здоровья Д. А. Гранина стало резко ухудшаться, он был доставлен в один из госпиталей Санкт-Петербурга и подключён к аппарату искусственной вентиляции легких. 4 июля 2017 года в 22-00, на 99-м году жизни, писатель скончался. Церемония прощания состоялась 8 июля 2017 года в Таврическом дворце. Похоронен на Комаровском кладбище под Петербургом.

Использованные материалы:

Д. Гранин «Мой лейтенант» М. «Эксмо», 2014 г.

Д. Гранин, «Искатели», Москва, Изд. «Высшая школа» 1987 г.

Д. Гранин, «Наш комбат», Москва, ООО «Издательство АСТ», 2004 г.

Д. Гранин, «Иду на грозу», «Клавлия Вилор», Москва, Изд. «Советская Россия» 1989 г.

Д. Гранин Собрание сочинений том 4, Ленинград, «Художественная литература» 1980 г.

Интернет-ресурсы: <http://www.hintfox.com/article/analiz-povesti-d-granina-zybr.html> <https://www.rulit.me/books/vybor-celi-read-252440-1.html>

20-21.02.2019.

«Поедем, Муза, в Волгодонск»

Александр Александрович Рогачёв
1915 – 1984

*Поедем, Муза, в Волгодонск,
Поговорим с Цимлянским морем,
Играющим в степи лазоревой,
Окатимся живой водой.
Там в волны смотрятся сады,
И лозы буйствуют в цветенье.
На дне – развалины селений,
Веков следы...
Идут суда над Белой Вежей,
Где князь-воитель
Святослав
Смирил мечом в степи безбрежной
Кочевников разбойный нрав...*

Это отрывок из вступления к поэме «Полынь и атом» Александра Александровича Рогачёва. Признаться, к поэмам отношусь с холодком, за исключением классиков, разумеется. Заинтересовалась лишь потому, что пишет автор о моём, ставшем родным, городе Волгодонске. В далёком 1976 году я тоже приехала на строительство завода «Атоммаш», объявленное Всесоюзной комсомольской стройкой. Но речь не обо мне. Ко мне Муза придёт ещё не скоро, а вот поэма Александра Ро-

гачёва с первых же строк захватила моё внимание. Читаешь и сразу чувствуешь, что за основу автор берёт не грандиозный размах уникальной стройки XX-го века, а человека труда, человека-созидателя, с его заботами и тревогами, печалью и радостями, любовью и ненавистью, достоинствами и недостатками. Читаю в предисловии: «Истинный поэт подобен пахарю и обязан обрабатывать своё поэтическое поле добросовестно, иначе оно порастёт сорняком». В том, что слова автора с делом не расходятся, убедиться несложно. Возьмём, к примеру, удивительное описание степи из той же поэмы:

*Я эту степь не позабыл
В пурге ромашковой,
В ухабах,
Со скифской каменной бабой,
С кругами ястребиных крыл.
С апрельскими сквозными зорями,
Когда не жмёшь на тормоза, –
И вдруг – аж дух замрёт –
Лазорево
Степь разом ринется в глаза.*

В поэме отражены судьбы брата и сестры Драгуновых, приехавших на стройку после глубокой семейной драмы. Заинтересовавшись, читаю поэму «Полынные Ветры», написанную ранее и раскрывающую суть событий 15-ти летней давности, произошедших с их отцом. В чём суть – не буду описывать. Кто возьмёт эту книгу – точно не оторвётся от чтения. Отец молодых людей работал чабаном на так называемых Чёрных землях Калмыкии. В семье росла и приёмная дочь, якобы взятая из детдома. Стопроцентный душевный захват, к тому же, замечательный, очень лёгкий, простой и в то же время необыкновенно метафоричный слог. Судите сами:

*Эти земли зовутся Чёрными,
Но разве бывают черны пески,
Где плещутся травы
И в чашах озёрных
Спят допотопные
Солончаки?
Эти пески перемешаны с солью
В них жив ещё запах
Морской глубины.
Они от Дона и Ставрополя
Раскинулись
До каспийской волны.*

«Чёрные земли» – это бывшее дно Каспийского моря, отступившего на четыреста километров на протяжении веков», – поясняет Рогачёв. Кочевой образ жизни, трудолюбие и упорство людей в схватках с природой, осваивающих огромные пространства, потребовали от него широкой эпической формы, развёрнутого сюжета, вольного, несколько «угловатого» стиха, как характер описываемых персонажей».

Коснёмся немного биографии автора. Родился будущий поэт 7 ноября 1915 года в бедной крестьянской семье на Тамбовщине, в селе Почаеве. Когда Александр был ещё маленьким, его семья переехала в Ростов-на-Дону. Пробовать себя в написании стихов начал в седьмом классе. По окончании семилетки поступил кинотехникум. Работать уехал в Киргизскую ССР. Перед войной окончил Фрунзенское пехотное училище. В первые дни Великой Отечественной войны ушёл на фронт. Служил командиром подразделения. В 1942 году был тяжело ранен. После госпиталя служил в военкоматах городов Новосибирск и Камень-на-Оби.

Печататься Александр Рогачёв начал в 1944 году, когда в коллективном сборнике «Родина», вышедшем в Ново-

сибирские появились его стихи. После демобилизации уехал в Ростов-на-Дону. Там он выступал в печати, работал в местных газетах «Красное знамя», «Молот», в журнале «Дон». Примером предельной откровенности, потрясающей энергетикой стиха для него с детских лет был Есенин. Первая книга стихов А. Рогачёва «Орехов цвет» была издана в 1948 году. До глубины души меня тронуло стихотворение «Конфеты»:

*Разве вырвешь из памяти день,
Если видел, как, взбив снега,
Под луною бежит олень,
Замахнув на хребет рога.
О, красавец...
Его я знал
По обёрткам чужих конфет.
Мне такие не покупал
Мой безденежный щедрый дед.
Мне их сунули в руки, как яд, –
Лучше б выпороли кнутом...*

А ситуация сложилась следующим образом. Первая любовь к девочке, чистая, светлая, незабываемая и очень робкая. Достаток и социальный статус её семьи не шёл ни в какое сравнение с семьёй Александра. У девочки день рождения. Что мог себе позволить полуголодный влюблённый подросток? Как привлечь на себя внимание? И он решил подарить скромный букетик свежесобранных лесных цветов. Не успел ступить на порог, как «искривились в усмешке рты», полунисшему оборвышу дали понять, что вход к ним в горницу не всякому дозволен. А горница-то, сплошь увешанная иконами. Вот и верь в набожность... Какое унижение перед любимой девочкой! Так безжалостно была растоптана и смешана с грязью его первая любовь. Он не знал куда себя деть:

*... Только что я в ответ мог сказать
В этом логове купли и лжи,
Если дед мой
Любимого пса
Свёл сюда за полпуда ржи.
Я стоял, проглотив слезу,
Будто сброшенный с высоты.
А ведь я для девчонки,
В лесу,
Целый день собирал цветы.
А ведь я-то о ней мечтал...
И, как плата мне, –
Горсть конфет,
Тех, которых не покупал
Мой безденежный щедрый дед.
Мне их сунули в руки, как яд.
И застрял в моём горле ком.
И летят они в кошку, летят,
И растерянно ахает дом...*

Как бы то ни было, а детство в воспоминаниях Рогачёва было окрашено в светлые тона, поскольку была в нём своя поэзия. Огромную радость мальчику доставляли совместные походы в лес за орехами, земляникой, ландышами. Отец очень любил музыку, играл на гитаре. В воскресные вечера у него собирались доморощенные балалаечники, устраивали самодеятельные концерты. Зимой у них в доме жили щеглы, снегири, синицы. Позже в стихотворении «Птица детства» он пишет:

*Я присел на снегу отдохнуть.
И ведь надо же было случиться:
Разорвался снаряд –
И на грудь*

*Мне в испуге шарахнулась птица.
Я рукой снегиря заслонил.
Неразумный,
А вот, поди ты,
Он меня
О спасенье просил
И искал у меня
Защиты.*

В разное время выходили сборники стихов поэта: «Знаменосцы мира» (1948 – 1950), «Любя и веря» (1958), «Лирические строки» (1961), «Стихи. Поэмы» (1965), «Избранная лирика» (1966), «Никаких золотых средин» (1970), «Малиновый снегирь» (1974), «Откровенность» (1975) и другие. В зрелом возрасте он писал преимущественно эпические произведения – поэмы, баллады, с которых и началось моё знакомство с автором. Передо мной книга «Наедине с совестью» (1985), в которой собраны лучшие стихи и поэмы автора. Александр Александрович – человек цельный, открытый, прямой, никогда не шедший на сделки с совестью, не признающий золотую середину. Вот как он сам об этом пишет:

*Промолчать и забыть своё мнение,
Быть хорошим для этих и тех,
Как беззубое стихотворенье,
Напечатанное без помех?
Не могу!
... Ходит совесть
В просторах безбрежных
И не ищет уютных долин.
Не терплю
Ни в борьбе, ни в надежде
Никаких золотых средин!*

Кто-то может согласиться, кто-то возразить, но это авторская позиция и она достойна уважения. Всё чаще Рогачёв задумывается о том, так ли он проживает отмерянные ему годы, переосмысливает своё творчество, правит стихи независимо от того, публиковались они или нет. «Поэтическое творчество мне представляется охотой за жар-птицей. Кажется, вот она, поймана!» – цитирую слова автора. Потом оказывается, что снова не то. И опять разочарования, мучительные поиски и так без конца...

*Осенняя задумчивость во мне.
И мне сегодня видится иначе
Мои потери и мои удачи,
Мои ошибки,
Что уже не спрячешь,
Как эту волчью просесть на стерне.
Я не умел уйти от суеты,
От мелочей,
Что на пути толпятся,
И песнь теряла чувство высоты
И детскую способность
Удивляться.*

«Удивляться» – вот это ключевое слово! Я просто преклоняюсь перед писателями, которые и в зрелом возрасте не потеряли детской непосредственности и способности удивляться самим и удивлять читателя своим творчеством. И неважно классики это или современники. А когда человек способен находить необычное в обычном, одинаково талантливо владеет словом, как в глубинной лирической ипостаси, так и в написании стихов для детей, это вдвойне дорого. Приведу одно из посвящений автора дочери Людмиле:

*Всё обычно и необычно,
Те ж приметы,
И всё ж не те.
Загораются звёзды спичками
На загадочном звёздном холсте.
Смотрит Марс,
Словно туз атласный.
Что он думает,
Как живёт?
Вот возьму
И на крыльях сказки
Появлюсь там под Новый год.
Удивятся сперва марсиане,
Может, кто-то из пожилых
Намекнёт:
Дескать, надо б заранее
Всё ж в известность поставить их.*

Капелька житейского юмора типа: нужно заранее предупредить о визите, очень своевременно вставленная в стихотворение, придала некую изюминку в его восприятии. Кроме того, оказалось, что марсианам «позарез» нужен поэт», и они даже предложили ему остаться. Однако, поэт непреклонен:

*... Остаться с какой же стати?
У меня там кругом друзья,
Да и жить
Без союза писателей
Мне теперь уж никак нельзя.
Оступлюсь – и, глядишь, он тотчас:
«Не дружи, голубарь, с грехом,
Лучше глубже распахивай почву
Поэтическим лемехом».*

Что ещё мне особенно дорого, так это собственный авторский почерк. При написании длину каждой строки (стиха) он определяет чисто интонационно, то есть так, как считает наиболее удобным для читательского восприятия. Какое-то время у него складывались стихи, немного напоминающие творчество Эдуарда Багрицкого или Павла Васильева, потому как «схватил себя не сразу», но «схватил» всё-таки и это важно. Вот и «Другу-художнику» в одноимённом стихотворении он предлагает не гнаться за рублём, копируя известных мастеров, а показывать жизнь только своими глазами:

*... Благодать!
Жена, поди довольна:
В доме мир,
И всё идёт на лад!
Только больно, друг мой,
Очень больно
Мне за твой
Покладисто-безвольный,
О рубли споткнувшийся талант.
... Хороши картины Васнецова,
Шишкинские тоже хороши,
Но своё задуманное слово –
Пусть негромко –
Всё-таки скажи.
Мы с тобой
Работу знаем сами.
Я хочу, чтоб хваткою сильна,
Наша жизнь
Пытливыми глазами
С твоего смотрела полотна.*

Александр Александрович очень бережно относился к поэтическому слову, ценил патриотическое начало, но без излишнего пафоса, потому как истинный патриотизм скромен и в рекламе не нуждается:

*... У слов – душа,
Им нужен мыслей взлёт.
Они ведь не какая-то гнедая,
Которая покорно повезёт,
На задние копыта припадая.
Обидно мне,
Что я порой терзал
Родные души
Рифмами пустыми.
И не гремело,
Как девятый вал,
В моих стихах
Твоё, Россия, имя.
Я про себя его произносил,
Боясь прослыть
Назойливо-крикливым.
Как будто бы не я косил
Твои луга и нивы...*

Как человек, с первых дней воевавший на полях Великой Отечественной, не понаслышке знавший все ужасы войны, тяготы отступления, переживший множество потерь, в том числе и потерю без вести пропавшего брата Василия, сам получивший тяжёлое ранение под Воронежем, он не мог не писать о войне. И опять главным в творчестве Рогачёва, по-прежнему, остаётся именно человек. Недаром он говорил о себе: «Я колокол. С вашими песнями сливается голос мой». Остановлюсь на стихотворении «Ночлег в пути». Будучи солдатом, уставший

до изнеможения, он (а речь ведётся от первого лица), не раздеваясь, лёг на скамью. Свежо. Изба не топлена. А рядом – в постели – «хозяйка молодая, такая ж одинокая, как я»:

*Отброшено небрежно одеяло,
И видно сквозь редеющую мглу,
Как дышит грудь...
И вдруг затосковал я
По женскому забытому теплу.
Я тихо встал.
Прошёл зачем-то в сени.
Свернул сигарку...
Видно, не уснуть.
Раздался вздох:
– Солдат, а мой-то Сеня
Сейчас в окопе мёрзнет где-нибудь.*

Правда жизни. Сказала тихонько, без укора, но у него всё в душе перевернулось, и он «краснел в махорочном дыму», терялся, не знал, как себя вести, что ответить. Ведь он не вор и, стало быть, не вправе взять не принадлежащее ему. Возможно, и она не предала бы мужа. Кто знает... На первый взгляд – просто проза, но именно такая проза питает поэзию. Какой заложен мощный подтекст относительно силы воли, нравственности, солидарности с таким же солдатом, защищавшим родину от фашистской нечисти! И он сказал:

*– Ты жди, и он придёт в семью.
И снова лёг
Разбитый и усталый,
На жёсткую, холодную скамью.*

Поражает умение и способность автора удивлять читателя в любых ситуациях и даже в стихах военной тематики. С его слов, он «не был рабом фактов, брал у жизни только то, что нужно было для образного выражения мыслей». Что в следующем стихотворении правда, а что вымысел – догадаться сложно, но очень трогает за душу:

*Я помню,
Между немцами и нами
Упал, подбитый вражьими стрелками,
Кочевник-гусь,
Стремившийся на юг.
И немец встал,
И твёрдыми шагами
Пошёл к нему.
И перестрелка вдруг
Затихла.
Были все поражены:
Что это – вызов?
Храбрость показная?
Он поднял птицу,
А она, живая,
Взмахнула крыльями январской белизны.
Мы думали, обратно повернёт,
А немец с птицей,
Будто с флагом белым,
Рванулся к нам,
На солнечный восход.
Но выстрел вслед –
И птица отлетела...*

Даже солдаты и с той и с другой стороны подумать не могли, что немец сдаваться пойдёт с белоснежным гусем. Был ли

это чистый факт – не знаю, но написано замечательно! Невозможно спокойно читать многие стихи Александра Рогачёва. Остановлюсь подробнее на «Балладе о старом музыканте». В оккупированном городе промозглыми осенними ночами старый музыкант надевал «сорочку с крахмальным воротом, бабочку и чёрный фрак». Сверху набрасывал старую шаль жены, умершей от голода, и садился за рояль. Тихая музыка звучала, как вызов, как протест «среди арестованной тишины». И вдруг музыки не стало. Оказывается, старика взяли немцы:

*Ему приказали:
– Играйт... Но, но!..
Арийская спесь за гибель России
Пила кровавого цвета вино.
А он стоял
Перед сальной похотью
Пьяных самцов
И продажных сук
И кутался в шаль.
– господа, мне плохо.
На древе искусства я –
Мёртвый сук.*

К нему подтолкнули двух чёрных догов, готовых в ключья разорвать музыканта:

*Старик отшатнулся,
Прошёл покорно
К роялю, откинул жидкую прядь
И прусский слух
Голубыми аккордами,
Голубыми ноктюрнами стал ласкать.
Неторопливо,*

*Смиренно ласкал он,
Так зверю
Слух услаждает манок.
И вдруг...
Содрогнулся как от обвала
Гигантской скалы, лепной потолок.
И двинулся по верх бокалов
С клавишей
Во враждебный зал,
Незримо пылая знамёнами алыми
«Ин-тер-на-цио-нал»!
И, вторя ему,
Громыкнуло ядрами
Набитое тучами небо.
Оно
Благославляло медвежью ярость
Ветра, вломившегося в окно.
Он опрокидывал бокалы,
Срывал гардины, глушил голоса,
И било ошеломлённому балу
Молниями в глаза.
И взвыли с надрывом
Два чёрных дога,
И шлюхи сгрудились у порога,
И вскинулись с мест
Мундиры в крестах.*

Вот где настоящий патриотизм! Ни прибавить, ни убавить. Не показной, ради славы и почестей, а выраженный в поступке человека, прекрасно понимавшего, что ждёт его за подобную музыку. И в мастерстве Александру Александровичу не откажешь. Можно ли победить такой народ?.. Внезапно разыгравшаяся стихия полностью подчинена авторскому замыслу,

безукоризненно работает на сюжет. И что говорить о характере русского солдата, когда немощный старик и то способен с таким достоинством принять смерть:

*... И распрямился спокойно и гордо,
Как будто рассвет его ждал,
А не мрак...
Был он в сорочке с крахмальным воротом,
Были на нём
Бабочка
И чёрный фрак.*

Стихи вообще Рогачёву давались трудно, потому что каждую строку он пропускал через сердце. Особенно мучительно рождалась поэма «Возвышение Андрея Рублёва», идею которой автор вынашивал довольно долго, но слишком мало было биографических данных об иконописце. Потом решил эту проблему лирически, то есть, оттолкнулся от творчества Рублёва, проникся духом средневековой эпохи, дав волю игре воображения. А толчком послужило пристальное рассмотрение фрески Рублёва «Страшный суд» в Успенском соборе г. Владимира, где венчались на княжение Александр Невский и Дмитрий Донской. Картина выполнена в спокойных тонах. Лица пронизаны светом и радостью от встречи с Христом. Непревзойденность фрески «Страшного Суда» – в исходящей от неё милости. Здесь нет ни плача, ни злобы, ни адских мучений. Подобного ещё не было. Сегодня мир воюет, а у Андрея Рублёва – соборность. Нет ни чёрных, ни белых; ни плохих, ни хороших; ни богатых, ни бедных. Иконописец призывает к единству. В поэме рядом с Андреем – Наталья, от чего образ живописца воспринимается ярче, острее, человечнее что ли:

*Вот показались между колонн
Кокошник и шаль голубая,
Словно одна из праведных жён
Вышла из фресок,
Живая.
... Она понимала
Звучание красок,
Согласье цветов,
Услаждающих зренье,
Она читала в церковной сказке
Мысли
Андрея.*

По замыслу автора её глазами на фрески Рублёва смотрел народ, и этот народ был для него опорой. Сюжет поэмы очень интересен, но... оставлю некую недосказанность для будущих читателей. Знаменитую картину «Троица», являющуюся вершиной всего творчества, Андрей написал в конце жизни, но поэт «заставил» его думать образами ненаписанной ещё «Троицы» под впечатлением встречи с тремя отроками-нищими:

*В худой домоткани с чужого плеча,
В дырявых онучах,
В лаптишках
Сидела за чашкой
Мирская печаль
В образе трёх мальчишек.*

Средневековый мир раздирали междоусобицы, к тому же, нависла угроза со стороны монголо-татар, а полотна Рублёва несли согласие, доброту и братство, без которых просто невозможным мирное сосуществование. Эти же качества всегда ценил и Рогачёв. 9 июля 1984 г. поэта не стало. В Ростове-на-

Дону на пр. Буденновском, 56 открыта памятная доска с надписью: «В этом доме с 1963 по 1984 год жил и работал писатель Александр Александрович Рогачёв. 1915—1984». Его нет, а стихи продолжают жить и работать на Человека, как иконы и фрески героя его любимой поэмы:

*Дух Рублёва.
Дух доброты...
По нему узнают Россию
Мильоны двадцатого века.
Он учит
Нелгущую песню мою
Работать
На Человека.*

Использованные материалы:

«Откровенность» – Поэмы, баллады, стихи – Александр Рогачёв – Ростов-на-Дону, Ростовское книжное издательство, 1975.

«Наедине с совестью» – Стихи, баллады, поэмы– Александр Рогачёв – Ростов-на-Дону, Ростовское книжное издательство, 1985.

Интернет-ресурс: <https://www.pravmir.ru/strashnyj-sud-andreya-rubleva-prizyv-k-vstreche/>

28.08.2018.

Калининское лето 2019

Анатолий Вениаминович Калинин
1916—2008

*Когда меня уже не будет,
И пеплом след мой занесёт,
Всё то же розовое чудо
Опять над островом всплывёт.
И, распахнув свои ресницы,
Такой прольёт на землю свет,
Что даже я в моей темнице
Поверю вдруг, что смерти нет.*

Согласна, для писателя такого масштаба смерти, действительно, нет. Анатолий Вениаминович – лауреат Государственной премии РСФСР имени Горького, награжден орденом Ленина, Октябрьской революции, Отечественной войны I степени, Красной Звезды, Трудового Красного Знамени, Дружбы народов. Ещё при жизни его дни рождения праздновались с размахом и почтением. А с 2008 года в память о писателе фестиваль «Калининское лето» стал официальным праздником в Ростовской области, гостеприимно встречая писателей, поэтов, музыкантов, художников и всех-всех почитателей творчества нашего великого земляка. Организаторами фестиваля являются: Министерство культуры Ростовской области, Областной дом народного творчества и Отдел культуры администрации Усть-Донецкого района.

Литературная общественность страны знает его как продолжателя шолоховских традиций в литературе, автора ряда замечательных очерков («Неумирающие корни», «На сред-

нем уровне», «Лунные ночи», «Гранатовый сок», «Вёшенское лето», «Время «Тихого Дона», «Две тетради»), повестей («Гремите колокола», «Возврата нет») и романов («Красное знамя», «Суровое поле», «Цыган», «Запретная зона»). Мировую известность автору принесла экранизация романа «Цыган» в 1967 г., а спустя четыре года и повести «Возврата нет».

Как оказалось, Анатолий Вениаминович писал ещё и стихи, причём, с пятнадцатилетнего возраста. А узнать мы смогли об этом лишь после смерти писателя в 2008 году, благодаря книге «Есть слов простое сочетание...», выпущенной в Ростове-на-Дону издательством Литературного фонда России «Донской писатель». Низкий поклон дочери писателя – Наталье Калининой, которая бережно собрала и предоставила редакции воистину бесценное наследие отца.

Более шестидесяти лет писатель прожил в одном из живописнейших уголков Усть-Донецкого района Ростовской области – хуторе Пухляковском, расположенном на правом берегу Дона с его редкими, но до сих пор сохранившимися казачьими куренями. Наследие, оставленное им – уникально. Я счастлива, что имею возможность не только читать его романы, смотреть фильмы по его произведениям, но и прикоснуться к поэзии этого необыкновенного человека. Не раз была в музее (старом) и в усадьбе Анатолия Калинина.

На этот раз на празднике в Пухляковском я побывала вместе с хором ветеранов Ростовской атомной станции «Энергия +». Очень благодарна им, что взяли меня в попутчики, и мы довольно плодотворно провели время. Кстати, Волгодонск может гордиться – это уникальный коллектив. Список наград этого замечательного коллектива можно перечислять долго – назову только часть российских городов, где наши ветераны, выступая с концертной программой, оставили частичку свое-

го тепла: Курск, Санкт-Петербург, Белгород, Десногорск, Адлер, Севастополь, Алушта и т.д. В майские праздники 2017 г. хор ветеранов Ростовской АЭС «Энергия +» привёз диплом лауреатов I-й степени с Международного конкурса-фестиваля творческих коллективов «Возрождение России», проходившего в концертном зале московской гостиницы «Космос». А ещё – получил право выступить на Поклонной горе. Это ли не достижение?!

Участники хора благодарны Совету ветеранов, возглавляемому Александром Мурашевым, администрации атомной станции в лице директора Андрея Сальникова, а также председателю профкома Александру Бушневу за постоянную поддержку. А в этом году коллективу впервые удалось попасть на фестиваль «Калининское лето», чему они несказанно рады. На сцене на берегу Дона хор исполнил песню из репертуара Надежды Кадышевой «Россия, Русь!» и казачью песню «Узенький проулочек». Это надо было слышать! Чётко, слаженно, проникновенно... до мурашек. Публика встретила их восторженно. На главной сцене вновь зазвучала песня «Россия, Русь!». По шквалу аплодисментов чувствовалось, что зрители не хотели отпускать исполнителей, но... таков был регламент, а жаль...

Высокое чувство ответственности, которое присуще атомщикам, делает своё дело. Каждый человек в хоре – личность и каждый заслуживает внимания. Благодаря грамотному руководству высококвалифицированного хормейстера Татьяны Воловиковой, а также известных музыкантов Анатолия Думанова и Евгения Голубя, коллектив хора два года назад получил звание Народного. «Многочисленными организационными вопросами хора занимается Евгения Бурланкова – душа коллектива, «зажигалочка», без которой само существование хора немислимо», – поведали мне супруги Михаил и Наталья

Чарупа, известные исполнители песен, в том числе и на слова волгодонских литераторов, кстати, тоже участники хора.

Полагаю, подошло время подробнее остановиться на Литературной гостиной «Новочеркасск в моей судьбе много значит», проходившей в новом ГБУК РО «Раздорском этнографическом музее-заповеднике», расположенным рядом с усадьбой Калинина. Анатолий Вениаминович с 1930 по 1946 г (за исключением военных лет) провёл в г. Новочеркасске, с которым связано становление его как журналиста и писателя. Редактировал газету «Пионер», печатался в «Пионерской правде», позже стал сотрудником газеты «Знамя коммуны».

1941 – 1945 годы работал военным корреспондентом «Комсомольской правды», посылая в газету фронтовые очерки, зарисовки с полей сражений за Ростов-на-Дону, Моздок, Сталинград с линии прорыва Миус-фронта. А какие тёплые, необыкновенно-трогательные стихи он посвящал своей жене Саше, с которой познакомился на фронте. Не каждому дано пронести и сохранить до конца своих дней чувство безграничной любви и уважения к женщине, матери собственных детей, «воплотившей в себе всех женщин, которых мечтал он любить»:

*Перед тем как в бессонное сердце
С дальним эхом войдёт остриё,
Я хочу на тебя насмотреться
Незакатное счастье моё.*

У входа в музей расположилась выставка всевозможных изделий «Дон мастеровой». Зажигательными песнями-плясками встречали гостей цыгане. В музее, помимо делегации из Новочеркаска, собрались поэты, писатели, работники библиотек из Ростова-на-Дону, Константиновска, Зерно-

града, Усть-Донецка, Шахт, станицы Мечётинской (родина Бориса Примерова) и т.д. Дочь писателя – Наталья выступила с приветственным словом к собравшимся гостям, поделилась воспоминаниями об отце. Литераторы знакомили друг друга со своим творчеством.

Я прочла стихотворение «Памяти Калинина», написанное ранее, и несколько лирических, в том числе – новое, актуальное в свете происходящих событий – «Горит тайга», которое у меня сфотографировала корреспондент из областной газеты «Наше время». Наталья Калинина попросила себе листок с посвящением «Памяти Калинина», а мне подписала календарь с фото и стихами Анатолия Вениаминовича: «Тане Мажориной – я поклонница Вашего таланта» и расписалась. Мне это очень дорого. Надеюсь, что смогу оправдать столь высокое доверие. В музей и в школьную библиотеку я подарила по авторской книге «Служение слову», в которую входит очерк о жизни и о поэтическом творчестве Анатолия Калинина. Украшением праздника стали песни в исполнении Ларисы Лаухиной – Заслуженного деятеля всероссийского музыкального общества и Виталия Шевченко – члена Союза писателей Дона (Ростов-на-Дону).

Закончился фестиваль большим гала-концертом, на котором «зажигали» самодеятельные народные коллективы. Одна песня сменялась другой – все они о красоте донского края, которому всю свою жизнь посвятил великий Калинин.

Такая долгая жизнь

Игорь Михайлович Бондаренко

1927 – 2014

Игорь (Гарри) Михайлович Бондаренко (1927–2014) – советский и российский писатель, почётный гражданин г. Таганрога Ростовской области (решение городской думы от 4 сентября 2007 года), автор 34 книг, в том числе, повестей о советских разведчиках «Кто придёт на Мариине», «Жёлтый круг», «Красные пианисты», «Обжалованию не подлежит», «Астрид» и т.д. Произведения писателя издавались боль-

шими тиражами и переводились на немецкий, венгерский, болгарский язык и языки народов СССР. Итак, поговорим о биографии писателя, которая легла в основу романа «Такая долгая жизнь».

Гарри Бондаренко родился в Таганроге 22 октября 1927 года. В этом городе прошло его детство. После расстрела отца в июне 1938 года, объявленного врагом народа, и последующего ареста мамы одиннадцатилетнего паренька забрали родственники в другой район, на Касперовку. В 1942 году он был угнан гитлеровцами из оккупированного Таганрога в Германию и находился в концлагере в «Rostock-Marienehe» в городе Росток, при авиазаводе Эрнста Хейнкеля «Мариене». Лагерный номер 47704. Малолетний узник гитлеровских концлагерей. Участник французского антифашистского Движения Сопротивления (1943–1944 годы).

В 1945 году Бондаренко бежал из лагеря и добровольно вступил в Красную армию, принимал участие в боях в составе войск Второго Белорусского фронта. Сначала, благодаря знанию немецкого языка, попал в полковую разведку. Заканчивал войну шофёром миномётной батареи. После Победы подразделение, в котором служил Г.М. Бондаренко было задействовано в ликвидации диверсионных групп «Вервольф», оставленных гитлеровским командованием на территории Мекленбурга и Померании. Всё это время он вёл записи о пережитых событиях. Первые публикации датируются 1947 годом.

Демобилизовавшись в 1951 году, вернулся в Таганрог и сдал экзамены экстерном за курс средней школы (школа № 2 имени А. П. Чехова) и поступил в Ростовский государственный университет на филологический факультет, который закончил с отличием в 1956 году. После окончания университета работал учителем в посёлке Балыкчи в Киргизии (1956–1958), где преподавал русский язык, литературу, а также организовал курсы автоводителей.

В 1958 году принят литературным сотрудником в редакцию журнала «Дон», а в 1962 году назначен ответственным секретарём журнала, проработав в этой должности около 30 лет. Член Союза журналистов СССР, а с 1970 года принят с Союз писателей СССР. В 1989 году создал издательский кооператив «Апрель». Кооператив выпустил книгу В. Александра «Дело Тухачевского», «Записки начальника контрразведки С. М. Устинова (1915–1920 г.)», романы О. Михайлова, Ю. Бондарева, книги сатириков М. Задорнова, Л. Измайлова, М. Мишина, А. Иванова.

Гарри Михайлович – один из создателей Союза российских писателей (делегат учредительного съезда 1991 года). В 1991 году создал одно из первых независимых издательств России «Мапрекон», которое за семь лет, с 1991 по 1998 год выпустило более миллиона экземпляров книг русской и зару-

бежной классики: И. Бунин, А. Куприн, М. Зощенко, О. Уайльд, Д. Дидро, П. Мериме, Э. Золя, Д. Лондон и другие. С 1991 по 1997 год руководил его Ростовской областной организацией, издавал литературно-информационный журнал «Контур». В 1996 году он купил дом в Таганроге и переехал из Ростова-на-Дону на свою малую родину. Дефолт 1998 года разорил «Ма-прекон».

В последние годы Бондаренко работал над кинороманом «Водоворот». Умер в Таганроге 30 января 2014 года. Несмотря на завещание развеять свой прах над Таганрогским заливом, Гарри Михайлович Бондаренко был похоронен на Аллее Славы Николаевского кладбища в Таганроге. Данные биографии частично взяты из Википедии: https://ru.wikipedia.org/wiki/Бондаренко,_Игорь_Михайлович

1

Остановлюсь более подробно на романе Игоря Бондаренко «Такая долгая жизнь», в котором рассказывается о жизни крепкой, работающей русской семьи Путивцевых, прототипом которой в некотором роде является его собственная семья. Её судьба неотделима от судьбы всего народа да и страны в целом. По большому счёту – это роман-воспоминание самого автора, однако чисто документальным его не назовёшь. Жизнь большой таганрогской семьи связана с важными историческими событиями. Показано предвоенное время, война. В романе дана объёмная картина событий XX века. Поскольку семья большая, то и действующих лиц в книге довольно много: родители, дети, их друзья, сослуживцы, имеющие отношение к описываемым сюжетам. Особое внимание автор уделяет событиям первого года войны, самого трагического, а в эпилоге автор «доводит» своих героев до конца 80-х годов XX века.

Первая книга начинается с того, что за Ксений и Михаилом на санях приезжает брат Михаила Максим, чтобы везти

их на праздник в родительский дом Путивцевых в Солодовке. Второй день Масленицы. Читаю и невольно передаются переживания молодой жены Михаила, будущей матери Володи Путивцева, имя которого ассоциируется с именем автора романа. Со свекровью – Анастасией Спиридоновной – Ксения уже была знакома и называла её мамой. Да и братья мужа ей нравились. «Максим тихий, незлобивый, уступчивый. С ним просто. Алёша – весёлый, задиристый, неугомонный, такой в обиду не даст. Жаль, его нет. Служит. Не знала она только старшего деверя – Пантелея. В пятнадцатом году его призвали в армию. Потом гражданская война. Так больше он и не вернулся в Солодовку. А теперь где-то в Москве. Говорят, большой чин». Но как встретит её многочисленная родня? Кто знает? Очень хотелось, чтобы заметили её заботу о муже, а потому уговорила мужа вместо валенок надеть новые хромовые ботинки, да и сама вырядилась в ботинки сестры. Ведь ехала как на смотрины. А снега в том году выпало столько, что казалось, небеса высыпали весь свой запас. Как заботливо муж ни кутал ей ноги попоной – не помогло – застыли.

Михаил и Ксения были городскими, а большинство жителей Солодовки – выходцы из Украины, и разговоры здесь велись на сочном украинском языке. Ксения замешкалась на пороге, расстёгивая злополучные ботики на одеревеневших ногах. Свекровь, увидев это, всплеснула руками и мигом послала другую невестку в сени, чтобы та принесла таз с холодной водой. Подкупает теплота, забота, чисто человеческое участие простых людей:

– Боже ж мий! – запричитала мать. – Хто ж у таку погоду у такой обувци изде. Проходь сюды. Змерзла? Знимай чулки, ставь ноги у воду.

– Та не надо, мам.

– Знимай, кажу, бо хворобы не мынуваты. Як зашпоры вийдуть, тоди скажешь.

Михаил был секретарём заводского комитета комсомола на металлургическом заводе в Таганроге. Ему в скором времени обещали дать квартиру, а пока они жили у тестя в станице Виноковской – также в большой и дружной семье простых сельских тружеников. Сеяли хлеб, держали огород, занимались обычным крестьянским делом. Правда, притирались некоторое время. Молодой зять вначале пришёлся не по нраву Тихону Ивановичу – гордый, а у самого даже угла не было. Ютился у товарищей, то у одного, то у другого. «Голодранец, одним словом. А к тому же ещё и безбожник». Но со временем тесть стал покладистее, мягче. Михаил был работающим, жизнерадостным, хорошо знал крестьянское дело, любил и жалел его дочь Ксеню.

Так что со временем главе семейства никак не хотелось отпускать дочь с зятем в город.

На заводе, на смену устаревшему, строился мощный мартеновский цех с печами на двести пятьдесят тонн. Должны были пустить новотрубный цех. Оборудование для него закупили в Германии. Каждый комсомолец должен был еженедельно отрабатывать по шесть часов на строительстве. Михаил понимал, что личный пример имеет немаловажное значение, а потому и сам трудился, не покладая рук. На заводе работала группа немецких специалистов-консультантов, но всё строительство, от фундамента под цех до монтажа, вели русские. По договору с фирмой «Меер» пуск станов должны были произвести немцы, на этом настаивал и весьма осторожный зам секретаря парткома Ананьин, однако секретарь парткома Романов решил доверить это русским рабочим под свою ответственность. Михаил был того же мнения. Одна-другая труба с пронзительным визгом скатились на металлические подставки. Есть! Победа! Но с третьей – случился казус, кстати, вполне исправимый. А чем это позже обернулось для Романова и Путивцева – оставлю интригу для читателя.

Помимо интересного динамичного развития сюжета, привлекает внимание образный художественный язык писателя. Вот как Игорь Бондаренко описывает наступление весны:

«Небо над землёй висело тяжёлое, набухшее влагой, хмурое. И так длилось до середины марта, когда вдруг с крыш закапало.

Пришла весна. Солнце забралось повыше, дохнуло жарко на сугробы, и потекли из-под них, образуя прогалины, весёлые, неумолчные ручьи. Пенились на запрудах, но неотступно пробивали себе дорогу к Красному яру.

В полдень под солнцем земля парила вовсю. Густой, сытный дух исходил от неё, и лежала она, влажно-чёрная, размлевшая от тепла, ожидая семян».

Пришло время ближе познакомиться читателя с братьями Михаила. Следующий за ним Максим. Тихий, молчаливый, хрупкого сложения от природы, именно на площадке пильгерстана он чувствовал себя сильным и уверенным. Когда соседний стан стал на ремонт, Максим после смены помогал механикам, стараясь докопаться до внутренностей. Простой работника обнаружил связь между размером валков и скоростью выхода трубы из пильгерстана*, сказал о своих размышлениях инженеру. Его рацпредложение принесло большую выгоду заводу. Максима оценили по достоинству не только на работе. Жена теперь почти не перечила, а мать, довольная, тайно вздыхала: «И шо с Максимом робыться, як на свит народився».

Вернулся из армии Алексей Путивцев – самый младший из братьев и тоже поступил на завод. Поработал некоторое время машинистом завалочной машины – не легла душа, перебрал ещё несколько профессий – снова не то. Сталелитейщика из него не вышло. Максим взял его к себе помощником

---

* двухвалковый трубопрокатный стан ... два шага вперёд, шаг назад.

на пильгерстан. Но и здесь брат не нашёл себя. Потом устроился слесарем в гараж. Мотор и механизмы он знал. «На танке только фрикционы, а здесь – руль», – рассуждал весёлый, бойкий паренёк. Работа захватила. А когда сдал права на шофёра и получил старенькую разбитую полуторку, то провозился с ней около месяца. Гараж не отапливался, доски кое-где прохудились, через щели ветер наносил снег. Утром водители бежали за горячей водой в котельную, чтобы отогреть радиаторы. Но Алексей именно здесь нашёл своё место.

Интересна и насыщена событиями судьба самого старшего из четверых братьев Путивцевых – Пантелея. В авиации с 1922 года. После гражданской войны, по направлению партии, окончил лётную школу. Командовал сначала эскадрилейей, а потом – полком бомбардировщиков. В 1928 году, когда он стал комбригом, командующий Военно-Воздушными Силами страны Я.И. Алкснис предложил ему переехать в Москву и возглавить группу лётчиков-испытателей. Жена Пантелея – Анфиса несказанно обрадовалась назначению мужа. Одиннадцать лет они мотались по стране: Дальний Восток, Закавказье, Средняя Азия. Наконец-то у них будет постоянное комфортное жильё, а у их подрастающей дочери Инны – приличная школа.

Каждый вызов в штаб ВВС вносил какие-то коррективы в их жизнь. И снова Пантелея послали в командировку, теперь в Германию, в качестве «купца». Ему предстояло в Ростове опробовать в полётах и купить для СССР самолёт на авиазаводе Эрнста Хейнкеля «Мариене». В Германии в тридцатые годы разыгрался кризис, а потому предприимчивых промышленников устраивал любой покупатель, пусть даже из страны Советов. На этот раз Анфиса и дочь не поехали с ним, а пришли на вокзал проводить. Удивило обилие кожи, бронзы и бархата в вагоне. В последнюю минуту подбежал Юра Топольков – пере-

водчик. Как встретит их нацистская Германия? Одному Богу известно...

Во время кризиса в Германии у избирателей росло доверие к коммунистам, но среди рабочих не было единства. Буржуазные партии прочно держали экономические рычаги и фактическую власть. Необходимо было укрепить власть и раз и навсегда покончить с коммунистами, создав новую партию для борьбы с ними. Во главе её стал Адольф Гитлер. Всё чаще его имя мелькало в газетах. Располагая множеством документальных материалов, Игорь Бондаренко умело помещал их в текст:

– Он, кажется, австриец по происхождению, а его настоящая фамилия – Шикльгрубер? – как-то спросил Пантелей Афанасьевич у Тополькова.

– Да, он родился в Браунау, неподалёку от германской границы. Гитлер – это видоизменённая фамилия его деда – Георга Гидлера. Отец Гитлера, Аллоиз Шикльгрубер был внебрачным сыном Георга Гидлера, он взял себе фамилию Гитлер, потом её получил сын – Адольф.

– А кем был Георг Гидлер?

– Он был бродягой. Гитлер тоже какое-то время бродяжничал, ютился в ночлежках для бездомных. Начало войны застало его в Мюнхене, и он вступил в Баварскую армию.

– Это я знаю, – сказал Пантелей Афанасьевич.

– В начале двадцатых годов Гитлер был комичной и малозаметной фигурой на политической арене... Теперь же, он лидер национал-социалистической партии. Его поддерживают промышленные магнаты.

А между тем тучи над страной Советов и, в частности, над металлургическим заводом тоже сгущались. Зам секретаря парткома Ананьин, благодаря неусыпной бдительности, дослужился до чина зам начальника городского отдела НКВД.

Во время собрания по выдвижению кандидатов в депутаты Верховного Совета он «выявил» скрытых троцкистов. И снова судьба схлестнула его с Михаилом Путивцевым, который занимал на тот момент пост первого секретаря горкома. Хорошо зная рабочих, он разобрался по существу и не дал их в обиду. В итоге Пленум крайкома освободил Михаила Афанасьевича от занимаемой должности «в связи с переходом на другую работу». Но этим, надо полагать, дело не кончится...

2

Книга вторая начинается с праздничного стола, за которым фюрер собрал свою «маленькую» национал-социалистическую семью. «В центре в хрустальной вазе стояли живые цветы, яства же были обычными для каждой немецкой семьи в сочельник сорокового года: отварной картофель, овощная и мясная подлива к нему, рыба под маринадом, и только жареный гусь напоминал о довоенных временах». Адольф Гитлер сидел во главе стола. По правую руку – адъютанты, личный шофёр, камердинер, слева – секретарши, стенографистки – все в кипенно-белых блузках, аккуратно и строго причёсанные; в конце стола возвышалась шарообразная фигура доктора Тео Морелля. Когда подали мясную подливу, фюрер «решительно отодвинул тарелку и полушутя-полусерьёзно сказал, что все, кто ест мясо, – вурдалаки!» Оказывается, человек, покоровший на тот момент чуть ли не пол-Европы, не мог смотреть, как волокут на смерть несчастных коров. Гертруда Юнге – самая молоденькая из секретарш была растрогана до слёз и считала за честь, что имеет возможность дышать одним воздухом с эти необыкновенным человеком.

На самом деле, каждый такой обед был своеобразным спектаклем, рассчитанным на то, что «зрители», сидящие с

ним за одним столом, понесут молву о нём в массы, и это воздействие на умы подданных третьего рейха окажется в разы сильнее, чем информация из нацистских газет. Мало того, великий вождь германского народа вручал каждому уходящему гостю маленькую искусственную ёлочку, кулёчек с продуктами и пожелание хорошо провести рождественские каникулы.

В последнее время он всё чаще задумывался о боге. «В сущности, что такое Христос? – рассуждал Гитлер – не более чем легенда, существующая около двух тысяч лет. Однако, не так-то легко её вытравить из сознания людей. Это можно сделать, только создав новую религию. И я создам эту религию. Религию национал-социализма!» На бляхах немецких солдат Гитлер распорядился выбить слова «Gott mit uns», то есть «Бог с нами». Именно в своём лице он ощущал бога земного и бога небесного. Мюнхенское издательство напечатало молитву солдата, в которой фюрер собственноручно внёс небольшую поправку: в строке «Дай детям насладиться счастьем», заменил последнее слово, чтобы читалось не «счастьем», а «миром». А логика такова: «Готовишься к войне – говори о мире». Он не мог вспомнить, кому принадлежало изречение, но то, что ему нравилось, он, несколько перефразировав, нередко выдавал за своё. Пятимиллионный тираж «Молитвы солдата» перед Рождеством был разослан во все воинские части, дислоцированные в Германии, Франции, Бельгии, Голландии, Дании, Норвегии, Греции и Югославии... Где бы не находился германский солдат, пусть даже в знойных песках Африки, он должен был встретить Рождество Христово молитвой о фюрере...

«Его апостолами могли стать Рем, Штрассер! Но они не захотели... Пришлось их устранить! Теперь его апостолы – Геринг, Геббельс...» Гитлер умел манипулировать людьми, играя на их слабостях. Рейхсмаршал Геринг имел страсть к наградам, а также к махинациям и стяжательству. У Геббельса куча

детей и шашни с киноактрисами – всегда есть чем прижать. А поскольку Гитлер себя стал ассоциировать с богом, то он тоже прощает кающихся грешников. Есть и у него – великого вождя немецкого народа свои слабости: рождён от грешной женщины – раз, имеет сводного брата Алоиза, который держит пивную на окраине Берлина – два. И самая главная слабость – Ева! Быть может, это и не слабость вовсе, а женщина с библейским именем должна была стать его подругой? Не женой. Нет. Другом. Ведь он уже женат. На Германии...

Семнадцатилетняя Ева Браун познакомилась с Гитлером ещё в 1929 году, работая в фотоателье Генриха Гофмана. К нему на чёрном мерседесе частенько приезжал некий господин Вольф по каким-то неведомым ей делам. Девушка обратила внимание, с какой почтительностью относится к нему хозяин. Вольф (а это и был Адольф) постоянно ходил с хлыстом в руке. Однажды Гофман сказал ей: «Это великий человек, Ева... Скоро его хлыста будет бояться не только Германия, но и весь мир». Фрейлин Браун была польщена, что этот господин выделил её среди остальных сотрудниц... В 1936 году Гитлер купил подруге особняк в Мюнхене. Отец Евы, прежде выражавший неудовольствие по поводу свободных отношений, после такого подарка успокоился и даже 1 мая 1939 года вступил в партию фюрера.

Однажды Гитлер, выступая перед учёными и деятелями культуры произнёс такую речь: «Несмотря на все попытки запретить войну, она продолжает оставаться законом природы. Так же как и в животном, и в растительном мире, борьба в человеческом обществе является основой для человеческого существования». Далее он сетовал, что географическое положение страны в центре Европы ставило её в невыгодное положение. Запад густо населён, а Восток – беспределен. Да и люди там более низшей расы – недочеловеки. Прослушав такую речь, Хавель, тогда ещё ассистент профессора-

антрополога Фишера, быстро смекнул, что нужно оставить историю и срочно заняться антропологией в «правильном направлении». Усилия не пропали даром. Через год он сам стал профессором и был вызван к Гитлеру на беседу.

– Вопрос о жизненном пространстве для немецкой нации навсегда будет решён, если граница третьего рейха пройдёт по линии Обь-Иртыш-Тобол, выйдет к Аральскому морю, через Грузию и Чёрное море и далее вот так. – Гитлер сделал неопределённое движение пальцем, прочертив ряд европейских стран, и остановился на берегу Бискайского залива.

– Захватывающая перспектива, мой фюрер, – почтительно заметил профессор.

– Это не перспектива, Хавель. Это задачи этого года... – Гитлер снова внимательно посмотрел на профессора, стараясь на его лице прочесть, какое впечатление произвели его слова на Хавеля.

– Восхитительно, мой фюрер! – неподдельно изумился профессор.

Далее Хавель, выслуживаясь перед Гитлером, предложил несколько способов подорвать биологическую силу народа, пропагандируя аборт, массовую стерилизацию, максимальное сокращение численности русских врачей и т. д. Но фюрер пошёл ещё дальше, высказав мысль об обязательном разъединении славян, к примеру, увеличить число украинского населения за счёт русских. Это рано или поздно приведёт их к конфликту. «Пора раз и навсегда покончить с интернационализмом – химерой, выдуманной большевиками. Даже русским, живущим, скажем, в Ярославле, необходимо внушать, что они лучше русских, живущих в Туле». Договорились до того, что если славянин осмелится лечь в постель с немецкой женщиной, то смертная казнь ему неминуема. Хенкель не знал, что

Гитлер, готовясь к выступлениям, отрабатывал речь в узком кругу. Ему достаточно было даже одного слушателя. Выражение лица – каждый жест – ничего не ускользало от внимания Гитлера.

Советский пресс-атташе в Берлине Юрий Васильевич Топольков летом 1940 года наконец получил отпуск и смог проведать родных в Усть-Лабинске Краснодарского края. Не терпелось увидеть и любимую девушку Машу, которой до сих пор не признался в своих чувствах. Дипломатическая работа забирала всё личное время. Родные настаивали, чтобы он женился, а Юрий по-прежнему не решался объясниться с девушкой. Отпуск быстро закончился – договорились писать друг другу. И только в письме он признался в любви и пригласил к себе. Опасался отказа, видимо, из-за разницы в возрасте. Маша тоже очень любила Юрия, но ей оставался год до окончания университета. Свадьбу справили зимой, в следующий его приезд. Топольков вернулся к месту работы, занялся оформлением документов, необходимых для выезда жены в Германию. За довольно сносную цену снял подходящий дом с гаражом и садом и с нетерпением ожидал Машу.

14 июня было опубликовано заявление ТАСС. «Ещё до приезда английского посла в СССР, г. Крипса, – говорилось в нём, – особенно после его приезда в английской и вообще в иностранной печати стали муссироваться слухи «о близости войны между СССР и Германией». Далее разложено по пунктам почему этого не может быть, поскольку обе стороны неукоснительно соблюдают условия советско-германского пакта о ненападении. Доводы Тополькова, собравшего обширные сведения и убеждавшего советского посла в обратном, не возымели успеха. Дома его ожидало письмо от Маши, сообщившей, что очень скучает и что через пару дней получит диплом. 20 июня, в крайнем случае – 21 выезжает к нему. Юрий Васильевич хотел через дипломатическую почту передать ей, что-

бы повременила с отъездом, но пользоваться почтой в личных целях запрещено. Написал ей письмо, но германское министерство уже получило приказ о задержании корреспонденции в Советский Союз...

Всё, что происходило с Машей в последнее время, было похоже на сон. Она в поезде! Счастье переполняло молодую женщину. Скоро, совсем скоро она увидит своего Юру! Он скоро станет папой. Они никогда-никогда не расстанутся... Несколько раз доставала из сумки свою «краснокожую паспортину». Стихи Маяковского так и крутились на языке. Ещё и попутчица – Мария Ивановна – попалась добрая, общительная, хорошо знает Берлин. Поезд долго задержали в Бресте, вагоны переставляли на суженую колею. 21 июня 1941 г. поезд Москва – Берлин около полуночи пересёк государственную границу. Дальше – без остановок. Откуда им было знать, что получен приказ ни в коем случае поезд не задерживать, а как можно скорее направить его вглубь Германии, чтобы никто из пассажиров не заметил, что на запасном пути разгружался эшелон с танками.

Во время короткой остановки в пути в задний пустой вагон погрузился отряд фельджандармерии, который должен был сопровождать поезд до Франкfurта-на-Одере. Там ожидали тюремные автобусы, которые должны доставить советских граждан в лагерь для интернированных под Нойбранденбургом. Мария заснула только под утро. Резкий, грубый окрик оборвал сон обеих женщин. Перед ними стояли вчерашний жандарм и переводчик в клетчатом:

- Ауфштейн!
- Что случилось?
- Война!
- Война? С кем?
- Германская армия перешла границу России. Конец Советам!

Переводчик из прибалтийских немцев не скрывал своей ненависти.

– Как же так? – растерялась Мария Ивановна

– Вставай, большевистская курва!..

Откуда только у Маши взялась смелость.

– Вы не имеете права нас оскорблять! Мы будем жаловаться!

– Жаловаться будешь господу богу, – сказал он Маше. – Да и тот не примет твоей жалобы: ведь у вас, у большевиков, даже бога нет!..

Всех советских пассажиров, не останавливая поезда перегнали в последний вагон под присмотр жандармов. «Ничего, – подумал прибалтиец, – он ещё отыграется на этой молодой да строптивой в лагере. Всему своё время».

А Топольков ждал письма от жены... 22 июня утром за ним заехал коллега – корреспондент их американской газеты и привёз весть о нападении Германии на Советский Союз. Они поехали в посольство. В машине работало радио. Топольков сразу узнал голос Геббельса. Министр пропаганды зачитывал правительственное заявление, в котором говорилось, что русские исподтишка готовили удар по Германии. «Только прозорливость фюрера спасла немецкий народ от гибели – Германия нанесла упреждающий, превентивный удар...» Брэндэндж отговаривал его, однако Юрий решил, что нужно быть в посольстве, несмотря ни на что. Не успел Топольков выйти из машины, как к нему направились трое эсэсовцев.

– Аусвайс! – тоном приказа сказал старший по званию.

Топольков протянул своё журналистское удостоверение.

– Господин Тополькоф? Следуйте за нами.

Его грубо втокнули в подкативший «опель», и машина быстро рванула с места. «В гестапо!» – мелькнуло в голове у Юрия...

Каждый из братьев Путивцевых волею судьбы оказался на разных фронтах. Весёлый, неугомонный, задорный Алексей встретил свою смерть в тяжелейшем танковом сражении под Перемышлем в первые дни войны. Михаила по просьбе генерал-лейтенанта Шатлыгина помог вызволить из-под ареста маршал Тимошенко. Его назначили начальником строительства укрепленного района на границе. Позже, по настоянию опять же Шатлыгина, Михаил выпускал фронтовую фотогазету, был ранен под Вязьмой. В декабре, после госпиталя, батальонный комиссар Путивцев и два фотокорреспондента «Фронтовой иллюстрации» вылетели на Тамань. Михаил бежал в первых рядах наступающих, и когда атака чуть было не захлебнулась из-за смерти старшего лейтенанта, он поднялся, зачем-то отряхнул полы шинели и закричал: «За мной! За Родину!..» Врага выбили, но разрывная пуля нагнала в бою. «Комиссар!» – это последнее, что он успел услышать...

Пантелей Афанасьевич на одном из подмосковных аэродромов разыскал 332 тяжелобомбардировочный полк В.И. Лебедева, к которому был прикомандирован, и сразу же получил задание. Необходимо было лететь на остров Саарема в распоряжение майора Жаворонкова. Балтийцам нужно было совершить дерзкий вылет на столицу Германии. Много, очень много советских самолётов уничтожено в первые дни войны. Уничтожено прямо на аэродромах, не успев взлететь. Ставка Главного Командования приняла решение нанести ответный удар по Берлину, так как гитлеровские бомбардировщики сполна сыпали свои смертоносные бомбы на Москву. «Фашистская пропаганда раструбила на весь мир, что у русских нет больше самолётов, а потому полёт на Берлин имеет особое политическое значение. Пусть Гитлер, Геринг и вся фашистская свора почувствуют сокрушительные удары нашей якобы

несуществующей авиации, – с таким напутствием обратился майор к лётчикам».

Пятнадцать тяжелогружённых машин впервые отправились на опаснейшее задание. Высота 6000 м, температура за бортом минус 38. Кислородные маски и стёкла очков покрывались ледяной плёнкой, руки застывали даже в перчатках. И наконец у цели. Берлин залит ярким сетом. Немцам и в голову не могла прийти такая дерзость со стороны русских. Пока они опомнились – Силезский вокзал был разбомблён, листовки сброшены. Конечно, не все экипажи вернулись на аэродром, но здорово проучили гитлеровцев. Экипажу Путивцева удалось вернуться живыми. Самое интересное то, что радисты поймали сообщение, что в ночь с 7 на 8 августа группа английских бомбардировщиков бомбили Берлин. Шесть самолётов сбито... Лондон же передал, что из-за плохих метеословий в прошлую ночь английская королевская авиация налёта на Германию не предпринимала...

Когда не стало Михаила, Ксения с сыном переселились на Амвросиевскую. Володя был маменькиным сыночком. До четвёртого класса она водила его в школу. Теперь ей пришлось устроиться на работу, а сын был предоставлен сам себе, то есть попал под жестокое влияние улицы. Не раз, обиженный, Вовка забирался в густой терновник во дворе, чтобы никто слёз не видел. Но прошло время, и он сам запросто мог дать сдачи любому из сверстников, а дружба с Ванькой Смирным ещё больше укрепляла его положение. «Ванька тот приёмы всякие знает, любого уложить может и без ножа обходится», – случайно проговорился Вовка дядьке Пантелею.

Однажды Вовка прибежал домой возбуждённый. У городского театра прочитал сводку Совинформбюро. «Значит, в Таганроге есть подпольщики», – сделал вывод паренёк. А было ему на ту пору четырнадцать лет. Он не имел возможности слушать радио Москвы и не знал пока, как связаться с подполь-

щиками, но решил сочинять стихи о Родине и вывешивать их на заборах, на домах. Ночью написав первое стихотворение о заводе, наутро не терпелось его кому-либо прочесть. Мама прослезилась, услышав стихи сына. Как-то его дядя Максим, которого не забрали в армию по состоянию здоровья, принёс с завода стихи и весьма недурно о них отозвался. Это придало уверенности. В конце концов Володе удалось выйти на Юрия Пазона – комсомольца, что размещал сводки Совинформбюро, и даже передать ему свои стихи о пионерском галстуке.

Ванька Смирный, выпросив у матери денег, предложил другу пойти на базар и купить лепёшку. Там ребята попали под облаву. Домой они уже не вернулись. Ксения, узнав об этом, как безумная бросилась на призывной пункт, но опоздала. К её ногам прибился какой-то листок. Не помня себя, подняла его. «В Великой Германии вас ждёт счастливая жизнь» – всё, что она смогла прочесть. Нестерпимая боль отозвалась в сердце. Погиб Михаил, умерла крошечная дочь от слабости и недоедания, а теперь и Володя, совсем ещё мальчик, уехал неведомо куда. Стоит ли жить дальше? Слёзы лились, не переставая...

А Володю в это время гнали по истоптанному шляху в Мариуполь. Тысячи ног шаркали по пыли, и лёгкое облачко тянулось следом. Погода стояла сухая, солнце припекало. В горле пересохло, ноги налились тяжестью. Впереди, по бокам и сзади шагали полицаи с собаками. В Мариуполе их должны были погрузить в теплушки. На ночлег остановились в бывшей школе. Спали на голом полу. В Перемышле, на границе, их эшелон простоял почти сутки. Здесь была баня, прожарка одежды, дезинфекция. Влажная одежда отвратительно воняла, плохо натягивалась на мокрое тело. Чуть замешкаешься – резиновая дубинка надсмотрщика мигом прогуляется по телу. Через две недели добрались до Берлина.

Володя попал в Росток, на авиационный завод Эрнста Хейнкеля, именно тот, на котором его дядя Пантелей испыты-

вал самолёты до войны. Партию пригнанных русских временно разместили в пустующем здании заброшенного клуба на окраине города. Семьсот деревянных двухэтажных нар заполнили весь этаж. И на втором – триста. Перед подъёмом к ним бесшумно входили вахманы (полицаи) с собаками и по команде, застоявшиеся овчарки прыгали на спящих, стягивали одеяла, скалили зубы, но... не кусали. У вахманов из рукавов выскользывали змееподобные гуммы (резиновые хлысты). Каждый работник в день получал двести пятьдесят грамм чёрного, липкого, чуть сладковатого хлеба их жмыха, бурака и хлебных отходов. Русские называли его «кюхен» (пирожное). Всего на заводе трудились двадцать тысяч насильно пригнанных рабочих из разных стран. На самой низкой ступеньке социальной лестницы были русские.

Жизнь в лагере и на работе всё время происходила на людях. И только ночью, на нарах под одеялом, Володя Путивцев мог быть наедине с самим собой. Мысли о побеге не давали покоя. Как-то Ваня Смирненко украл несколько картофелин – его так «отходили» гуммами, что он еле доплёлся до лагеря, а ночью повесился в уборной. Володе долго ещё мерещился повешенный с посиневшим и перекошенным лицом. С кем теперь поделишься? Кому откроешь душу? Как в пустыне... У всех в глазах смертельная тоска. Все бесправные, униженные, голодные, битые, безразличные ко всему. В таких условиях шло не только выживание, но и взросление парня.

Позже Володя сдружился с двумя шахтёрами из Донбасса – Степаном Степановым и Зуевым (представился по фамилии). Оба скрыли от немцев свою профессию, а Путивцеву, по молодости лет, и скрывать-то было нечего. Из чернорабочих и образовывали «транспорткоманде». Приходилось таскать тяжёлые ящики, мешки с цементом по семьдесят пять килограмм, разгружать вагоны с древесными чурками для газогенераторных автомобилей и т.д.

В 1943 году Володе и Степану пришлось пару месяцев поработать в крематории. Из Барта в Росток (в Ростоке крематорий мощнее) приходили деревянные, грубо сколоченные, неокрашенные гробы. Одна команда перегружала их в большие грузовики с прицепом – другая – вынимала из гробов скелеты, обтянутые кожей, сжигала их и возвращала «тару» обратно.

– Не бойся, – сказал Степан. – Мёртвых бояться не надо. Мёртвые плохого не сделают...

– Бежать надо, дядя Степан...

– Бежать?.. Это верно, но бежать надо не на виселицу... Как те трое... Присмотреться надо. А пока, Вовчик, будем бедовать... да работать так, чтобы немцам проку от этого мало было...

Именно так они и работали. Путивцев понял, что ему доверяет старший товарищ. На «промысел» обычно ходили втроем: Степан, Зуев и Володя. «Главное – не бояться. Идти смело, будто на работу», – наставлял Степан и шёл, как обычно, шоркая по асфальту деревянными колодками. Он каким-то образом смог раздобыть приспособление для пломбирования вагонов. Зуев ступал мягко, как рысь на добычу и умел распознавать нужный вагон. Володя стремился подражать ему. Отдвигали ломиком доски, пробирались в вагон и переставляли там ящики так, чтобы при малейшем толчке поезда они падали, и содержимое (а там были лопасти пропеллеров) выходило из строя. Степан стоял в карауле, а потом пломбировал вагон, как ни в чём ни бывало. Претензии завод выставлял железнодорожникам... Портить лопасти пропеллеров – это хорошо. Но сердце самолёта – мотор. Степан предложил через отверстия для свечей в цилиндре подсыпать песочка. На таких самолётах много не налетаешь. Но делать это лучше возле сборочного цеха. Там ящиков скапливалось очень много – есть где спрятаться и вокзал вне подозрений. «Тише едешь – дальше будешь», как говорится. Но туда ещё нужно попасть.

В лагере Володя познакомился с Эммануэлем – участником французского антифашистского Движения Сопротивления. В воскресенье, когда на заводе работали только «транспортники», пришло несколько вагонов с моторами. Эммануэль и Володя поехали к сборочному цеху на электрокране. Разгрузили эти моторы. Машина пошла во второй рейс. Между каждой разгрузкой проходит около получаса. Нужно управиться. Открыли ломиком металлическую застёжку на одном из ящиков и подпёрли этим же ломиком, чтоб она не закрылась. Француз пошёл к крану. Володя свечным ключом вывернул предохранительные пробки из головки цилиндров. Свернул бумажный кулёк. Вставил его в отверстие под свечу, сыпанул песка, тщательно протёр поверхность. Ввернул на место предохранительную пробку. Такую операцию проделывал с каждым цилиндром. Однажды Эммануэль возился с краном – там что-то не заладилось – и «прошляпил» полиция. Сигнал подал поздно. Володя успел закрыть крышку, но не успел спрятаться. Как объяснить полицию, что он здесь делает? Чем всё это кончилось? Как он остался жив? И как ему удалось сбежать из лагеря? Много, очень много событий осталось «за кадром». Ответы на все вопросы читатель получит, если прочтёт роман Игоря Бондаренко «Такая долгая жизнь».

В романе использованы документальные материалы. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B0%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B4%D0%BE%D0%BB%D0%B3%D0%B0%D1%8F_%D0%B6%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D1%8C_%D1%80%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D0%BD Консультантом у автора был командир 81 авиадивизии, один из первых Героев Советского Союза М. В. Водопьянов и главный штурман полярной авиации СССР В. И. Аккуратов. В книге автор сохранил подлинными имена лётчиков, которые летали на Берлин, командиров 8 мех. корпуса генерал-лейтенанта Рябышева, которо-

го автор хорошо знал лично. В романе также показана работа наших дипломатов в Берлине и в Лондоне в годы войны. Сведения о личной жизни Гитлера автор тоже построил на документальной основе. Встречался с личной стенографисткой Гитлера Гетрудой Юнге. Открытие второго фронта в Нормандии в 1944 году также находят отражение в романе.

22.05.2019.

Прости, Российская Словесность

Анатолий Дмитриевич Ансимов
1934 – 2002

*Здесь – даль направо, а налево – ширь,
Которым нет ни края ни предела.
Здесь всплывает в камыше ласкирь –
Спасается от цапли снежно-белой.
Здесь дом – курень, а двор при доме – баз.
И здесь – себя старушкой не считая –
Лазоревым цветком в закатный час
Нет-нет и вспыхнет «Пчёлушка золотая...»*

Щемяще-проникновенные, очень простые, но мгновенно берущие за душу строки из стихотворения замечательного поэта, верного сына земли донской – Анатолия Дмитриевича Ансимова. Прошло шестнадцать лет, как его нет с нами, а стихи живут и будут жить, в чём я несколько не сомневаюсь. Да и может ли быть иначе? Судите сами, насколько ощутимо человек чувствовал единение с природой, умел точно подобрать каждое, написанное им

Слово, которое непременно сработает, уведёт читателя в мир лирических переживаний автора:

*По детству тоска? Нет, пожалуй, здесь больше, иное:
Щемит не о прошлом – о будущем сердце моё.*

*Качается степь на волнах августовского зноя.
И около сердца топорщится колко жнивье.*

Не любя своё исконное, родное – так не напишешь, а потому – верю каждому слову автора. Родился Анатолий Ансимов 7 ноября 1934 года в городе Ростове-на-Дону. Отец – Дмитрий Михайлович работал на «Ростсельмаше». С первых же дней Великой Отечественной войны добровольцем ушёл на фронт. Погиб под Вязьмой. Лишившись кормильца, мать – Анастасия Романовна, переехала в хутор Ново-Лодин Зимовниковского района Ростовской области. Не имея профессии, одна воспитывала сына и дочь и до конца своей жизни гордилась, что она, всего с двумя классами церковно-приходской школы, смогла дать обоим детям высшее образование. Тяжёлые годы оккупации оставили свой отпечаток в сердце будущего поэта. Позже он писал:

*... Ну куда же от прошлого деться?
Год за годом он входит в мой стих –
Мир, делёный на «русских и немцев»,
Мир, делёный на «нас и на них».
Небо землю фугасами пашет
И дождём «зажигалок» кропит.
И хоть редко заморские «наши»
Присылают тушёнку «порк мит».
С кукурузным рассыпчатым хлебом
Ничего нет вкуснее её.
А чтоб завтра накормленным мне быть
Мать стирает чужое бельё...*

Понятно, что семья жила впроголодь. Мало того – в постоянном страхе. Не жила – выживала. Хутор был освобождён от оккупации в 1943 году:

*Ах, как страшно пацану-то!
Задыхаясь на ходу,
С самолётом птицу спутав,
Я бросаюсь в лебеду.
Жду. А бомбы всё не падают.
Я краснею от стыда.
Защищать меня не надо
От бомбёжки, лебеда!
Никогда не станут небылью
Сорок-горькие года.
Клин гусиный в низком небе.
Горько пахнет лебеда...*

В 1952 году Ансимов закончил ростовскую школу № 78, но этот маленький хуторок из детства, пусть тяжёлого, пусть военного, но всё-таки светлого, просто потому что из детства, навсегда врезался в память:

*Ветром былинным насквозь он пропах –
Крохотный хутор в тюльпанных степях,
Полузабытая русская сказка.*

Далее, обучаясь в Новочеркасском инженерно-мелиоративном институте, Анатолий Дмитриевич стал публиковать в молодёжной газете «Комсомолец» свои первые стихи и короткие заметки «на злобу дня». Парня заметили и по окончании института в 1958 году пригласили работать в «молодёжку». С тех самых пор он 34 года не расставался с профессией журналиста, «до седьмого пота» работая в различных должностях и в «Вечернем Ростове», и в многотиражной газете «На стройке», и в «Молоте». Диплом инженера-гидромелиоратора так и не пригодился, а журналистика в его лице приобрела талантливого литератора. Но не только поэзия была страстью Ан-

симова. С детства он увлекался футболом – позже успешно играл в составе сборной команды г. Ростова-на-Дону:

*Когда меня газон футбольный
С размаху принимал на грудь –
Случалось, мне бывало больно.
Да что там – больно! Не вздохнуть!
Как жалобно тогда просили
Покоя тело и душа.
Но если встать хватало силы,
Вставал, в игру вступить спеша.
Не то, чтоб был незаменим я,
Но – не жалея битых ног –
Я тем своё мужское имя
И совесть в целости берёг.*

Как человек разносторонний и достаточно эрудированный, он много читал, очень серьёзно относился к истории страны в том числе и Дона, увлекался шахматами, принимал участие в турнирах. Но поэзия – это его жизнь, его стихия. Не оставят читателя равнодушным стихи, которые поэт слагал о любви. Немногословные, ёмкие, понятные всем и каждому:

*Ах, как волосы твои пахнут!
Летним зноем, грозой, пылью...
Словно в синих задонских степях мы
Заплутали июньской синью.
Словно нет ни дорог ни тропок –
Только травы да солнце в небе.
Я касаюсь губами робко:
Твои волосы – быль и небыль.*

Позитивные, добрые, светлые и, что особенно притягивает – удивительно-искренние. Автор любовь ассоциирует с колдцом, «где со дна бьёт вода живая». Трогает откровенность, быть может, даже исповедальность человека, знающего истинную цену словам:

*Не бойся за меня! Я нежный.
Под шелухою жёстких слов
Я прячу робкую надежду
И беззащитную любовь.
Не бойся меня! Не надо!
Ведь мы с тобой ещё должны
Открыть в печали звездопада
Цветы проснувшейся весны...*

Далеко не всё гладко было у автора как в жизни, так и в любви, а потому он хорошо знал цену не только радостям, но и потерям, от которых никто из нас не застрахован:

*Холод – это не только лёд.
Холод – это не только снег.
Холод – это когда уйдёт
От тебя родной человек.
Пустота – ни измерь, ни взвесь,
Только боли холодный ком.
Говорят, полюс холода есть?
Точно есть. Он в тебе самом.*

Пройдёт 25 лет со времени первых публикаций, когда он начнёт наконец выпускать собственные книги, хотя стихи писал с юности. Зрелые, взвешенные, выстраданные. То ли журналистика забирала много времени, то ли наоборот помогала, расширяя горизонты его кругозора. Так это или иначе, но пер-

вая книга поэта «Полюс тепла» вышла в 1979 году. Вторая – «День приезда» – спустя семь лет и ещё через три года тот же Ростиздат выпустил третью, которая так и называлась «Третий раунд». Всю жизнь прожив на Дону, он, конечно же, очень любил рыбалку и находил в ней особое удовольствие:

*А мне опять приснился Дон весенний.
Плясали лодки на крутой волне,
И чебаков стремительные тени
Невидимо скользили в глубине.
Ах, сколько рыб упустишь ты сначала,
Чтоб научиться сердцем трепеща,
Стонать во сне январскими ночами,
Увидя клёв апрельского леща...*

Как человек довольно открытый, к тому же, далеко неравнодушный, он не мог обходиться без стихов гражданской тематики, в которых чётко обозначал свою позицию: не ловчил, не хитрил, не гнался за карьерой и прочими благами. Полагаю, будет уместно процитировать авторское стихотворение «Дублёнка»:

*Мой знакомый достал дублёнку.
Он обновке заметно рад.
Ах, с каким сделан вкусом тонким
Древнерусский этот наряд!
Да, красавец! Любимец удачи
Он с улыбкой мне говорит:
«Ну, естественно, дал додачу...
Что подделаешь? Дефицит!»
Полон парень здоровья и силы,
И дублёнка – ему с руки.
А когда-то такие носили*

*В Сталинграде сибиряки.
Он про это вспомнит едва ли,
Просто парень обновке рад.
А дублёнки – не доставали,
Их мужчинам тогда – выдавали.
И в придачу ещё – автомат*

Многие его сверстники, с которыми Анатолий Дмитриевич начинал печататься, давно уже штурмовали столичный Парнас – он же ограничивался лишь редкими публикациями в «Смене», «Знамени», «Дружбе народов», «Советском воине». Но... следует отметить, что искромётные, аллегоричные стихи поэта о шахматах, которых у него невероятное множество, были замечены как в Москве, так и в Ростове-на-Дону. Приведу одно из них:

*С рожденья каждый метит в короли.
Да жаль – на всех не напасёшься тронов,
И если в короли мы не прошли,
Не страшно – можно жить и без короны.
Конечно, гордый королевский вид
Нам мог бы скрасить малую зарплату.
Не каждый шаг у короля грозит
Стать шагом к неминуемому мату.
Друзья! Вы огорчаться не должны
Да видеть в том судьбы своей насмешки,
Когда идёте в кони и в слоны,
И даже просто в рядовые пешки...*

Работая более 20 лет в «Молоте», он, при поддержке главного редактора Г. Губанова, а также с помощью друзей из областной писательской организации (В. Фролова, Г. Селегина, А. Геращенко и других) смог организовать и наладить

выпуск литературно-художественного приложения «Донское слово». Оно послужило неким катализатором в рождении Союза казаков Области Войска Донского, возвращению многих семей из эмиграции. Анатолий Ансимов был одним из членов первого атаманского правления Союза казаков. Какая боль сквозит в следующих стихах:

*А в ночах – недосып, а в полях – недород.
По бескрайним просторам жестокие орды.
Сколько серых веков мой великий народ
Был от храмов добра и свободы отторгнут!
То ордынская плеть – то боярская плеть –
По согбенным от тягот и горестей спинам!
Как не сохнуть тут мыслью, душой не мелеть
Нашим жёнам красивым и сильным мужчинам?
Сколько кровушки пролито, познано бед,
Знает тихий мой Дон, как все русские реки...
Но казацкий закон: «С Дона выдачи нет!» –
Словно высверк достоинства в человеке....*

Весьма заметен вклад поэта и в деятельность литературно-исторического общества «Шолоховский круг». Он – автор целого ряда поэтических сборников и публицистических книг о родном казачьем крае: «Славянский шлем» (1990), «Старый друг» (1994), «Избранное» (1996), «Лебяжий яр» (1999), «Ночная кукушка» (2001). Будучи с 1992 года директором полиграфической фирмы «Старый друг», Анатолий Дмитриевич внимательно относился к творчеству своих коллег, многим молодым авторам помог напечатать свои книги и сборники. О том, что значило печатное слово для автора и его коллег, он чётко дал понять в стихотворении «Последний журналист»:

*О колдовство свинцовых строк!
Строка такую мощь имела,
Что удивлялся даже Бог,
А чёрта – злая зависть ела...*

В лихие 90-е, как сейчас их принято называть, Анатолий Дмитриевич всё-таки вынужден был оставить журналистику. Занялся предпринимательством. Но стихи – не бросил писать. Изменилась тематика, стала проскальзывать некая безысходность:

*... И снова, как в детстве, споёт мне камыш
Убитую песню казачью,
И снова, волнуя неверную тишь,
Кукушкою лето заплачет...
Вновь будет струиться льняная вода,
Врачуя и тело и душу...
И вдруг я пойму: пролетели года,
И лучшие, может. Из лучших.*

Распад Союза, губительная перестройка, приватизация, передел социалистической собственности, варварское отношение к экологии и прочее-прочее не могли не повлиять на состояние его души, выплёскивающей на бумагу болевые, не лишённые глубокого смысла и метафоричности, стихи о России, о времени, в котором он жил и творил и будто бы чувствовал собственную вину за всё то, что он не в силах изменить:

*Стихи – не кормят, как известно,
Но всё же помогают жить.
Прости, Российская Словесность,
Я не могу тебе служить.
Мне жаль!..*

*Я ж многое умею,
И сила есть пока в руке...
Но как к сердцам пробиться, бляя
На непонятном языке?*

В начале июня 2002 года в музее станицы Кочетовской Семикаракорского района Ростовской области проводился очередной ежегодный литературно-фольклорный фестиваль «Закруткинская весна». Он стал последним для поэта, члена Союза писателей России Анатолия Ансимова. Похоронен поэт на Северном кладбище Ростова-на-Дону.

Использованные материалы:

А. Ансимов. – Избранное. – МП Книга, Ростов-на-Дону 1996 г.

Интернет-ресурсы: Википедия, а также:

Геннадий Селигенин – член СП России: «Он был неизлечимо болен Россией» - <http://ростовгород.рф/16-iskusstvo/696-ansimov-a.html>

Вера Волошинова, собственный корреспондент «Кавказского узла»;

Источник: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/21631/>

13.05.2018.

«Стихов не о любви не существует»

Анатолий Иванович Гриценко

1936 – 2007

*Стихов не о любви не существует.
Она с рожденья до конца – в крови.
Поэт скорбит, смеётся, негодует –
Всё от любви.*

«Всё от любви» утверждал в одноимённой книге, выпущенной в 1986 году Ростовским книжным издательством, Анатолий Иванович Гриценко – автор 12 книг стихов и одной книги прозы («Сказка о старом адмиралтейском якорё»). Любви спокойной, глубокой, всеобъемлющей: немногословной – к женщине, безудержной – к работе, которая «въелась и в жилу, и в кость», к «желтобровому полю, где воздух томен и густ, будто мёд» и где «в молоке разлившейся гречихи плавают подсолнухов желтки», к слову и ко всему,

что вмещает в себя слово РОДИНА. И это не просто высокие слова, а повседневная, трудная и в то же время прекрасная сельская жизнь, из которой поэт черпал своё вдохновение:

*... Есть на свете уголок земли,
Где у сельской кособокой хаты
Петухи купаются в пыли,
Зажигая гребнями закаты.
Там уводит в тишину тропа,
И само приходит вдохновенье,
И растёт, как иван-чай трава,
Главное моё стихотворенье.*

Родился Анатолий Гриценко 30 мая 1936 года в селе Шалаевка Кашарского района Ростовской области. Оба деда его, и по отцу и по матери – хлеборобы, выходцы из «тех самых донских хохлов, которые у Шолохова в «Тихом Доне» дерутся на мельнице с казаками». Отец, Иван Иванович, после семилетки закончил курсы нормировщиков, потом – учительские, любил рисовать, сочинять стихи, петь, играть на струнных инструментах. Мать – Евдокию Степановну – уже со второго класса забрали из школы. «Не за учителя замуж выходить! Иди гусей пасти», – рассудил дед. А вышла как раз-таки за учителя. Анатолий был их первенцем.

В 1939 году семья переехала в посёлок Первомайский Кущёвского района Краснодарского края, где отец работал счетоводом на железнодорожном разъезде Кавалерский. В 1941 году отец ушёл на фронт и вернулся лишь в марте 1947 года. Военные годы и оккупацию будущий поэт пережил с матерью и младшими сестрой и братом на разъезде и в расположенном рядом Кущёвском зерносовхозе:

*В сорок третьем холодной зимой
С рубки хвороста стал постигать я работу.
Было семь мне тогда.
Был я мал, а топор мой велик.*

*Я махал им с трудом
До седьмого, десятого пота.
Я махал им до слёз.
И, ревя, к топорищу приник.*

Мать в ту зиму сильно заболела, и семилетнему мальчишке пришлось очень тяжело. Понятно, что дети рано выросли – время такое было. «Той, слезами политой вязанкою дров / Мы согрелись и кашу сварили». И когда мать чуть слышно прошептала:

«Спасибо, кормилец, сынок...», он ощутил себя мужчиной в доме, способным взять на себя ответственность и многое превозмочь. В восьмилетнем возрасте будущий поэт, как некогда и его мать, тоже пас гусей. Позже в стихотворении «1944 год» он напишет:

*В небе звенят жаворонки.
Пыльно цветёт лебеда.
Сяду я подле воронки –
В ней зеленеет вода.
Тонная бомба упала
В этот сверкающий луг.
Пахнет земля аммоналом –
Смертный, пугающий дух.
Где-то война под Берлином,
Мы пережили её...
Уток пасёт с карабином
Лето восьмое моё.*

А самое первое стихотворение Анатолия Гриценко, посвящённое встрече Нового года, было напечатано в 1950 году в школьной стенгазете. На тот момент он ощущал себя самым счастливым человеком. В 1952 году он поступил в Ростовское

речное ремесленное училище №11. Посещал занятия лит-группы при газете «Речник Дона», где публиковал свои ранние стихи, заметки, зарисовки. По окончании – три навигации работал рулевым на буксирных теплоходах «Грозный» и «БТ – 152». В армии служил рядовым на острове Новая Земля вблизи ядерного полигона:

*Есть на Крайнем Севере фундамент –
С мерзлотою сросшийся бетон.
Он моими выстроен руками,
Потому – стоит надёжно он.
А над ним зенитная ракета,
Неустанно целясь в небосвод,
Серебристым инеем одета,
Льдистую границу стережёт.*

После демобилизации семь лет работал на Ростсельмаше формовщиком, слесарем-сборщиком, позже – рабочим комбайнового завода. Занимался в литобъединениях при газетах «Волга-Дон» и «Ростсельмашевец». И где бы ни работал Анатолий Гриценко, работа для него была главным делом жизни. Кто-то может возразить, что слишком пафосно, плакатно, недостаёт средств художественной выразительности и т.д. Но именно с таким отношением к труду, советский народ смог поднять страну из руин, восстановить разрушенное войной хозяйство:

*Пахать, косить, вязать и формовать –
Вобрало всё обыденное слово,
Чем живы мы –
Оно всему основа,
Оно словам на всех наречьях – мать,
Его с заглавной буквы надо бы писать!*

Первую книгу «Медовый месяц» Анатолий Гриценко выпустил в 1965 году. Парня заметили в областной газете «Комсомолец». С тех пор он работал журналистом в ростовских газетах, в журнале «Дон», в аппарате Ростовской писательской организации. Не могу сказать, что стихи о любви к женщине отличаются особой метафоричностью, но они чисты и искренни, а потому трогают за душу. Иногда он закольцовывает строфы:

*Не вычерпать из сердца моего
(И кто-то пусть победно улыбнётся)
Синь глаз твоих, как небо из колодца...
Не вычерпать из сердца моего.*

Но образность автор с лихвой добирает в стихах о природе. Приведу лишь небольшую их часть, когда читаешь и, восхищаясь его слогом, воочию ощущаешь, как «Голубыми спичками в тумане первые подснежники горят», или как «Пахнет гречей и цветущим просом, тишиной заброшенных дорог», «А ночь уже ромашково-светла, и месяц, раскалённый добела упал за горизонтом дынной коркой» или «И в зеркала широких лемехов заря глядит, по-девичьи румяна», и в то же время «Ещё дымит пустая гильза дня, а новый день – патроном в пистолете» и т.д. А как «вкусно» он описывает арбуз:

*Где луна незрячим смотрит глазом
И под ветром гнутся ковыли,
Тонкой пуповиною привязан
Он к утробе матери-земли.
Баловень степи.
Питомец лета,
Он лежит – земное торжество,
И звезда блестит перед рассветом
На росистом темени его.*

*Малый сын большой земли суровой,
Славящий собою бытиё,
Соком жизни вскормленный медовым
В точности похожий на неё!*

«Зачем ты начал писать стихи?» – не раз задавал себе вопрос автор и сам же отвечал: «Душа жаждала рассказать о радости ощущения бытия, полноты жизни, о красоте человеческого труда, о необходимости сочувствия и сострадания к слабому, о волшебных чарах природы родной земли. Пожалуй, желание рассказать часто опережало умение, и не раз пришлось пережить горькие минуты сомнений, разочарований». Не каждый из писателей делится сомнениями, неудачами. Привлекает сюжетность стихотворений, описывая тот же чертополох, бессмертники, чернобыл, жерделу, бабочек или рыб, автор это мастерски обыгрывает, вплетая в канву стихотворения жизненные ситуации, переживания лирического героя, усиливая тем самым эмоциональное восприятие. Приведу прекрасную строфу о безысходности поздней осени, которая ассоциируется и с возрастом человека:

*Как будто птица серая, устав,
Присела отдохнуть на бездорожье,
И, крылья мокрые но ветру распластав,
Бессильно бьётся и взлететь не может.*

Чувствуется душевная чистота, самодостаточность, приверженность к традиционной ритмизованной классике. А вот и стихотворение о любви к женщине. Немногословное, ёмкое, без лишних признаний-стенаний, но в двух последних строках всё сказано. И ничего не надо добавлять. В этих стихах в метафоричности автору не откажешь:

*Костры созвездий полыхают в полночи.
Лежи в тумане
И слушай до утра
Как на курганы иноходью волчьей
Взбегают одичалые ветра.
И дальний гром проходит стороною.
Арбузом пахнет молодой рассвет.
И небо объясняется с землёю
Трассирующей азбукой комет.
И всё твоё:
И запахи, и звуки,
Наполненные гулом большаки,
И на плече доверчивые руки,
И нежное дыханье у щеки.*

В 1969 году Анатолий Иванович был участником Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве, а в 1973 году – принят членом Союза писателей СССР. Вот что сам автор пишет о себе: «Учился на Высших литературных курсах при Литинституте имени Горького (1975-1977). Публиковался в журналах «Огонёк», «Дружба народов», «Подъём», «Поле Куликово», альманахе «Поэзия». Переводил на русский стихи с болгарского, армянского, грузинского, чеченского, адыгейского, даргинского, якутского языков. Работа моя в поэзии была удостоена областной комсомольской премии (1972), премии областного комитета защиты мира (1984)». Не могу не привести строки автора из поэмы «Часы Хиросимы» о страшной трагедии, когда по приказу президента США Трумэна была сброшена атомная бомба на Хиросиму 6 августа 1945 года (остров Хонсю):

*Сейчас погибнет Хиросима.
Пилот не смей!
Останови своего сына,*

*Останови своего сына,
Останови своего сына,
Энола Гей!..
Привычно пилот нажимает педаль –
И... слепнет,
И глухнет,
И корчится даль.
Часы Хиросимы навеки замрут:
8 часов 15 минут...*

Генерал Спаатс был уполномочен предложить командиру Б-29 полковнику Тиббетсу, ввиду исключительной важности задания и в знак особого доверия, самостоятельно дать имя своей смертоносной машине. «Взволнованный такой честью Тиббетс на секунду закрыл глаза, затем отвёл их от генерала и устремился в небесную даль. Прошло несколько секунд. Взгляд лётчика снова остановился на генерале:

– Если разрешите, сэра, я хотел бы назвать самолёт именем моей матери – Энола Гей...». Назвать именем матери?! Есть ли на свете большее кощунство? Трудно сказать... «Узнав о случившемся, Трумэн велел подать шампанское...» (цитаты из кн. А.И. Йорыша, И.Д. Морохова «Хиросима», – М.:Атомиздат, 1979):

*Двести тысяч сгоревших
Улыбок,
Сердец,
Четыреста тысяч глаз.
Их тени поныне –
На мостовых,
Хватаются словно за тени живых,
Умоляют: остановись,
Мы тоже любили жизнь!
... Вот*

*Человеконенавистничества труд –
Трупы по речке Ота плывут.
Сварившиеся люди не тонут в реке,
В бурлящем, парящем её кипятке.
Случая или, может, закона каприз:
Мужчины – лицами вверх,
Женщины – лицами вниз.
Дым ядовитый, удушливый пар...*

Даже читать такие вещи жутко.... В 1997 году Анатолий Иванович Гриценко был удостоен премии имени Виталия Зарукткина. С 1991 года – он – член Союза писателей России. Последней книгой, выпущенной при жизни, был сборник стихов «Мгновения счастья и боли», в которой подведены итоги его творческого пути. Умер писатель 16 декабря 2007 года. Похоронен на Северном кладбище Ростова-на-Дону.

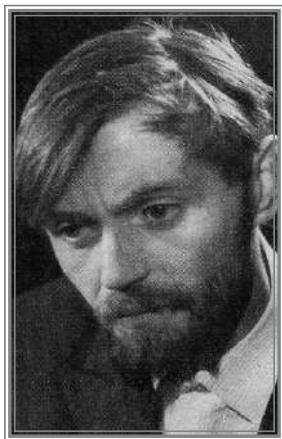
Книги, выпущенные А.И. Гриценко:
Медовый месяц. — Ростов н/Д: Ростиздат, 1965.
Стихи. Серия «Поэзия Дона». — Ростов н/Д: Ростиздат, 1968.
Ровесники. — М.: Молодая гвардия, 1970.
Родниковый свет. Стихи. — Ростов н/Д: Ростиздат, 1971.
Сказка о старом адмиралтейском якорю. Проза. — Ростов н/Д: Ростиздат, 1973.
Роса полей. — Ростов н/Д: Ростиздат, 1974.
Желтобровое поле. — Ростов н/Д: Ростиздат, 1979.
Над порогом моим. — Ростов н/Д: Ростиздат, 1983.
Стихи. «Проталины». — М.: Сов. Россия, 1984.
Всё — от любви. — Ростов н/Д: Ростиздат, 1986.
Эхо разлук. — Ростов н/Д: Ростиздат, 1990.
Цветы и колосья. — Ростов н/Д: Пегас, 1996.
Мгновения счастья и боли. — Ростов н/Д: Новая книга, 2006.

21. 05. 2018.

«Высотой своей убит»

Борис Терентьевич Примеров
1938 – 1995

К 80-летию Бориса Примерова

*Ты знаешь,
Акация пишет стихи
Все ночи в предлетние сроки.
Прислушайся,
Слышишь,
В зелёной тиши
Рождаются белые строки.
...Рассветные росы
По листьям стекла,
Им в белом кипении тесно.
Ах, эти, ах, эти, ах, эти стихи
Зелёной ещё поэтессы.*

Это строки одного из ранних стихотворений Бориса Терентьевича Примерова – замечательного певца донского края, члена Союза писателей России, написанное в далёком 1958 году. С самого начала просматривается едва уловимая связь «зелёной ещё поэтессы» и юного на тот момент автора, сумевшего донести до читателя своё видение, своё восхищение красотой и гармонией родной природы. Позже стихотворение «Акация» войдёт в первый авторский сборник «Синевой разбуженное слово», выпущенном в Ростове-на-Дону. Но до этого ещё далеко...

Родился будущий советский и российский поэт 1 июля 1938 году в селе Матвеев Курган Ростовской области. Мать Примерова – из украинской знати, росла сиротой (почти вся

семья погибла в годы Гражданской войны). Отец – донской казак, учился в кадетском корпусе. После Октябрьской революции служил офицером в Красной Армии. Когда стало известно о раскулаченных родителях, к тому же, что жена Терентия «из бывших», его уволили из армии и, естественно, исключили из партии. В годы Великой Отечественной войны был на фронте. После войны семья переехала в станицу Мечётинскую, где и прошло детство Бориса. Детей было четверо: старшая сестра, Борис и два брата. Удивительная красота и необозримость степей, южнорусский фольклор с некоторой примесью украинского пленили будущего поэта. Мать обладала исключительным музыкальным слухом, умела хорошо петь. С её слов, стихи и «истории» он сочинял сызмальства, «разговаривая» с травами и птицами и слыша их «голоса». Отец мальчика работал в колхозе, увлекался охотой и рыбалкой. Безусловно, это отложило некий отпечаток на формирование личности Бориса Примерова.

«В годы войны, – пишет член Союза писателей России – Василий Воронов, знавший писателя, – маленького Бориса контузило. Взрывная волна от авиационной бомбы шмякнула его об стенку сарая. Мальчик остался инвалидом. В дальнейшем контузия эта спасала и сохраняла нам поэта». Сохранились совсем ранние записи из первой его тетрадки:

*Таскают тачки, крутят гайки,
Вздымают солнце в небо кранами,
В промасленных спецовках Гайдны,
В обветренных спецовках Байроны.
Как волны, под рубахой мускулы.
Вгрызаются ковши, лопаты.
Вот так здесь добывают музыку
И выдают стихи ребята.*

Внутренний мир начинающего поэта и внешний облик находились в полной противоположности: заикался (сказалась контузия), говорил невнятно, ходил как-то бочком, одевался – вовсе безалаберно: «потёртый засаленный пиджачок, мятые штаны». Многие односельчане воспринимали его как Божьего человека: кто шутил, кто жалел, кто подтрунивал. А он рос впечатлительным, равнодушным, несколько задиристым, самозабвенно любил степь и родную землю:

*Бьют в лицо мне отчаянно
Ветры, грозы, моря...
И садится, как чайка,
Мне на плечи заря.
Я дождями обласкан,
Солнцем, тысячью трав.
Я не сказка, не сказка –
Настоящая явь!
Я не робкий, а ярый,
Я в простор голубой,
Как бунтующий парус,
Дерзко поднят землёй.*

Трудовой путь начал на заводе «Ростсельмаш» подсобным рабочим у плавильной печи:

*Разнорабочим я работал,
Ладони обжигал металл.
Как хлебу, каждой капле пота
Я цену собственную знал.*

Борис очень много читал. Был напрочь покорён художественностью прозы Михаила Шолохова. Позже в беседе с Ва-

силием Вороновым, он скажет, что «Тихий Дон» не проза, а эпическая поэзия, музыка:

– По форме, может быть, симфония. С колокольным звоном, с молнией и громом, с хоровым пением, с жаворонком, с рёвом бури и тенором канарейки. Читай вслух – каждое предложение законченная музыкальная фраза. Музыка и синтаксис!

– Как «Слово о полку Игореве».

– Как «Вечера на хуторе...», как «Вий».

Очень тронуло за душу стихотворение Примерова «Перед картиной Репина»:

*И при всех
В галерее картинной
Посреди золотого Кремля
Вздрогнул царь –
С окровавленным сыном,
Весь тяжёлый от чувств,
Как земля.
Царь застыл,
Будто каменный панцирь,
Очи выкатив,
Как облака.
Кровь струилась по тонким пальцам
Из зияющего виска.
От безумия дали глохли
Там, на небе,
И на земле,
И плясали, как скоморохи,
Слёзы жизни
На мёртвом челе.
Остывала кровь царского сына
На стареющих, властных руках.*

*Дорисовывал вам картину
Пожилой человек в очках.*

В середине 1960-х годов Борис оставляет всем сердцем любимую степь и едет в Москву, поступать в Литературный институт имени Горького. Поступил со второго раза. Не тех кумиров привёл в пример на собеседовании, хотя творческий конкурс выдержал успешно. Примеров очень любил стихи Сергея Есенина, Марины Цветаевой, Николая Гумилёва, Бориса Пастернака, а Павла Васильева, вообще, считал своим учителем. Оказалось – не то. Он также ценил произведения своих сверстников – Владимира Цыбина, Анатолия Передреева, Алексея Прасолова и Николая Рубцова – своего лучшего друга и соперника в творчестве. Судьбы этих талантливых и неприкаянных поэтов, очень похожи. Одновременно закончили институт, в одни и те же годы, выпускали книги, обоим наступила нелепая, бессмысленная и безвременная смерть. Оба – «беззащитные пилигримы», оба стали большими поэтами. Их называли «детьми околицы». Живя в столице, они воспевали деревню. Прочитую отрывок Примерова из стихотворения «Судьба»:

*Как об острое железо,
О степное бытие
Я до памяти изрезал
Сердце чуткое своё.*

«Неуёмную образность», «густую метафоричность» справедливо стали считать отличительной стилиевой приметой поэзии Примерова, которую он постоянно развивал. Весь мир был для него «завёрнут в метафоры» (В. Цыбин). В подтверждение слов, сказанных его другом, приведу лишь малую их часть: «Белый дым воспоминаний», «в русалочьих душах де-

ревьев и трав», «клавиши поющих звёзд», «белый выдох берёзок и яблонь с головой накрывает меня», «и, как лохматые созвучья, шмели гудели на лугу», «и вздох надломленной сирени бросается под трезвый нож», «день падает под колесо опережающих событий», «сутулость разлуки забрасывает невода», «зелёные, как малахиты, реки подводные глаза», «тишина – это мумия смолкнувшей бури», «рухнул наземь израненный ветер, окровавленный, молодой» и т.д. Перечислять можно долго...

Борис окончил Литературный институт в 1970, а членом СП стал двумя годами ранее. Лучшей своей книгой считал «Некошенный дождь» (М., 1967), которую редактировал В. Соколов. Свою любимую и незабвенную степь он называет «Царь-девица – великое жито,

Государыня-матушка – степь». Очень переживал, что рвутся корневые, родственные связи с деревней и не только у него, а у целого поколения шестидесятников:

*Боже мой, какие чащи!
Только весь я навсегда
Городской, совсем пропащий
Для крестьянского труда.
... Вышел месяц под деревья
Из-за старенькой реки,
Поздоровался с деревней
И не подал мне руки.*

Кроме написания стихов, у Примерова была ещё одна страсть – собирать книги, причём не только художественную литературу. То, что он один из лучших знатоков и книгочеев, знала вся литературная Москва. Многие литературоведы и критики брали у него справки, консультировались с ним.

Женился Борис по любви, страстной, взаимной, всепоглощающей. Выбрал самую красивую девушку в Литинституте: высокую, стройную, черноволосую, с косой до пояса, заплетённую по-старинному обычаю. «Борис в брачном оперении токовал, как глухарь»:

*Будут пахнуть смородиной,
сливой, укропом,
Освежающим духом
густой конопли
Губы девичьи,
звёзды и тропы –
Всё, от этого неба
до самой земли.*

А под венец их привёл Державин. Оба любили этого поэта, неустанно цитировали, как признаётся В. Воронову жена поэта – Надежда Кондакова:

– Борис читал мне наизусть Державина, а я отвечала Державиным. Он – «Фелице», я – «Бог», он «Снегирь», я – «Водопад». От большой любви родился сын Фёдор. Прочитую отрывок одного из посвящений Надежде из стихотворения «Август»:

*Пыльно, матушка, во поле,
пыльно, родная,
Истомилось, умаялось
солнце вконец,
Но, пчелой полевой
над цветеньем летая,
Замирает
и снова гудит бубенец.*

Но... семейная жизнь всё-таки не удалась. Жена ушла к другому... Борис долго не мог оправиться от измены. В характере стали проявляться нотки женоненавистничества, даже в отношении знакомых женщин и литературных героинь. Однажды в одной из московских газет он опубликовал статью о женских образах в «Тихом Доне», в которой обвинил Аксинью и Дарью «в распущенности, в разрушении семьи», что подрывает устои казачества, а значит, и державы в целом. «Бесплодная красота, вредная красота! ... У Шолохова просто так ничего не бывает». Утверждение, конечно, весьма спорное, учитывая с какой любовью эти образы выписаны у самого Михаила Александровича, однако, имеет место быть...

В 1980-х годах он решил вернуться на родину. Приобрёл настоящий казачий курень с большим огородом и хозяйственными постройками в хуторе Донском, близ Азова. Работал с азартом, посадил овощей видимо-невидимо, радовался каждому дню. Отпустила боль измены. «Завёл два десятка кур, десяток уток. Ему позавидовал бы граф Толстой» (В.В.). Жизнь мало-помалу вернулась в нужное русло. Следует обратить внимание, какие яркие олицетворения применяет поэт:

*Ваше сиятельство, красное солнце,
Ваше высочество, истинный день,
Только позвольте испить из колодца –
Выслушать песню седых деревень.*

Полное слияние с природой. В глуши, где восходы и закаты солнца превосходили по своей красоте и торжественности любой московский театр, любое действие, созданное человеком. Приведу пример ещё более мощного, жизнеутверждающего обращения к природе:

*Свете мой, моё сено,
Алый ветер косьбы, –
Ваши жить несогбенно –
Нет счастливей судьбы.
Любит Русь сенокосы,
Семь горячих цветов –
В остужающих росах
Загорелых лугов.*

Всё, что связано с деревней, с природой Примеров без усталости готов воспевать, потому что это непреходящая его любовь, его вдохновение, его страсть, которая подступает как слёзы к горлу и которая, как и Её Величество Поэзия, свята для автора:

*Раскрывайся ты пошире,
Золотая дверь небес,
Чтобы вышел дождик-лирик
И упал на тёмный лес.
Он упал с душой раскрытой,
Пахнущий на сотни лет
Яблоком и спелым житом,
Как пришедший в мир поэт.*

Всё бы хорошо, но... одного не учёл при покупке жилья Борис Примеров – не знал разрушительной силы наводнений. Случалось, что западный ветер с турецких берегов нагонял черноморскую волну в Таганрогский залив, давил и поднимал азовскую воду в устье Дона. Хутор Донской первым встречал разрушительную низовку и по самые крыши оказывался под водой. Однажды и его курень не миновала подобная участь. Почти сутки просидел на чердаке, молился и читал стихи, а вокруг бушевала стихия: паника, шум, заполошный плач де-

тей. Оставшись в живых, за бесценок продал загубленное наводнением подворье и вернулся в Москву. Последнее его пристанище – дача в Переделкино, выделенная М. Суловым по решению Политбюро СССР.

И, наконец, последним ударом для Бориса Терентьевича оказался распад страны. «Он, поэт крестьянской корневой России, выступает против развала интернационального коммунистического государства, потому что видит в этом процессе не наносное, поверхностное (борьбу с КПСС, КГБ, с бюрократами), а видит главное: попытку международных сил добить его великую державу, Российскую империю», – пишет Сергей Соколкин, поэт, председатель Комиссии по литературному наследию Б.Т. Примерова при СП России, Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Трудно, очень трудно жил поэт последнее время. Не смог он, как и сотни тысяч россиян, вписаться в рыночную экономику, грабительскую приватизацию, разграбление природных ресурсов страны и прочий негатив:

*Ворона чахлая маячит
Перед забрызганным окном.
А сердце вместе с далью плачет,
Да, вместе с далью об одном.*

«Чтобы убить народ, надо убить его поэтов», – всегда любил повторять Борис Примеров. Тяжело поэту дались эти «страшные смутные октябрьские дни 1993 года, когда народ поднялся против антинародной ельцинской клики... И все эти дни мы встречали на баррикадах вблизи Белого дома хромящего бородатого ангела с глубокими печальными глазами – великого поэта Бориса Примерова» (С. Соколкин).

В 1994 году, начисто раздавленный, сломленный развалом страны, поэт пишет цикл стихотворений гражданской на-

правленности, в том числе, стихи-плач, стихи-молитву «Боже, помилуй нас в смутные дни». Но мне хочется процитировать строки из более раннего стихотворения «Голубь», написанного ещё в 1977 году. В прозорливости автору не откажешь:

*Я стучу о ржавый короб
Трав осенних, серых плит.
Я голодный, тощий голубь,
Высотой своей убит.*

5 мая 1995 года Борис Примеров свёл счёты с жизнью на своей даче в Переделкино, оставив предсмертную записку: «Три дороги на Руси: я выбираю смерть. Меня позвала Юлия Владимировна Друнина... Неохота жить с подонками: Лужковым и Ельциным... Опомнись, народ, и свергни клику... такого не было и не будет на белом свете».

Похоронен на Переделкинском кладбище. По-разному мы можем относиться к событиям 1993 года, не придут к общему мнению и историки и литераторы, но не читать стихи Бориса Терентьевича, невероятно искренние, болевые, пронизанные сыновней любовью к донской земле и к родине в целом, мы не вправе. В станице Мечётинской, где прошло детство поэта, есть небольшой музей, библиотека его имени, к тому же, среди школьников ежегодно проводятся примеровские чтения. Литераторы Дона жарким июлем тоже собираются в Мечётинской почтить память безвременно ушедшего, неприкажанного «человече» – великого сына земли донской. Нередко на литературно-музыкальный праздник «Поющее лето» приезжают в станицу и гости из Москвы. Пока жива память, будет жив и поэт в наших сердцах:

*Я лежу,
Живой, русоволосый,*

В изголовье – лебединый всплеск.

Месяц поднимается вопросом,

И созвездья

Падают

На лес!

Кто сказал, что я не человеке?..

Используемая литература:

Сборники Б.Т. Примерова: «Синевой разбуженное слово» (1964), «Некошенный дождь» (1967), «Румянец года» (1971), «Весенний гость», «Наедине с родимым небом» (оба — 1972), «Талая заря» (1974), Вечерние луга (1983).

«Сюжеты о писателях» – Василий Воронов, «Донской писатель» – Ростов-на-Дону, 2012 г.

Интернет-ресурс: Википедия, «Соколиная книга» Сергея Соколкина.

09.02.2018.

*Впечатления о книге
«Возвращение в неизвестность»*

*Зоя Владиславовна Самарская
1953*

Родилась и выросла в городе Стародубе Брянской области. Училась хорошо, занималась спортом: волейбол, лыжи, стрельба из винтовки, шахматы. Увлекалась фотоделом, принимала участие в общественной жизни: оформляла школьную стенгазету – рисовала, писала заметки. В 1977 окончила Куйбышевский политехнический институт им. В.В. Куйбышева. Работала на агрегатном производственном объединении инженером-конструктором в отделе механизации и автоматизации. С 1983 г. проживает в Волгодонске. Работает, зани-

мается творчеством. Пишет акварелью, маслом.

Автор авантюрно-приключенческих романов: «Позвони мне вчера», «Штука баксов за идею», «Бриллианты для Бернара», «Двенадцатый уровень», «Мираж над чёртовым болотом», «Хранители тишины». Выпустив в 2012 г. книгу сказочных историй для детей «Юля, проказница Фляня и кошка

Прикса», стала лауреатом V-го регионального конкурса имени Владимира Карпенко в номинации «Проза».

Секретарь Регионального отделения Российского союза профессиональных литераторов, член Союза писателей Дона. Имеет публикации в городском литературном сборнике «Калейдоскоп», областном – «Донские волны» и в общероссийском сборнике «Литера» (Тверь), в журналах «Союз писателей» (Новокузнецк), «Параллели» (Самара) и «Российский литератор» (Нижний Новгород), редактирует прозу в областных альманахах «Наше слово» и «Донская сотня».

20 июня в Центре общественных организаций города Волгодонска состоялась презентация книги Зои Самарской «Возвращение в неизвестность», посвященной родителям автора: отцу – ветерану ВОВ и матери, на долю которой, начиная с 1942 года выпала тяжёлая участь «восточной рабочей», участнице двух побегов – из Германии в Швейцарию, а затем во Францию. Гостям презентации был представлен авторский короткометражный фильм «Остарбайтеры» о злоключениях и страданиях советской молодёжи, угнанной на принудительные работы в фашистскую Германию, о долгом и мучительном их возвращении на Родину. Содержание книги настолько захватило меня, что по прочтении её, мгновенно родилось стихотворение, которое я посвящаю автору, затронувшему такую болевую тему.

Невольные жертвы

*Воронки не считала от снарядов,
И немец не ломал на блиндажи мой дом,
Не меряла дорог со смертью рядом.
Мне статус беженцев по книгам лишь знаком.*

*И подаянья, к счастью, не просила,
Уверенно всю жизнь шагала по земле.
Гордилась Родиной своей – Россией.
Хлеб-соль – не лишние, но были на столе.*

Не утоляла голод затирухой
И не тряслась в вагоне затхлою для скота,
Не приходилось пороха мне нюхать,
Не гнула вовсе на Германию хребта.*

*Всё потому, что не было на свете
Меня в те трижды распроклятые года,
Когда сапог фашистский по планете
Топтал живое всё, не ведая стыда.*

*Судьбу чужую с горечью листаю,
И льётся, плещет, со страниц немая боль
О том, как попиралась честь людская,
Как проходили унижительный контроль.*

*Бесправные, голодные, нагие,
Насильно угнанные из своей страны,
Чтоб поднимать фашистам индустрию,
Питать утробу омерзительной войны.*

*Читаю – то в озноб, то в жар бросает –
Скитания-мытарства были нележки.
Не куличом – тюрьмой страна родная
Сынов встречала, обещалям вопреки...*

*Случалось, что Системою гонимы,
Таили страх и боль, чтоб уберечь семью.
Невольным жертвам Родины любимой
Пишу я, по прочтеньи, памятку свою...*

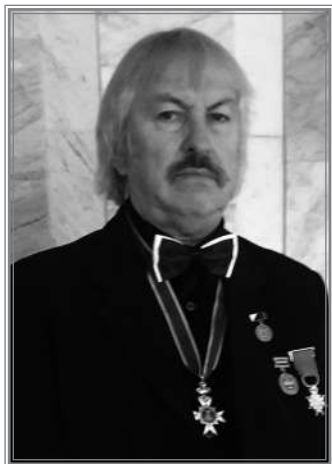
20.06.2019.

*затируха – кисель из муки

Неуёмная душа маэстро

Александр Николаевич Лаврентьев

1954

Заслуженный деятель всероссийского музыкального общества, талантливый композитор, аранжировщик, певец, учитель музыки и пения, воспитавший немало волгодонских звёздочек, слава которых давно перешагнула границы нашего города и не только города – Александр Николаевич Лаврентьев – отметил в этом году 60-летний юбилей. Впереди – юбилейный концерт маэстро:

Аккорды музыки чудесной,

Сливаясь в дивный звукоряд,

От вдохновения искрят...

Я поздравляю Вас, маэстро!

Восторг! Душа внимает песне,

А в ней – все чувства говорят!

Музыкальное искусство – самое свободное, самое возвышенное, гармоничное и, пожалуй, самое сокровенное из всех искусств. Александру Лаврентьеву необычайно повезло родиться в музыкальной семье. Его отец – Николай Фёдорович, прошедший всю Великую Отечественную войну и дошедший до рейхстага, был непревзойдённым баянистом, а мать – Валентина Гавриловна, получившая музыкальное образование, обладала великолепным голосом. Из четверых детей музы-

кальную династию суждено было продолжить именно Александру. Музыка оказалась его призванием, смыслом жизни, его неукротимой стихией.

В 4-х летнем возрасте Саша пишет своё первое произведение – небольшую пьеску для фортепиано. В 5 лет родители отдают его в музыкальную школу, в которой он с увлечением обучается всем премудростям игры на фортепиано, баяне, тромбоне, трубе. И в 11 лет необыкновенно одарённый паренёк создаёт на базе местной школы г. Крымска Краснодарского края свой первый в жизни ансамбль (два кларнета, труба, аккордеон, гитара и барабан). В течение трёх лет по воскресеньям ребята дают концерты во всех школах города.

Когда Саше исполнилось 14 лет, семья переезжает на место жительства на Урал в г. Новотроицк. Увлечённый подросток становится солистом биг бэнда при Дворце культуры. В 15 лет уезжает в Сургут и в течение года руководит эстрадным коллективом, опять же, при Дворце культуры. На какое-то время решает бросить музыку и заняться именно «мужским» делом, то есть бурить нефть. Однако её Величество Музыка надёжно поселилась в его сердце. На базе бурового управления создаёт профессиональный коллектив, с которым каждую неделю концертитрует и, надо сказать небезуспешно, по всем близлежащим буровым установкам.

Далее – Тюмень – воспитанник военного оркестра Высшего военного училища. Оттуда уходит в армию. Служит на границе с Китаем (Гродеково). Зачислен в ансамбль песни и пляски Дальневосточного Тихоокеанского пограничного округа, с которым объездил не только части вышеназванного округа, но и все погранзаставы Чукотки, Камчатки, Курильских островов. Давал концерт даже на острове Даманском, где в 1969 г. развернулись драматические события, разрушившие «великую дружбу» между СССР и КНР и чуть было не привели к войне между ними.

После армии твёрдо решил связать с музыкой свою дальнейшую жизнь, но возникает необходимость серьёзно взяться за образование. Поступает в музыкальное училище г. Новороссийска по классу трубы. Одновременно посещает три факультета: теоретический, фортепиано и вокал. Поскольку в душе композитор, понимает, что нужно знать изнутри все виды музыки: классику, эстраду, джаз, народный фольклор. Пришлось даже немного поработать в церковном хоре.

На заработанные деньги Александр покупает мотоцикл «Яву» и частенько ездит в родной Крымск. Там вновь при Дворце культуры создаёт творческий коллектив единомышленников, который в дальнейшем получил звание «Народно-го». Учась на четвёртом курсе, подрабатывает в Закарпатском театре музкомедии, гастролирует по югу России.

В 1980 году Александр Лаврентьев получает приглашение от Кубанского казачьего хора. Одновременно поступает в Ростовскую консерваторию. И вот тут-то юный, но уже довольно-таки известный музыкант, становится перед выбором. Чаша весов склоняется в пользу консерватории. Устраивается солистом в ростовский цирковой оркестр, подрабатывает в академическом хоре профессора консерватории Виктора Гончарова. Со второго курса руководит в Аксае ансамблем «Лирика», который тоже в дальнейшем получает звание «Народного». В 1984 году преподаёт в шахтинском музыкальном училище.

При консерватории впервые в России открывается джазовое отделение, и он в составе консерваторского диксиленда становится лауреатом джаз фестиваля в Москве, затем лауреатом 1-й степени в областном конкурсе композиторов Дона. После окончания он вновь поступает на 2-й курс этой же консерватории на теоретико-композиторский факультет.

А с конца 1985 года и по сегодняшний день творческий путь Александра Николаевича неразрывно связан с культурой нашего города. Он сразу создаёт джазовый ансамбль, стано-

вится солистом ансамбля песни и пляски «Атоммаш». В это же время выходит авторский сборник для детского хора и для фортепиано.

По приглашению Григория Дрыжакова он работает в ГДК «Октябрь», в течение 10-ти лет руководит народным оркестром. В составе ансамбля песни и пляски «Казачий Дон» ездил в Италию по обмену творческим опытом, выступал в Москве на День 850-летия города. При поддержке отдела культуры создаёт мощный эстрадный оркестр. В оркестре с ним работают Александр Григоров, Юрий Курчивенко, Надежда Марушкина, Татьяна Воловикова, Лала Бритт, Вика Беляева, Ольга Панкратова и т. д., чьи имена также ярко освещают музыкальный олимп Волгодонска. Замечательной командой выпущен альбом в стиле джаз-рок «По правилам игры», который с успехом продавался на Дону и в столице. Александр Лаврентьев делает аранжировки для Ростовской студии звукозаписи, выпускает музыкальный альбом «Наша марка».

Тесная дружба связывала Александра Николаевича с художественным руководителем Волгодонской театральной школы, режиссёром учебного театра «Этюд-студия» – Николаем Задорожным, который считал великой удачей встречу с талантливым композитором. Необыкновенно-трогательная музыка к сказке «Кошка, которая гуляла сама по себе» покорила его сердце. Сам Александр Лаврентьев в 2010 году покориł столичный бомонд, написав незабываемую музыку к постановке Алексея Беклемешева, тоже, кстати, ученика Задорожного, «Пир во время чумы». Спектакль произвёл настоящий фурор по словам маститых столичных театралов.

Долгое время Лаврентьев сотрудничал с режиссёром Валентиной Беловой. Им написана неповторимая музыка к 12-ти спектаклям. Кроме того, на слуху у горожан, глубокая проникновенная музыка к двум документальным фильмам «Волгодонск – город мой» и «Трава моя – полынь». Диапазон его

творчества неисчерпаем. Сотни песен, написаны этим замечательным человеком, в том числе на стихи городских поэтов: Анны Ковалёвой, Геннадия Грохольского, Ольги Денисовой, Ольги Быстрицкой, Михаила Хохлачёва. Перечислять можно долго. Лично я несказанно счастлива, что творческая судьба свела меня с этим необыкновенно-одарённым, душевным и немыслимо-трудолюбивым человеком. На данный момент только на мои слова им написано 12 песен, первыми исполнителями которых стали Елена Казусева и Людмила Елисеева.

В 2005 году преподаватель театральной школы Александр Лаврентьев и концертмейстер Надежда Марушкина на 5-м областном конкурсе исполнительского мастерства, состоявшегося в Белой Калитве, покорили жюри мастерским исполнением джазового попури, завоевав 1-е место. Музыкальную династию Лаврентьевых успешно подхватил и продолжает его сын – Евгений, ставший в 2005 г. лауреатом 1-й степени на джазовом смотре-конкурсе в Ростовской консерватории имени С.В. Рахманинова. Нужно отдать должное жене Наталье, которая бережно хранит всевозможные грамоты, дипломы, газетные вырезки, создаёт уют и комфорт неуёмной творческой натуре Александра. Его дочь Юлия специалист в области иностранных языков (два высших образования), живёт в Таганроге и по праву гордится своим отцом.

А сколько он обучил детей, наших волгодончан!.. Это уму непостижимо. Когда бы не зашёл к нему в комнату при Дворце культуры им. Курчатова, там всегда дети, подростки с гитарами, саксафонами, трубами, нотами. Сложно сказать, существует ли музыкальный инструмент, которым он не владеет, сочиняя песни для детей и взрослых, инструментальные пьесы, сонаты, концерты... Его воспитанники постоянно принимают участие в областных, всероссийских, международных конкурсах и возвращаются в город победителями, лауреатами. Наринэ Аветян уже даёт сольные концерты. Шестеро ребят закон-

чили Гнесинское училище эстрадно-джазовое направление. Бывший ученик Голышев Артём – преподаватель Краснодарской консерватории, а Володя Развозжаев окончил Московскую консерваторию и работает в самом большом концертном зале страны – Крокус-Сити-Холл. Это ли не результат?! Это ли не победа?! А путёвку в жизнь им выдал наш земляк, посвятивший всю свою жизнь беззаветному служению Музыке – Александр Лаврентьев. Однако, на достигнутом он не останавливается. В 2018 г. в Париже копилка многочисленных наград Александра Николаевича пополнилась Орденом «За заслуги в образовании и связь между народами». А закончить знакомство с моим современником, хотелось бы словами:

*«С неба звёзды достать» –
Вам всем сердцем желаю
И планету объять,
Ноту с нотой слагая.
Пусть летят ввысь и вширь,
Раздвигая границы,
Заполняя эфир –
Бытия чаровницы!*

27.07.2019.

Немного о «Штрихах» Веры Сытник

*Вера Владимировна Сытник
1959*

Пару недель назад я получила небольшой сборник мини-рассказов Веры Сытник «Штрихи», выпущенный издательством «Союз писателей» (Новокузнецк 2018), чему несказанно рада. А появился он в свет не сам по себе. В декабре 2016 года Марина Зейтц – член СПР, организатор обучающих конкурсов на сайте проводила «Конкурс 55-ти словников – 4. «Зимняя симфония». Согласно Положению, «рассказ должен быть кратко-лаконичен, стилистически выдержан, иметь

философскую направленность и неожиданный конец, зачастую заставляющий вернуться к началу, для того, чтобы заново осмыслить написанное». Конкурс проходил очень интересно, динамично. Многие участники написали не по три мини-рассказа, как требовалось, а по пять–десять–пятнадцать и т.д. А разожгла этот интерес, разбудила вдохновение у коллег именно Вера Сытник, написавшая вне конкурса более сотни рассказов. Вот что пишет сама автор об этом удивительно ёмком и лаконичном жанре:

55-словники

Рассказы объёмом в пятьдесят пять слов – прекрасная тренировка в работе со словом, стилем. Полезное занятие!

Весьма увлекательное, тонкое, кропотливое, трудоёмкое порой. Учишься дорожить каждым словом, учишься слышать каждую букву, учишься соединять слова, в предложении отсекаешь ненужное, заботясь о смысле. Учишься, учишься! Что получаешь в итоге? Одни сомнения, вновь сомнения... И так – без конца.

«Учишься, учишься!» А получаешь главное – бесценный опыт в работе со словом. Казалось, ей ли – филологу, преподавателю, писателю – чему-то ещё учиться, однако – нет предела совершенству. Весь месяц Вера Владимировна радовала и удивляла нас – участников конкурса, разнообразием тем, красотой и сочностью слога. Судите сами:

Родной

Ты дорог мне, как и каждому, кто любит нашу Родину. Ты исток, дающий силу тем, кто к нему припадает, ты река, спасающая от засухи, ты и море, куда эта река впадает и которое дарует ощущение мощи. Той мощи, что нужна каждому из нас. Ты предмет восхищения, предмет любования, предмет заботы, волнения! Мой родной русский язык!

Чем интересен этот жанр? Его даже описать сложно, потому что не выхватить из предельно сжатой миниатюры какую-то отдельную фразу – каждая из них идеально подогнана мастером и составляет единое целое. Именно поэтому привожу любой из рассказов полностью:

Базар

Ах, сколько красавиц! Высокие, стройные, украшенные пышными нарядами! Они прекрасны, свежи и нескромны в своей юной красоте. Их привезли сюда на продажу. Выставили, как выставляли когда-то молодых рабынь на невольничьих рынках. Как и рабыни, каждая из красавиц имеет опре-

делённую цену, и каждая обречена на забвение. Нигде мне не бывает так грустно, как на ёлочных базарах...

Жизнь и смерть, юность и старость, красота и увядание, радость и грусть – наши постоянные спутники-антагонисты, такие же, как и любовь и разлука, к примеру:

Миллениум

Взглянешь в окно – словно музыкальную открытку откроешь: улица поёт, блестит, сверкает! Мы вдвоём: ты сидишь в кресле у камина, смотришь на ёлку всю в украшениях. Я целую твои руки и тяну тебя вниз, на пушистый ковёр... А после ... говорю, что мне нужно срочно уйти. Ты вздрагиваешь, роняешь слезу. Неужели, и впрямь, веришь в новогодние сказки?!

Много, очень много интересного найдёт любознательный, неравнодушный читатель в этой маленькой книге с большим смысловым потенциалом. Привлекает глубина подтекста, умение реалистично показать внутренний мир человека, не вдаваясь в ненужные выяснения отношений. Особенно близки к душе рассказы, где до последнего предложения невозможно предугадать финал:

Дорога

Светит яркий месяц, озаряя пустынное белое поле. Падают хрустальные снежинки, кружась и сталкиваясь друг с другом, кажется, так и слышишь их нежный перезвон! Весёлая тройка коней, выбивая копытами серебристые брызги, несётся по заснеженной дороге! Лица сидящих в санях парней, девушек светятся молодостью, радостью, улыбками! Глаза блестят! Играет гармонь! ... трудно оторвать взгляд от лаковой палехской миниатюры!

Кроме чисто новогодней тематики, Вера Сытник пишет о Рождестве, о Крещении, несомненный интерес вызывают главы «Китайские мотивы», «Древнегреческие мотивы» и

даже «Немного абсурда». Не обошлось и без сказок. Прочитую одну из них:

Бедняжка

От природы она была стройной, высокой. Имела прямую спину, которую, как и характер, невозможно было согнуть, только сломать. Предпочитала всегда стоять, чтобы все её видели. Зимой пришла в гости - влюбилась. Почувствовала внутри себя тепло, сделавшее её мягкой, податливой, текучей... Тепло изнуряло... лишало сил, гнуло вниз. Когда жар стал невыносим, разгневалась, вспыхнула ... потухла! Бедняжка свеча...

Добро – главный критерий, которым руководствуется автор в написании мини-рассказов. «Работа в заданном формате оттачивает, концентрирует мысль, делает стройной композицию и лёгкой – систему выразительных средств, а также способствует бережливости чувств», – так пишет Вера Владимировна в предисловии к книге. А я в заключении, приведу обращение автора к музе лирической поэзии и музыки:

Эвтерпа

О, Зевс! Мой родитель! Прозу сегодня хочу я воспеть! Хочу обратить звуки нежной сиринги моей в буквы, способные передать всю утончённость пятидесятипятисловника! Прекрасный из прекрасных! Верх совершенства! В нём таится изящество, лёгкость. Брат он поэзии! Хочу подарить его людям! Пусть знают, что малая форма содержит немало достоинств, и главное среди них – глубина! Пусть полюбят его!

Могу с уверенностью сказать, что многие читатели, едва прикоснувшись к «Штрихам» Веры Сытник, полюбят сборник, как любят её «Цикады», «Очарование и сила слова», «Попугай и бабочка» и другие книги автора.

04.03.2018.

Несколько авторских зарисовок

Татьяна Александровна Мажорина

1956

«Штраф»

Белореченск... Небольшой, весь утопающий в зелени, кубанский городок. Середина шестидесятых. Юркой обезьянкой лазаю по огромному дереву, растущему во дворе. Собираю сливы. Живём неподалёку от вокзала. Если продадим – мама пообещала купить мне ванильную булочку и маленькую бутылочку сливок.

Пассажиры, возвращающиеся из отпусков с черноморского побережья, охотно покупают у населения фрукты в дорогу.

Правда, в те годы это называлось спекуляцией и, естественно, нещадно каралось. Это сейчас продавать заводы, фабрики и даже недра считается бизнесом. Однако, ближе к делу...

Утром, чуть забрезжил рассвет, мы пришли на вокзал. Диктор объявил о прибытии поезда. В последний момент горе-продавцы, в том числе и мама, мигом выскакивают из укрытий и – на платформу, смешиваются с толпой встречающих, отъезжающих. Стою за газетным киоском с небольшим ведёрком. Отходить нельзя – потеряю.

Тут подходят товарищи в милицейской форме.

– Торгуешь?! – Грозно спрашивает один из них, – школу, класс быстренько называй!

Стою – ни жива ни мертва. Ноги, будто к земле приросли. Вот-вот брызнут слёзы. А он хватает меня за руку и ещё громче продолжает:

– Молчишь? Ну-ка, пойдём к нам в отделение. Протокол составим, штраф выпишем – мигом разговоришься.

Подбегает мама. Отзывает милиционера в сторонку. О чём-то объясняет, просит. Смотрю, как зелёная трёхрублёвая бумажка – выручка за проданное ведро, ловко попадает в карман к защитнику закона. И нас милостиво выпроваживают восвояси.

Заря легла ровным светом на привокзальную площадь, умытые росой газоны, нежно приласкала листву деревьев. А мы уносили тихонько домой остаток золотисто-янтарных слив. Таким тяжёлым, почти неподъёмным, показалось это маленькое ведёрко.

Моё детское чутьё подсказало на тот момент: не доставать маму вопросами. Придём домой, опять придётся резать их на сушку. Растворилась моя ванильная булочка и сливки в кармане милиционера. Так в восьмилетнем возрасте я узнала, какими бывают «штрафы»...

17.04.2018.

Репутация

Тихий апрельский вечер. Пришиваю новые воротнички к школьной форме. Тщательно наглаживаю крылышки белоснежного фартука, вешаю на спинку стула два огромных, таких же белоснежных банта, новенький галстук. Любуюсь последним. Ярко-красное шёлковое чудо пылает, переливаясь на свету, как мне кажется, моей радостью. Завтра наступит 22 апреля – я стану пионером!

«В этот день, – рассказывала учительница, – родился Владимир Ильич Ленин».

Папа, пристроившись на стареньком диване, читает газету «Огни Кавказа». Это ежевечерний ритуал – отвлекать разговорами нежелательно. Мама в Майкопе, в больнице. Не так давно ей сделали операцию. Но о выписке пока речи не идёт. Мечтаю, как после школы сяду в электричку, расстегну кофточку... должны же люди видеть, что едет настоящий пионер. А мама-то как обрадуется! Наверное, ей сразу станет легче. И мы вернёмся домой вместе!

Ночью просыпаюсь несколько раз, щупаю рукой: на месте ли галстук, смотрю на будильник, как тот Петя-первоклассник из книжки Агнии Барто, который всё боялся проспать 1 сентября.

Наконец утро! Солнышко нежно целует окна, ласково заглядывает ко мне в комнату и замирает от восторга, увидев моё ярко-красное чудо. Мигом поднимаюсь, улыбаясь ясному дню. Наскоро совершив утренние процедуры, кручусь перед зеркалом. Прикладываю галстук к груди. Что-то горячее разливается по всему телу. Представляю, как я на торжественной линейке буду докладывать:

«Товарищ председатель совета дружины, рапортует председатель совета отряда 3-го «А» класса. Отряд к торжественному приёму в ряды Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина построен!»

– Всё! Хватит мечтать, – говорю сама себе. – Пора выходить!

Иду по улице с гордо поднятой головой. Улыбаюсь прохожим. Мне кажется, что все вокруг понимают, какой у меня сегодня счастливый день. Навстречу мне – бело-розовые облака цветущих абрикос источают удивительный аромат...

Счастье!

Широкий школьный коридор. Блестят только что вымытые полы. Началось построение. Все начальные классы в празд-

ничной школьной форме. Ярче других смотрятся третьеклассники – оно и понятно – сегодня у них (у нас!) праздник! Мальчики в синих брюках, а девочки в синих юбках. На всех белые рубашки.

Увидев меня в школьной форме, моя добрая прежде учительница, не могла сдержать возмущения:

– А для тебя что? Закон не писан?! Ждём представителей из горкома партии! Будут фотографировать. Что мне директор скажет? Как моя репутация в конце концов!

Растерявшись от шквала вопросов, мямлю в ответ что-то невразумительное:

– Мама не могла... не может... купить или сшить... она... это... она в больнице.

– Так! Чудненько! Рапорт говорить не будешь. Давай сюда галстук.

Нервно схватив меня за руку, быстро отвела в конец 3-го «В» класса, шепнула что-то другой учительнице – та кивнула в ответ. За мной стояли ребята 4-х классов в таком же наряде. Фотографию для отчёта я не испортила...

Мне завязали галстук самой последней. Репутация учительницы осталась незапятнанной. А что творилось в моей душе никому не нужно было знать...

Ни тогда, ни сейчас никого не виню, поскольку перегибы при любой Системе были и – уверена – будут во все времена. Ретивых исполнителей не прошибёшь...

04. 04. 2018.

Телеграмма

Август. Жара. Нечем дышать. Вентилятор не спасает. Звонок в дверь. Открываю:

– Вам телеграмма. Распишитесь! – сухо произносит почтальон. Читаю:

«Необходимо явиться 10 августа 9-00 улица Бабушкина 307 для прохождения практики»

– Какой Краснодар, мама! Зачем мне это? Это какая-то ошибка! Недоразумение!

Мама виновато отводит глаза в сторону:

– Там хорошо, дочка. Я узнавала. Неделю учиться – неделю практика. Будешь стараться – сыта будешь. И общежитие через полгода дадут...

– Выходит, это ты отвезла мои документы? За моей спиной? Как ты могла?! А как же институт, мама? У меня же ни одной четвёрки... За что?! Как моя физика, математика, олимпиады? Хорошо же ты меня определила. В стряпухи!

– Так лучше будет.

– Кому лучше, мама? Почему я должна уехать из дома?

Я понимала, что она давно болеет, тем более дико было слышать, что меня гонит из дому родная мать. Решает мою судьбу за меня.

– А как же ты будешь? Кто тебе помогать будет?

– Да не терзай ты меня, дочка. Уезжай! Так надо. Я и вещи тебе в дорогу подготовила...

– Кому надо, мама?

Не ответив, она ушла в зал. Худенькие плечи слегка подрагивали...

Откуда мне было знать, что через полгода её не станет... Ей было важно успеть пристроить меня куда-нибудь, чтобы я просто-напросто смогла выжить. Кто знает, что было бы, останься я дома, сложись моя судьба иначе?.. А я спорила, «кипятилась» понапрасну, но этим только причиняла ей лишнюю боль.

Что я могу сказать сегодня, спустя столько лет? Только подтвердить всем известную истину, что нет на Земле ничего бескорыстнее и дороже любви, особенно материнской, а юность бывает жестокой. Пусть даже произвольно.

02.04.2018.

Парадокс

Колония грачей обосновалась в перелеске неподалёку от деревни. Работающие, справные, чёрненькие все, как один, а весну-то как любят! Бытует мнение, что с прилётом грачей, весна приходит. А что? Даже на картине Алексея Саврасова «Грачи прилетели» запечатлён этот момент.

К чему это я, собственно говоря? Да клювы у них у всех крепкие, тонкие и длинные. Это специально, чтобы из земли удобней было выкапывать семена и насекомых. А гнёзда – на высоких деревьях справляют. Крепкие. Основательные. Не на один год, к тому же.

Ковыряются они, значит, ковыряются, пропитание добывают. Вдруг слышат на вечерней заре тихую-тихую и почему-то тоскливую песню. Похоже, малиновка поселилась неподалёку. Отвлеклись от трудов праведных, поинтересовались, как водится, между птицами. Не удивляйтесь. Птицы – они тоже как люди, всё понимают.

Оказывается, у бедолаги гнездо разорили, птенцов, совсем ещё желторотых унесли. Лиса ли, хорёк... кто теперь разберёт? Малиновки, в отличие от грачей, гнёзда прямо на пеньках, среди кустов или корневищ деревьев устраивают, а то и вовсе на земле. Но мамы они очень заботливые, даже за подкинутыми яйцами кукушат приглядывают.

Послушали грачи, послушали, посочувствовали. Кто травинку, кто листик, кто прутик принёс. Помогли жилище восстановить «всем миром», что называется. Но птенцов, ясное дело – не воротишь. Тут уж ты сама, красавица, подсуешься. И вновь за дела насущные принялись.

Но один грач никак не мог уgomониться. Продолжал недовольно вертеться вокруг малиновки. Да и виноват ли он в этом? Просто клюв у него был длиннее и тоньше сородичей, то есть вездесущий. Да и весну он любил на особинку: «неве-

штушкой своей» называл, красавицей ненаглядной. А она со своей исповедью. К чему? Кто её просил? Неужели не ясно, что это не главное?!

Он же Романтиком себя считал, причём, с большой буквы. А потому и рулады вёл исключительно про райские сады, «бело-розовые канделябры каштанов», молочные облака и даже краснощёкие помидоры, будь они неладны. Вот и принялся усердно преподавать ей уроки вокала. Могла ли малиновка пойти на это? Она-то знала, что каждый должен заниматься своим делом.

Смотрю я смотрю на этих пташек и думаю: кого из двоих пожалеть больше?..

06.04.2018.

Первоцветы

Раннею весной, когда на опушке только-только начал сходить снег не в силах противостоять солнечным ласкам, выскочил на поверхность крепенький стебелёк, весь покрытый мелкими ворсинками с раскрытым навстречу солнцу фиолетовым цветочком, очень похожим на маленький тюльпан. Это сон-трава или прострел (издавна так называемый в народе).

Огляделась сон-трава по сторонам. Вокруг голые, нахолодившиеся от холода деревья, грязный, подтаявший снег. Скука. Уныние. И среди всего этого безобразия – она, такая особенная! Единственная и неповторимая! Гордостью и самовлюблённостью наполнилась каждая её клеточка, каждая ворсинка трепетала от собственной значимости и превосходства:

– Фу! Какая кругом серость! Примитив... То ли дело я – красавица! Королева!

В упоении предаваясь восторгам, горячка вдруг заметила, что неподалёку пробился из земли нежный росточек адо-

ниса (горицвет по-народному). Пока он был крошечным, она снисходительно посматривала на него, высокомерно покачивая головкой:

– Недомерок! Что с него взять? Слыхала ещё, что мы оба из семейства лютиковых. Вот уж верно говорят, что «в семье не без урода». Даже мурашки, только теперь от негодования, вновь пробежали по её ворсинкам.

А он, простодушный, едва пробившись, был очарован холодной и гордой красавицей и даже попытался высказать ей своё почтение:

– Вы очаровательны, прекрасная соседка. Позвольте быть вашим верным другом.

– Это вы мне? Боже, какой заморыш! В друзья набиваетесь? Избавьте от этих глупостей. Да знаете ли вы, что медведь хмелеет, отведав моего цветка, а охотник, вдохнув мои чары, может проспать до конца весны мёртвым сном.

– А моим цветком, маменька говорила, можно болезни сердца вылечить. И даже глаукому. Вам это неизвестно?

– Бросьте! Эка невидаль помогать кому-то! Насмешили! Да я, если захочу, могу сама раны залечить, могу и злых духов прогнать и много чего ещё... Только больно мне это надо! – Сказав это, сон-трава с выражением крайней брезгливости отвернула свою головку.

Однако... в один прекрасный день, когда солнышко лучезарно разлило тепло по всей округе, горицвет вдруг расцвёл в полную силу, вспыхнув ярко-ярко и понял, что тянуться нужно не к самовлюблённой гордячке, а к солнцу и только к солнцу.

И чем ярче становился горицвет, тем бледнее – сон-трава. От раздражения несостоявшаяся королева выплеснула весь свой яд на соседа. И тут же завяла. А ведь какая красавица

была. Сколько пользы могла принести. Жаль... Способностью порадоваться чужой красоте, чужим успехам далеко не каждый обладает.

А что же наш горлицвет? Он цветёт по-прежнему, ведь душевная красота и в старости таковой остаётся...

11.04.2018.

«Я обращаюсь с требованием веры»

Летом 2015 года я посетила единственный в Крыму государственный музей Марины и Анастасии Цветаевых. Экспозиция музея носит название «Феодосия Марины и Анастасии Цветаевых» и отражает феодосийско-коктебельский период их жизни до начала Первой мировой войны, которая «разрушила крымскую идиллию» и повлияла на судьбу целого поколения.

Стихотворение «Над Феодосией угас...», написанное Мариной в феврале 1914 года крупным планом курсивом напечатано прямо в фойе музея. Читаю и чувствую гордость внутри всего лишь от того, что могу прикоснуться к великим творениям, побродить по местам её юности.

Тепло, с которым сотрудники музея говорили о Марине, проникала в каждую мою клеточку. Слушала, боясь пропустить слово. Крым только недавно вернулся в Россию, а искренняя любовь сотрудников и гостей музея к великой поэтессе, ко всему русскому, просто покорила меня.

Много, очень много интересных фактов узнала я о жизни сестёр, увидела, насколько сотрудники скрупулёзно и бережно относились к каждому предмету, которого касалась или могла касаться рука Марины. Экскурсовод, к сожалению, фамилию уже не вспомню, очень проникновенно и много читала наизусть её стихов.

Вернувшись домой, мне захотелось окунуться в творчество обеих сестёр, что-то освежить в памяти, что-то прочесть впервые. На пике вдохновения написала цикл стихотворений, посвящённых Марине Цветаевой и её творчеству. Позже как-то всё улеглось, придавил этот несносный быт, так нелюбимый в своё время Мариной.

... Прошло время. В июне 2017 года попадаю в Минск в качестве финалиста в номинации «Духовная поэзия» на четвёртый Международный литературный форум «Славянская лира 2017».

И каково же было мой удивление, когда церемония награждения участников форума и заключительный концерт в Доме Москвы начался с исполнения песни на слова Марины Цветаевой. Всё в душе перевернулось, когда, будто колокол, зазвучали слова: «Я обращаюсь с требованием веры и с просьбой о любви».

Кроме того, представитель департамента культуры при посольстве России в Минске, поприветствовав собравшихся литераторов, сказала несколько тёплых слов не только о Марине, творчество которой в республике Беларусь очень любят, но и о Георгии Эфроне – сыне Марины Ивановны, погибшем в 1944 году при освобождении Белоруссии. Такая память дорогого стоит.

Спасибо, Крым! Спасибо, Беларусь! За вашу любовь, за вашу память, за вашу дружбу! Пока мы помним корни свои, дорожим ими – будем жить мы, и будет жива Поэзия.

Я пью стихи Цветаевой Марины. Безудержно... Вздохлёб.

Её «стихам, как драгоценным винам», давно настал черёд!

(Фрагмент из одноимённого очерка от 16.07.2017.)

«Малиновый звон»

25 марта. Вечер. Вернулась из Ростова-на-Дону. Настроение приподнятое. Ничего, что четыре часа тряслась в маршрутке. Мелочи! Ничто не заменит живого общения на семинарах в Донской государственной публичной библиотеке. Привезла очередной номер газеты «Донской писатель». Усталость и умиротворение...

Однако отдых – слишком большая роскошь. Нужно внимательно просмотреть сценарий презентации нового коллективного альманаха «Наше Слово №3», которая состоится 31 марта. Сделать последнюю вычитку, звонки, уточнения, согласования, проверить клипы, слайд-шоу. Короче – время не ждёт! Я не могу никого подвести. Но... что-то меня заставило включить телевизор.

Трагедия в Кемерово! Пожар в торгово-развлекательном центре «Зимняя вишня». Жуткие кадры! Клубы чёрного дыма поглотили весь 4-й этаж. А там дети!!! Горит пластиковое покрытие, которым облицована изнутри игровая комната. Запасные выходы закрыты. Люди обречены.

А у нас в магазинах и учреждениях этого дешёвого, легковоспламеняющегося пластика – море! И только ли у нас?! Бизнес, рыночные отношения прочно укоренились в жизнь, глубоко пустили свои щупальца. В висках стучит: «Господи, как такое возможно? До каких пор будут происходить такие страшные события?!»

И вдруг – звонок по телефону: «Умер Николай Зурин». Старейший наш прозаик, стоявший у истоков литобъединения «Слово». Замечательный, светлый человек, удивительный певец донской природы. Две трагедии накладываются одна на другую. Одна большая общечеловеческая и наша личная, также невосполнимая. На мгновение спазм перекрывает дыхание...

Какой, к чёрту, сценарий! Отменить? Нельзя! Пока – в сторону! Обзваниваю литераторов, сообщаю трагическую весть. Решаем, чем мы можем помочь семье Зурина. Внезапно колючий дождь, словно издеваясь, забарабанил по стёклам, подоконнику. Осиротевший ветер яростно погнал снежную крупку, невесть откуда взявшуюся.

... Городское кладбище. Пасмурно. Холодно. Март в этом году на редкость капризный и своенравный. Кто-то из родственников писателя включает запись. Тихо-тихо звучит песня «Малиновый звон» в исполнении братьев Радченко. И – чудо! Выглядывает солнце, будто прощается с Николаем Петровичем и обещает, что всё будет хорошо. И знаете – верится, что именно ангелы примут его душу.

Дома снова механически переключаюсь на сценарий. Я робот? Не знаю... Но спазмы в груди случаются всё чаще. Нужно кое-что срочно заменить, позвонить иногородним, поскольку были номера с первоапрельским уклоном. Знаю, проблематично, но другого выхода нет. Давно мне не было так трудно, как в марте 2018 года...

И вот все метания позади. В зале нет пустого места. Сердце наполняется благодарностью. Спасибо вам, люди, за возможность поделиться с вами болью, радостью, грустью! Звучит спокойная музыка. Читаю стихотворение «Певец природы». На экране портрет Николая Зурина, а в душе – всё тот же «малиновый звон». Светлая память всем-всем погибшим 25 марта...

05.04.2018.

Содержание

Часть 1

Об авторе.....	4
«Кто вёл его на Геликон». Г. Р. Державин	5
«Правда всякой выдумки странной». Э. По	35
Маленькие большие истории И. Тургенева	50
Сочетание несочетаемого. Ш. Бодлер	55

Часть 2

Буревестник революции. М. Горький	76
Любовь и боль, и прозорливость... Е. И. Замятин	106
«Мои следы, ведущие в мечту». А. Н. Вертинский	119
«Уступи мне, скворец, уголок». Н. А. Заболоцкий	149
Перед выбором. Д. А. Гранин	177

Часть 3

«Поедем, Муза, в Волгодонск». А. А. Рогачёв	187
Калининское лето 2019. А. В. Калинин	204
Такая долгая жизнь. И. М. Бондаренко	209
«Прости, Российская Словесность». А. Д. Ансимов	231
«Стихов не о любви не существует». А. И. Гриценко	241
«Высотой своей убит». Б. Т. Примеров	250

Часть 4

Впечатления о книге «Возвращение в неизвестность» З. В. Самарская.....	262
Неуёмная душа маэстро. А. Н. Лаврентьев	265
Немного о «Штрихах» Веры Сытник.....	271
Несколько авторских зарисовок.....	275

Литературно-художественное издание

Татьяна Мажорина

Дорогами строк

Очерки, эссе, статьи, рецензии

9 785919 515555

Сдано в набор 19.08.2019 г. Подписано к печати 22.10.2019 г.

Формат 700х1000/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 18. Тираж 300 экз.

Заказ № 1069.

Отпечатано в типографии ООО «Альтаир»:

г. Ростов-на-Дону, ул. Вавилова, 55.

Тел. 8 958- 544-59-27, 8 (863) 219-84-25.

E-mail: oooaltair_office@mail.ru.

<http://altair-rostov.ru/>